

Пролог

Я — не из тех, кто сдаётся. Я из тех, у кого не принимают.

— Ангелиза Дэй! О чем это вы там замечтались? Ну расскажите всем нам! Не стесняйтесь! Нам тоже очень интересно! — послышался голос преподавателя прямо над ухом.

Это было не самое заветное желание — выглядеть старательной студенткой после бессонной ночи. С разорванными трусами, в жеваном носке, в мятой форме в обнимку со слюнявым конспектом.

Самым заветным желанием было вернуться обратно в комнату. И проверить, все ли там в порядке! Или просто вернуться в комнату и проверить, есть ли у меня вообще комната?

Я схватила перо. И записала последнее, что услышала: «читайте внимательно! В сто сорок восьмом томе «Коротко о нечисти» С. и Д. Винчестер все написано».

— Перейдем к проверке домашнего задания! И защитное зелье нам сварит... Ангелиза, к доске! — улыбнулся преподаватель. — Порадуйте меня!

За мной закрепилась репутация «хорошей студентки».

Наверное, потому что я никогда не призывала дух темного чародея в разгар сессии. В надежде, что он либо поработит мир. Либо сдаст за меня!

Я никогда не осуществляла дерзкие набеги на хранилище артефактов. С целью найти способ пронести ящик «Пьяной феи» в студенческое общежитие.

Мои тусы никогда не находили на подоконнике в библиотеке.

Я не выпускала свирепых учебных троллей из древних подземелий. Не принимала ставки, пока тролли били аккуратно, но сильно.

Не варила любовные зелья. Не слушала потом комплименты возле туалетной двери: «Я люблю тебя, красавица... Ой-ой-ой! Твои глаза, как алмазы.... Ой-ой-ой-ой-ой!».

Все дни напролет я проводила в библиотеке. Отрабатывала удары на учебном гоблине. Исправно выполняла все домашние задания...

Но не сегодня.

Еще утром я услышала довольное «ом-ном-ном!». И предсмертное шуршание вкусного домашнего задания. Я спросонья посмотрела на пол: «Вкус-сно тебе?».

— Покажите всем, как нужно готовиться к уроку! — произнес Ластик.

Он угрожающе сверкнул лысиной и очками. И бросил строгий взгляд на шуршащую галерку. Но «пронзительный взгляд» не долетел. Развеселая галерка не дрогнула, продолжая подсчеты девственниц в академии.

А еще обсуждали красавицу Тиару. Которая любила некромантов. Все парни, которые мечтали о ее голубых глазах и том, что пониже, выбеливали волосы и носили черные мантии. Но Тиара выбрала скромного целителя. Брюнета. В голубой мантии. И первыми «молочными» усами. И как после этого понимать женские капризы?

— Кехе— кехеум! — полетел еще один пронзительный преподавательский взгляд. Еще пронзительней прежнего. Этот взгляд пролетел чуть дальше первого. И заставил галерку немного снизить тон.

Даже грозное шевеление усами не возымело нужно эффекта!

Преподавателя звали Огден. Но студенты называли его Ластик. Пах он восхитительной смесью брутального одеколона и доисторических носков. Носил стоптанные ботинки, мантию цвета линялого ковра и тяжелые парты заклинанием. По слезной просьбе женского коллектива.

За время преподавания отрастил самомнение, усы и зарплату.

Ее он тратил на всякие снадобья. Лишь бы однажды снова проснуться юным, задорным и пушистым. Чтобы снова очаровывать наивных студенток. И читать на партах признания в любви.

— Мисс Дэй! — мне указали на место возле доски. — Прошу!

Я трусливой трясогузкой направилась к котлу. На ходу вспоминая, что вчера писала.

Котел блестел, как нализанные кошачьи причиндалы.

Сотни склянок гнездились в огромных шкафах. Каждая из них соблазнительно шептала: «Возьми меня и устрой им конец света!».

Одна половина банок обещала быструю мучительную смерть. Другая — предлагала помучиться лютой предсмертной диареей вперемешку с агонией. Да так, чтобы смерть под конец улыбнулась: «С облегчением, дружочек!».

Уже через минуту стало понятно, что со мной зелья не сварить. Мой страдальческий взгляд умолял отпустить меня обратно за парту. Пока моя импровизация не закончилась Армагеддоном.

— Ангелиза! Я не узнаю вас! Что с вами такое? Последний курс! Через три месяца — диплом! Вы всегда шли так хорошо... — протер очки преподаватель. Он был возмущен и расстроен. —

Мне показали вереницу моих пятерок в журнале. В надежде пошевелить мою совесть. Совесть кивнула: «Я немного в курсе! Обещаю сожрать ее этой ночью!».

— Вы что? Влюбились? — на меня посмотрели выразительно.

— У нее парень есть! — крикнул кто-то с галерки. — Она с сыном ректора зелье мутит!

Я сделала глубокий вдох. И приготовилась принимать позор на свою рыжую покаянную голову.

И тут в утренней тишине послышался громкий, раскатистый звук.

Он был похож на чей-то рев. словно эхо в горах. Звук был где-то далеко. Студенты переглянулись. Кто-то даже чихнул.

В окна ударил ветер. Цветные стекла загудели под его натиском. Дальнее окно распахнулась настежь. Створка истерично звякнула. Дорогие шторы надулись от ветра и собственной важности.

— Ой-е-ей! — смеялись студенты, спасаясь от штор.

Шторы раздулись, как паруса. Конспекты, листы и секретные послания разлетались по аудитории. Так мы узнали, что Амона любит Дориана. И возможно немного беременна от его лучшего друга!

— Да бросьте кто-нибудь заклинание! — заныли девчонки, спасая свои секреты.

Страницы книг с шелестом переворачивались. Накатывало легкое чувство «что тонет».

Станный звук, похожий на рев, стал громче. И смех прекратился.

— Что это? — притихли студенты, перешептываясь. — Вы слышите?

Не услышать мог только глухой. Чувство «что тонет» сопровождалось сжатием нижних чакр, настороженностью суслика и подозрительностью инквизиции.

Все тревожно смотрели на окна. И задавали друг другу один и тот же вопрос. Но ответа на него никто не знал. Потому что экстрасенсов среди нас, инквизиторов нет. Они заседают в соседней аудитории.

Прошло несколько секунд расслабляющей тишины. И все разочаровано успокоилось.

Я стала вспоминать, что входило в состав зелья. И в каких пропорциях. И сыпала поочередно ингредиенты. На глаз. Ластик морщился и качал головой. Я понимала, что обречена.

Вдруг все потемнело. словно на секунду померкло солнце. А на Академию легла огромная тень облаков.

Я подняла глаза на аудиторию. И тоже прислушалась.

Тут же стало ослепительно светло. словно что-то огромное стремительно пролетело, заслоняя солнце.

В котле бурлил желтый «чай-мочай». А должно быть зеленым! Огромные пузыри лопались. Котел дрожал. Вонючее зелье выплеснулось и обдало мне туфли.

Когда я сыпала третью драконью кость, над башней послышался оглушительный рев.

Пугающий, словно раскат грома. Он заставил меня подпрыгнуть на месте. И просыпать все на пол.

Студенты настороженно смотрели на окна. И молчали. «Вжух-вжух!», — слышался звук, как-будто кто-то пускает мощные заклинания.

«Тыдышь!», — обрушилось что-то совсем близко. По подоконнику застучала каменная крошка.

Котел снова подпрыгнул. Башня зашаталась, как при землетрясении. Колбы, банки, склянки слетели с полок. Они брызгали стеклом, рассыпались порошками, растекались ядовито-цветными дымками и лужами.

Ластик подошел к окну. За окнами стремительно пронеслась огромная тень.

— Домашнее задание! Пока не забыл! Подготовить реферат на тему «Защитные зелья, как...» — начал преподаватель.

Договорить он не успел. Прямо в окна ударил закат. Яркий, оранжево-красный ослепительный. И подозрительно преждевременный. Закат распахивал створки и сжигал шторы.

Все бросились к двери под крик Ластика: «Я еще не говорил, что урок окончен!».

Не помню, как очутилась тесном в окружении толкающихся локтей.

— Урок не окончен! Всем вернуться на места! — слышался голос за нашими спинами.

— Уважаемые студенты и преподаватели! Просьба пройти в главный зал! Это не учебная тревога! — раздался пронзительно громкий голос. — Не поддавайтесь панике! Помогайте товарищам!

Спереди не пускали. Сзади напирали. В кучке было не так страшно! «Быстрее!», — давил кто-то сзади. Мне поддали коленом. Я в долгу не осталась. И помогла «товарищу» локтем.

— Уважаемые студенты и преподаватели! Сохраняйте спокойствие! Это не учебная тревога! — резал уши пронзительный голос. — Просьба соблюдать спокойствие и дисциплину!

Топот ног и паника нарастали. Еще бы! Все дружно почувствовали себя начинками для гроба.

Нас выбросило на темную лестницу. Я потеряла пуговицы, половину нервных клеток и, возможно, девственность! Но я не уверена. Девственность я берегла до выпускного! Как договаривались!

«Бум-бум-бум!», — грохотали наши ноги по ступеням. «Тумс-тумс-тумс!», — колотилось сердце. Оно чувало опасность, но не видело ее! И это пугало еще больше!

— Это — не учебная тревога! — повторял голос сирены. — Воздержитесь от применения магии до выяснения обстоятельств! В целях безопасности — не пользуйтесь порталами! Закройте двери кабинета! Прервите ритуалы, заморозьте зелья, отпустите призванных существ!

Что там происходит? Что вообще случилось? На нас напали темные маги? Люди! Ау! Что там такое!!!

Наш поток смешался с другими потоками. Такими же перепуганными, растерянными и ничего не понимающими!

— Дракон!!! — закричала студентка с короткой стрижкой в дремучих очках. Огромная тень пронеслась вдоль огромных витражных окон.

— На Академию напал дракон! Я его видел!

— Ох, ты ж, святые суслики! Серьезно? Дракон? — ужаснулся кто-то мне прямо на ухо. — Настоящий?

— Прямо возле окон пролетел! Прикиньте! — задыхался девчачий голос. — Вот так «вжух»! А потом башня хрусь! И все!

— Ух, ты ж, ушки — раскладушки! Правда? — снова ужаснулся кто-то на ухо. И это начинало раздражать.

— Он — во! Не, во! Короче, с нашу башню! Его кто-то призвал! По-любому! — визжал белобрысый первокурсник, внося толику ужаса и ясности в ситуацию.

— Ах, ты ж ежики боевые! — бубнел кто-то на ухо. — А кто?

У меня над ухом поселился какой-то детектив! Сейчас расследование проведет! Ага!

Грохот заставил вжать голову в шею и прикрыть голову руками. Парализующий страх приклеил ноги к полу. Как раз вовремя. Потому что пол зашатался.

Осознание дошло с брызгами стекол.

Дракон? У меня внутри все похолодело! Напал на Академию? Мне срочно нужно в свою комнату! Вот прямо не срочно, а СРОЧНО!!!

— Сохраняйте спокойствие! Сохраняйте спокойствие! — убеждал кто-то из преподавателей. — В главный зал! По одному!

Нет-нет-нет! Я сейчас! Я быстро! Тут бежать всего ничего! Два портала!

— Я тоже хочу сражаться с драконом! Подожди меня! — меня дернул какой-то герой.

Но я спасла его жизнь прицельным пинком. Его мама должна каждый год вязать мне теплый свитер и передавать имбирные пряники.

Я буравила локтями толпу. И продиралась сквозь дебри перепуганных очевидцев.

— Всем отойти от окон на безопасное расстояние! — командовал голос за спиной.

Академия шаталась, тряслась, съеживалась. Окна дребезжали. По потолку бежали трещины. Наперегонки с ними все бежали в главный зал — самое безопасное место Академии.

На пол и головы сыпалось все министерское финансирование. Что творилось снаружи, страшно было представить! Судя по грохоту, от Академии останутся одни руины.

Огромная тень хищно скользила вдоль окон.

В такие моменты внутри все сжималось. По телу бегали мурашки. Ватные колени прогибались. Сердце скакало: «Только не ...Только бы не...». Когда тень исчезала, следовал невольный выдох облегчения: «Очешуеть!».

Дракон выламывал башни, срывал крыши, сносил стены. После каждого грохота слышались дружные визги.

Лопнувшие стекла брызгами летели под ноги. Портреты падали со стен и разбивались.

Меня два раза роняло на пол. Я визжала, прикрывая голову руками.

Я упорно бежала по коридору. Пол под ногами вздрагивал и трясся. Меня швыряло туда-сюда от «древней магии» к «новейшим магическим открытиям». Стенды разбивались. Витрины трескались. Статуи кончали жизнь самоубийством.

— Ну же! — орала я, прикладывая руку к двери своей комнаты. В комнате царил бардак! Шкаф завалился. Учебники валялись растерзанные на полу. Под кроватью ловко исчезали мои голубые трусы.

— Иди сюда! — процедила я, падая на колени и шаря рукой под кроватью. — Иди сюда! Угнетатель носков и убийца маминых нервов!

Схватив трусы, я потянула их на себя. За ними вылезла чешуйчатая морда. «Фуф!», — чихнул на меня самая милая и полезная в быту животика.

— Давай, не вредничай, Фуфлыжник! — испугалась я, хватая сумку со стола.

Я вытряхнула оттуда все конспекты. И стала засовывать возмущенного Фуфлыжника.

— Да что ж ты! Ну? А попу кто заправлять будет? Голову засунул и все? Спрятался?

С усилием я протолкнула чешуйчатую попу в сумку. Из сумки вынырнула любопытная морда.

— Там и сиди! — строго приказала я. И рукой заправила ее обратно.

Прижав сумку к груди, я вскочила на ноги.

— На! На тебе носок! — трамбовала я носок в сумку.

И тут время остановилось. Я знала, что в самые страшные моменты может показаться, что время действительно идет куда медленнее. Чтобы дать возможность насладиться ужасом сполна и разглядеть свой конец.

Я видела, как медленно вылетают стекла в узком окне. Как прыгает гоблинским шаманом мой письменный стол. Как шуршащими птицами взлетают мои драгоценные конспекты.

В окне промелькнул огромный желтый глаз с поперечным зрачком. И раскрытая жуткими зубами пасть заслонила свет.

— А вдруг это мама? — промелькнула мысль.

Я сделала шаг назад, прижимая сумку к груди. И увидела, как в окне медленно мелькает чешуйчатое брюхо. Я могла разглядеть каждую серую чешуйку. Словно по отвесной стене полз огромный змей.

Дракон раскачивал башню, как молочный зуб. Наверное, он был уверен, что потом у нас вырастет «коренная башня».

Я посмотрела в окно. Это — никакая не мама. Скажем так, это полноценный папа! Дракон сидел на студенческой башне. И в окошко был виден кусочек... хм... папы...

Удар хвостом покачнул башню. Меня выбросило за двери. Я бросилась к portalу. В сумке кто-то чавкал носком.

— Вкус-с-сно тебе? — прошептала я, бросаясь к следующему portalу.

— Быстрее! — подгоняли меня преподаватели, размахивая руками. Я бежала к дверям в главный зал. Ботинки хрустели стеклами. Перепрыгнув через разбитую статую, я юркнула в закрывающиеся двери.

Как это мы еще не собрались дружным коллективом и не запинали дракона заклинаниями? Учитывая, сколько денег придется сдавать на реконструкцию Академии, дракон был бы не жильцом!

Зал был наполнен испуганным шепотом. Студенты кучками сидели вдоль стен и под колоннами. Старый ректор расхаживал и пересчитывал студентов и требовал списки.

— Ангелиза! Ты как? — слышался голос, на который я радостно обернулась.

На меня красивыми серыми глазами смотрел Ион. Он жив, здоров! Какое счастье!

Я облегченно ткнулась ему в плечо. И выдохнула. Сумка зашевелилась. И я осторожно отвела ее назад.

— Я так за тебя волновался! — мои плечи растирали. — Ты где была? Сумку давай!

— Не-не-не! Эм... просто за конспектами бегала, — соврала я, пряча сумку с Фуфлыжником за спиной.

Ион смеялся. Ему не понять тягу к учебе. Успеваемость у него прихрамывала. Но папа выдал ей костыли. Так, на костылях, она доковыляла до последнего курса.

Однако, я никогда не смогу развидеть скелетов, которые танцуют эротический танец. И зомби, изображающего стриптиз с отрыванием собственных конечностей. Чтобы бросить их в благодарных зрителей.

Мы уселись возле стены.

С потолка сыпалась штукатурка. Зал ходил ходуном. Защитные заклинания мерцали, удерживая стены и потолок от падения. Где-то над нами слышался страшный бешеный рев.

А я держала руку на сумке. В сумке мирно доедался мой носок. Со зверским аппетитом.

— Больше никогда так не делай, — меня прижали к себе и стали дышать в макушку.

— Обещаю! Больше не буду, — улыбнулась я, потершись щекой о черную мантию.

Все некроманты носили особую форму. Она чудесным образом подчеркивала аристократичную бледность лиц. Оттеняла пепельные волосы. И увеличивала количество разбитых женских сердец.

— Ой-е-е-ей! — взвизгнули все, когда с потолка отвалился целый пласт. Я тоже вздрогнула. Неужели прорвался?

— Без паники! — твердили преподаватели. — Макдаун! Прекратите бегать туда-сюда! На место сядьте! Тоже мне, драконоборец! Эмилия Стоунвуд! Хватит орать! Вы орете громче дракона! От

того, что вы орете, дракон никуда не денется!

— Он просто оглохнет. И тогда его будет легче подкрасться и убить! — усмехнулся любимый.

— Агнесса Мироуз! Прекратите плакать! Вы так рыдаете, словно он конкретно за вами прилетел! И жаждет подливки из ваших соплей! — уперла руки в боки преподаватель по Защите от темной магии — мадам Винс.

Ей было уже далеко за шестьдесят. И она всю жизнь прождала своего принца. И сейчас продолжает ждать. Чтобы посмотреть в его бесовские глаза и устроить ему скандал: «Ты где шляется, паскудник!». По вечерам она жаловалась кактусу. И вязала варежки. Причем, все левые. Правые ей никак не давались.

— Что дракон забыл в Академии? Их никто уже лет сто не видел! — слышался голос Иона. Ему было не страшно. И мне это ужасно нравилось.

— Не знаю, — пожала плечами я, радуясь, что с ним все в порядке. — Если бы бухгалтерия не была в отпуске, в декрете и на больничном, то ему бы яйца оторвали. Сняли бы туфли на каблуках и отогнали бы.

— А потом бы отшлепали сметой на ремонт! — усмехнулся Ион. — Но все таки! С какого перепугу он напал?

Я, конечно, догадывалась, что забыл в Академии дракон. Но где гарантия того, что вместо переключки: «Папочка! — Сыночек!», моего Фуфлыжника просто не съедят?

Я еще не дочитала книгу «Как приручить дракона, сохранив при этом все конечности!».

— Вот прорвется, тогда все сходим в туалет! А пока держите себя в колготках, Венсант Найтвиль! Не чешите, не теребите и не задавайте глупых вопросов, когда он улетит? Сейчас расписание посмотрим, и скажем! — усаживали еще одного героя на место.

— Мы уже сообщили в министерство! — кричали с другого конца зала.

Я сидела, просто прижавшись к любимому. Одну руку я грела в чужой руке. А вторую прятала в сумке. И кое-кто кусал меня за палец.

Казалось, вот оно — счастье. Лучший парень в Академии, отличные оценки, последний курс и три экзамена автоматом.

Но буквально через несколько часов мир перевернется с ног на голову. В тишине разрушенного зала послышатся шаги. И мягкий голос произнесет: «Ну что, детки — конфетки... Поздравляю, вы доигрались до инквизиции!».

Глава первая. В которой я потеряла покой и правый носок

Улучшения в судьбе пока не происходили. Но потом все стихло. Мы посидели немного со словами: «Мандраговенько как -то! Может, притаился?». Но было тихо. Мы решили посидеть еще со словами: «Чем сфинкс не шутит?». Нижние «сфинксы» все еще загадочно сжимались.

Сначала мы обратились к экстрасенсам. Те собрались в дружную кучку. Чтобы сверить прогнозы. Из кучки долетало: «Может, просто скажем, что дракона нет? Если что свалим, что дракона не видела, а это — драконица?».

Они шуршали, пытаясь предсказать наше будущее. Поставляли чувствительные чакры потокам энергии. Обсуждали гадание на наличие дракона по драконьим какашкам в округе.

— Вот! Вот! А я говорил, — гордо произнес преподаватель по прорицанию.

Это был хитрый дедуган с прищуренным глазом и бородавкой. Он принципиально игнорировал штаны. И носил женскую мантию с обвесом в виде бус, цепочек и всего, что отберет на уроке.

Дед требовал, чтобы его называли Мадам Гадриэль. И в ответ на «Здрасте!» смотрел на тебя так, словно за углом тебя караулит смерть. «Ай-я-яй! Такая молодая, а уже...», — качал головой он. И страшно замолкал. На первый курс этой действует до истерик и воплей. Старшекурсники давно привыкли и отвечают: «И вам того же!».

Гендерная интрига вскрылась случайно. Когда Мадам Гадриэль упал с лестницы. Мы выяснили, что это вовсе не бабушка. А полноценный дедушка. Который опрометчиво проигнорировал нижнее белье. С тех пор его называют Гадиком.

— Ну, и какие у нас какие неприятности? — прищурил правый глаз Гадик.

— Предсказанные лично вами, — ответили все.

И пока самые бесполезные паникеры были заняты, ректор решил выпустить первых «голубей».

И подождать результата. «Дракона нет!», — крикнули нам.

И мы стали недоверчиво подниматься и отряхиваться.

Система восстановления Академии, запущенная ректором, возвращала куски штукатурки на место.

Итого. Что мы имеем? Три башни под корешок.

— Ура! Там наши контрольные! — обнимались счастливые целители.

— Я их забрал в комнату, — хладнокровно произнес их куратор. Добрый молодой доктор с глазами убийцы. Звали его Амиэль.

Его именем были исписаны стены во всех женских туалетах. Именно на него западали первокурсницы. Отпускало их только к курсу третьему. И с этого момента формировался стойкий иммунитет к его бездонным холодным глазам, к кривой улыбке «Мне фиолетово!» и таинственному молчанию.

Мы выходили по одному, осматривая разрушенный коридор.

— Ох, ты ж, палочки — по постели моталочки! — выдавала уборщица, глядя на руины. И упала в обморок.

Мы были о ней лучшего мнения. Если бы ее предшественница Миссис Пик, не ушла на пенсию, то дракон надолго бы запомнил нашу Академию.

С воинственным криком: «Куда по вымытому!» она сразу поставила бы дракона на грань вымирания. И гнала бы его шваброй до самых Сумрачных Гор. Причем, вычислила бы его пещеру по запаху обкаканного дракона. Пробралась бы туда, не смотря на больную спину. Прямо по отвесному утесу. И зверски прикончила дракона в его естественной среде обитания. Ведром.

Но все могло быть куда прозаичней. Ловкая бабушка растерзала бы его голыми руками за разбитое окно. А потом вонзила бы швабру в голову. В героическом прыжке.

При мысли о Миссис Пик я улыбнулась.

Камни кое-как становились на место. Стекла собирались и пытались снова запрыгнуть в раму. Шторы с шуршанием ползли в сторону карниза. И прыгали обратно на стену. Статуи кое-как вставали на места.

— В северное крыло пока не ходить! — слышались голоса. Я хрустела крошкой стен под ногами.

У статуи Первой Чародейки появились все признаки Первого Чародея. Заклинание реставрации тоже иногда дает сбой. Так что магия — вовсе не панацея!

— Я провожу, — послышался голос Иона. Он приобнял меня, заставив перевесить урчащую сумку на другой бок.

Мы пробирались в сторону моей комнаты.

— Ну все, — я чмокнула его в нос, когда открыла дверь. — Пока!

— Что? Не пригласишь? — улыбнулся Ион, пока я придерживала дверь. Его длинные белые волосы красивым каскадом падали на черноту припорошенной пылью мантии. Пылинки смотрелись, как звезды на черном небе. И я понимала, что однажды мы поженимся, у нас будет двое детей, красивый просторный дом и ...

Сумка заворочалась. Я спрятала ее за спину.

— У меня не убрано! — парировала я с улыбкой, прикрывая собой сумку. — У меня там словно дракон бушевал!

— Да ты что! Неужели? Прямо дракон? — со смехом ответил Ион. Он положил руку мне на щеку и поцеловал в губы. — Жду выпускного...

— Я тоже, — прошептала я, глядя ему в глаза. Наши взгляды встретились. И я почувствовала, что, наверное, люблю его.

Когда дверь закрылась, я вытряхнула сумку на кровать. Окно уже чинилось, стол вставал на место. А мятый истребитель носков и лифчиков дулся на меня и шипел.

Это случилось позавчера. Нас торжественно пересчитали и выбросили на практику в Смердючий лес. Сказали, что гоблины — совсем распоясались.

Кто не в курсе. Гоблины плодятся со скоростью кроликов. Иногда кажется, увидел одинокого гоблина, моргнул, а у него уже семья и восемь зеленых детишек. Девятый на подходе.

Ученые считают, что в гоблинских семьях рожают и муж, и жена. На скорость. А беременность длится два месяца. Но факт ничем не подтвержден. В неволе не собирался размножаться ни один гоблин.

Я бы тоже отказалась, наверное. Когда на тебя смотрит десяток глаз и все дружно подгоняют: «Давай, давай!», как-то не очень хочется.

Так вот, нас выбросили на прополку гоблинов. Ибо гоблины уже порядком надоели, озверели и стали подворовывать детей из соседних деревень.

Гоблинов долго искать не пришлось. Они нашли нас сами. Мы, конечно, обрадовались. Еще бы! Сейчас с криком: «Сгинь, нечисть!», раскидаем их по окрестным елкам. А они с радостными криками: «Ммм! Ужин!» мысленно сварили нас с укропчиком и базиликом.

Но в процессе радостной встречи мы поняли, что гоблины вызвали подкрепление. И поступил приказ бежать к portalу!

Я тоже бежала. Правда, окольными путями. Поскольку за мной скакал резвый и молодой гоблин в набедренной повязке. А следом за ним все его друзья и родственники.

Выбежав на поляну, я споткнулась. И с размаху поцеловала гнилой мох и чью-то какашку.

Думала, мне конец! Но кто-то пустил огненную стрелу между деревьями. И гоблины дружной толпой ломанулись туда. Я отряхнулась, как вдруг увидела плесневелую сумку. Из которой выкатилось огромное чешуйчатое яйцо. Оно было грязным и бурым. Но я сразу поняла, что это — яйцо дракона.

По закону дракон считается магическим существом первой степени опасности. Поэтому я должна была уничтожить яйцо сразу же. Или позвать кого-то.

Но только я направила заклинание на яйцо, как оно пошевелилось. Сначала я думала, что мне показалось. Но оно снова пошевелилось. Откуда-то появились языки пламени. Скорлупа треснула и... На меня смотрели янтарные глазки.

— Фуф! — выдал дракончик так, словно только что разнес три города. И утомился. Из его ноздрей

потекла струйка черного дыма!

— Фуфты-фу! — чихнул малыш, выбирая из скорлупы. По размерам он был не больше вороны. Тонкие крылья, цепкие коготки и взгляд, от которого я опустила руку с заклинанием.

— Слышишь, фуфлыжник, — прошептала я, осматриваясь по сторонам. — Ползи отсюда! Ползи к маме!

— Фу!!! — отказался дракончик. Он чувствовал, что у меня пока нет детей. И вакантное место нервотрепа свободно. Поэтому целенаправленно полз ко мне.

— Не надо, — пятилась я, цепляясь за старую сумку. — Я не трону тебя. Только уползи! Я прошу тебя! По-хорошему!

Но дракончик не понимал. Ни по — хорошему, ни по — плохому. Зато я вспоминала, что бывает за дракона.

В голове промелькнул уголовный магический кодекс.

«За хранение, применение, использование в тех или иных целях дракона мера пресечения в виде пожизненного срока заключения в магической тюрьме строгого режима. Без возможности обжаловать приговор. Дракон подлежит изъятию и уничтожению. За противоправные действия, указанные в пункте девять точка восемь, повлекшие за собой причинение вреда имуществу или здоровью — смертная казнь».

— Примула вызывает мандрагору! — послышалось в кристалле.

— Да-да! — спешно и немного напуганно отозвалась я.

Кристалл скакал в трясущихся руках. А я все никак не могла его удержать.

— Возвращайтесь на базу! — послышался гнусавый голос.

Все, кто говорит через кристалл имеет гнусавый и противный голос. Это называют магическим искажением.

— Так точно! — ответила я, чувствуя себя будущим инквизитором. В инквизицию попасть сложно. Берут одного из целого выпуска. Так что за оценками нужно следить внима... Ай!

Меня обняли за ногу и сделали вид, что так оно и было. Когти впились в грязные штаны. Тонкие хрупкие крылья сложились и все. Дракончик дрожал и плакал.

— Так, ладно, — вздохнула я, осматриваясь по сторонам. — Лезь в сумку.

Я вытряхнула зелья ночного видения, бинты и какую-то мелочь прямо на землю.

— Ур, — выдал Фуфлыжник. И улегся поудобней. Чтобы царапать сквозь сумку мою ногу. И покусывать за попу.

Все прошло на редкость идеально. В холл Академии ввалились комья грязи. Из некоторых торчали ветки.

Пришлось поверить на слово, что тридцать две какашки — это инквизиторы. А идиоты, которые пинают друг друга — голову гоблина — это вся галерка.

В тот момент мне показалось, что всем плевать на дракона. Все были грязные, замерзшие, уставшие и голодные настолько что, перепутали Ральфа и лесного тролля.

При помощи заклинания подчинения Ральф привел тролля в Академию. Тролля поставили зачет. Потом сказали, чтобы он вышвырнул эту мерзость на улицу. И кивнули на Ральфа.

Ошибку поняли через пару минут. Но сил ругаться уже не было.

Вот так в библиотеке стало на шесть книг про драконов меньше.

А в моей жизни завелся пожиратель трусов.

Он рвет их с завидной ненавистью. И регулярностью. Вытаскивает из шкафа и глумится над кружевными телами жертв.

Это не просто маленькая «мстя». Нет. Это — кровная вендетта. Хлебом не корми, дай трусы разорвать! Слово они когда-то предали всю его семью, выгнали на мороз и заставили хороводиться вокруг горящего дома. И вообще стали виновниками всех бед.

Сегодня вместе с трусами пострадал невинный бюстгальтер. Он мирно висел на стуле. И не подозревал, что к нему крадется маньяк — убийца. Черное дело было сделано за считанные секунды. Бюстгальтер даже пискнуть не успел.

Только предательский стул с грохотом завалился: «Помогите! Спасите! Убийство среди бела дня!».

Только благодаря его бдительному «БУМ!», преступник был пойман на месте преступления. Прямо над траурным кружевом бездыханной жертвы.

Улики свидетельствовали против него. Но преступник попытался скрыться от правосудия под кроватью.

Теперь в коробке трепещут от ужаса носки. Но носки — не лебеди. Парам не умирают. Сейчас они обнимаются узелками и прощаются друг с другом. «Ну-ну!», пытается допрыгнуть до них маленький мучитель.

Но трусы кончаются. И кое-кто, возможно, отправится на новые кружевные пастбища. А вот этого не хотелось бы! Маленькое зло должно быть локализовано в комнате!

— Так, Фуфел, — потеряла я руки, доставая книгу из-под матраса. — Сейчас определим. Мальчик ты или девочка. Фуфел или Фуфелька!

Древние страницы пестрили примерами. Я с подозрением поглядывала на Фуфлыжника.

— Фуф! — насупился малыш, пока я пыталась его взять на руки.

Страница с шелестом перелистнулась. Я уперлась взглядом в строчки: *«Яйца дракона — это миф. На самом деле драконы — живородящие. Но если в первые дни жизни малышу угрожает опасность, его магия создает чешуйчатую броню, похожую на яйцо. Это — особая броня не пробивается большинством заклинаний, устойчива к механическим повреждениям. И даже выдерживает падение с огромной высоты! Пол дракона определяется заглядыванием под хвост. У самцов половые органы указаны на рисунка 45.2».*

— Так вот оно что! — удивилась я, глядя на тонкие крылья. — Тебе угрожала опасность! Поэтому ты... эм... окуклился?

Почему-то мне казалось, что я не зря отказалась отдавать малыша большому дракону.

— А теперь иди сюда! — потянула я его к себе.

Положив малыша поверх книги, я попыталась заглянуть ему под хвостик. Но подлый хвост прикрыл все.

— Я кому сказала, — сердилась я, пытаюсь отогнуть хвост. Я даже приготовила линейку, чтобы измерять расстояние между дырочками.

Меня типнули за палец и пыхнули в лицо едким дымом.

— Я просто посмотрю! Ничего отрезать не будем! — убеждала я. Но напрасно!

Меня хватали за похотливые пальцы, которые пытаются проникнуть в святая святых.

Сначала я чувствовала себя последним негодяем, совращающим юную чистую девственницу. А под конец — темным властелином, решившим сорвать первоцвет на мохнатой лужайке.

На полу валялась истерзанная котлета на половине носка. Бутерброды делал. Или делала! Тут пока не ясно. Ай! Вот кусака!

Меня снова укусили. И гневно пыхнули в мою сторону.

Уууу! Какой темпераментный!

Ладно, трусы порвал!

Но носок? Я пошевелила пальцем в дырке.

Чем ему помешал мой синий носок?

Ума не приложу!

Внезапно по всей Академии пронеслось сообщение.

— Уважаемые студенты и преподаватели! Через десять минут вас ждут в главном зале. Явка

обязательна! — коротко произнес голос ректора.

Голос у ректора был странным. Каким-то непривычным. Это раньше он был уверенным и немного строгим. А сейчас он едва ли не дрожал.

Что же могло произойти?

Глава вторая. В которой явилась инквизиция, и уборщица попросила прибавку к зарплате

Мои скромные познания в области воспитания дракона ограничивались: «Вау! Дракон!». Зато я прекрасно знала тысячу и один теоретический способ его уничтожения.

Познания Фуфлыжника о мире ограничивались моей комнатой и сумкой. Мне бы очень не хотелось, чтобы однажды он высунулся в коридор. И с квадратными глазами восхищения: «Ух ты ж! Сколько тут всего не еденного, не грызенного и не сломанного!» пополз познавать мир.

Пока что он довольствовался тиранией носков и трусов. А еще его интриговали книги. Но допрыгнуть он пока не мог.

— Все, сиди тихо! — прошептала я, осторожно закрывая дверь. Потом я вспомнила, что нужно поставить заклинание поглощающее звук и защитный купол на учебники.

Закрывая двери второй раз, я почувствовала что-то странное. Какое-то невнятное, непонятное ощущение заставило меня нахмуриться.

— Всех ждем в главном зале! — повторил голос ректора.

Из комнат вытекали студенты. Я слилась с единым потоком синих форм с золотым гербом.

Академия почти восстановилась. Кое-где еще зарастали раны трещин, латались дыры, чинились портреты и статуи. И если бы не эти мелочи, то я бы никогда не подумала, что здесь был дракон.

— Башне кранты! — заметил кто-то из входящих вместе со мной. — Думаешь, уроки отменяют?

— Сейчас все узнаем! — затерялся голос в шумном обсуждении драконьего визита.

Я встала рядом с Ионом. Он украдкой взял меня за руку, перебирая мои пальцы. От этой скрытой нежности, у меня чуть-чуть потеплело на душе. Я обожаю эти тайные знаки симпатии. И терпеть не могу показушной демонстративности.

— Кого ждем? — спросила я шепотом. Глазами я уже посчитала, что все в сборе. — Шишку из министерства?

О том, что мы очень рады кого-то видеть, свидетельствовали огромные золотые буквы: «Добро пожаловать!». Они переливались прямо напротив входа. Зал блестел, как яйца дракона. Поверьте, мне есть с чем сравнивать. Вокруг все было до тошноты официально и нарядно.

— Этой гирлянде уже почти тыщу лет, — прошептал на ухо Ион. — Короче, у нас на третьем курсе девчонка одна. Симпатичная. Она почему-то решила, что эта гирлянда...

Сверкающая гирлянда из фей огромной лианой опоясывала все стены.

— Ах, значит, мы на симпатичных третьекурсниц заглядываемся? — ревниво спросила я, так и не дослушав.

Уже не первый раз я ловлю себя на том, что не ревную его по— настоящему.

Как ревнуют чародейки, может рассказать Титус Сэммираль. Ранее — мачо, ловелас и тот, кто влетает в женскую раздевалку: «Кто хочет полетать на моей метле!». Ныне — тихий заика с вечно перепуганными глазами и беспросветной шторкой челки. Судя по сплетням, там написана точная длина. В сантиметрах. Одной цифрой. Подарок от бывшей. Прошло уже два года, но заклинание не выветрилось.

Так что ревновать магички умеют. И напоить тебя зельем, от которой тебя «размандрагорит» по ближайшим кустам, обычное дело.

— Ты меня ревнуешь? — удивился Ион. — Да ладно тебе! Я просто сказал, что она симпатичная. Вот и все.

Чувство тревоги не покидало меня. Оно наоборот, усиливалось с каждой секундой. Пока среди гула студенческих голосов я не уловила одно слово.

ИНКВИЗИЦИЯ.

В этот момент сердце рухнуло вниз. В теле появилась слабость.

— Что инквизиция забыла в Академии? — прошуршали испуганные голоса. — Академия как бы сама по себе! Инквизиция не имеет права находиться на территории Академии!

Каждое слово убивало меня, но я делала вид, что все в порядке. Ион что-то рассказывал. Но я слышала лишь свой собственный голос: «Спокойствие! Еще ничего страшного не случилось!».

Ректор вышел и прокашлялся. Он был в нарядной мантии. Хор студентов стоял наготове. Они готовы были накинуться на уши первому, кто войдет в зал. И хищно готовились к акустическому прыжку.

Меня тоже приглашали петь в хоре. На третьем курсе. Когда на меня из темного тренировочного подземелья выпрыгнул сумрачный прыгун, все решили, что у меня отличное сопрано. Громкое! Потом я узнала, что не просто орала. А твердо держала ля второй октавы! Эта информация должна была меня обрадовать.

Уговаривали меня долго. Брали измором. Но я искала дракона, чтобы отдал мне ухо. Или хорошую лопату, чтобы зарыть талант в землю. Так мы познакомились с Ионом. Он тоже сбежал с репетиции.

Несмотря на постоянные репетиции, хор пел так, что оркидохнут, троллиглохнут. Даже ректор поворачивался к ним ухом, которое не слышит. Если бы дракон прилетел в разгар репетиции, то упал бы дохлым на подлете. От разрыва сердца. И мы бы растащили его на ингредиенты.

— Последний инцидент подверг опасности жизни и здоровье учеников и преподавателей, — начал старенький ректор, сложив руки в рукава. — Мы понимаем, что своими силами мы не можем. Поэтому обратились к Инквизиции. Для расследования мы пригласили...

Договорить ректор не успел. В тишине слышались шаги. Кто-то шел по коридору. Хор готовился.

Я глотала воздух, успокаивая себя тем, что в Инквизиции работают разные маги. И не факт, что нам прислали профессионала. Я мысленно представила мрачную рожу — кирпичом, черный рваный плащ, боевые шрамы по всей поверхности мага, гремящие доспехи. И суровый взгляд. Возможно даже одним уцелевшим глазом.

Именно такой инквизитор был нарисован на плакате в нашей аудитории. Оставшиеся три пальца творили грозное заклинание. Вид у него был такой, словно инквизитор прошел через весь пищеварительный цикл дракона, вылез сзади, чтобы нанести предательский удар в спину ничего не подозревающего противника.

Я стояла и слушала. Либо это мое сердце так стучит. Либо сюда действительно кто-то идет. Причем, неспешно. Словно прогуливаясь.

Двери открылись. И появился силуэт.

Походка была очень самоуверенной и грациозной. Словно говорила: «Так, что у нас произошло! У меня мало времени!».

— Добро пожаловать в Академию! — поздоровался ректор, хлопоча, как хозяйка при виде гостя.

Гость прошел мимо ректора. Словно он для него — пустое место. Ректор умолк. А гость скинул белый плащ и изящно повесил его на руку.

Я удивленно нахмурилась. Это был брюнет с идеальной осанкой. Белоснежный элегантный сюртук с серебряными пуговицами облегал худощавую фигуру. Он был расстегнут на все пуговицы. И обнажал, словно секрет дорогую черную рубашку с черным жилет.

Черные штаны были заправлены в дорогие сапоги с серебристой отделкой. В его руках были перчатки и жезл — трость с набалдашником в виде прозрачного камня. Такие выдают всем инквизиторам. Но без драгоценных камней.

Я удивленно подняла брови. Я представляла себе инквизиторов немного по-другому. На уроках нас учили запоминать детали, чтобы точно сказать, кто перед нами. Сам человек. Или нечисть, принявшая его облик.

Возраст гостя танцевал вокруг солидной цифры сорок. И махал хвостиком. Он был старше меня в два раза. И это пугало.

Четко очерченные скулы, разлет черных бровей и виски с легкой проседью — тысячи мелких деталей собирались в единый портрет. Если бы я встретила его на улице, не догадалась, что это — Инквизитор.

Слишком холеный, слишком элегантный, слишком... Короче, все слишком!

Инквизитор поднял на нас томный, непроницаемый взгляд. А потом бегло осмотрел Академию.

Я тоже подняла глаза, чтобы понять, что он там увидел. А потом опустила. На его губах скользнула тень ироничной задумчивой улыбки. На впалой щеке появилась и тут же спряталась черточка ямочки.

— Глава Инквизиции, Терренс Виарти, — послышался неуместный голос ректора. — Прибыл лично для расследования происшествия.

Все! Выносите меня! Лично! Глава Инвизиции!

Мои колени дрогнули.

— Если честно, то я не верю в то, что кто-то из студентов и преподавателей замешан в этом деле! — выдал ректор почти уверенным голосом. И посмотрел на всех нас. — Поэтому попрошу не нервничать. Сущий пустяк! Просто маленькая проверочка...

«Сущий пустяк» — это сейчас про меня! Г-г-глава Инквизиции!

— Для которой прибыл глава Инквизиции. Лично, — тихо заметил Инквизитор. Он приятно улыбнулся.

— Ну что детки — конфетки. Поздравляю. Вы доигрались до инквизиции, — прозвучал в тишине голос с бархатными нотками.

Сердце почему-то екнуло в тот момент, когда снова появилась тонкая черта ямочки.

Оно испуганно колотилось. Подпрыгивало в груди. И пыталось куда-то убежать. «Тише, мы выпустим дракона в лес! Сейчас это закончится, и мы...», — утешала я сердечко.

— Перекрыть все выходы и входы, — заметил Инквизитор.

— Хорошо! Мы обязательно перекроем! — кивал ректор, стоя чуть позади гостя.

— Не хорошо, — спокойно заметил гость. И тут же страшным голосом добавил. — А немедленно!

Ректор кивнул преподавателям. Те бросились из зала.

— Магические ключи передать мне, — к ректору развернулась ладонь. — Живо!

Преподаватели по кивку ректора принесли магические печати.

Я незаметно попыталась сделать глубокий вдох. В этот момент мне в нос ударил запах сладкой горечи чужого парфюма. Капелька сладкого нектара и капелька горького яда.

Аромат предательски обволакивал. Обступал со всех сторон. Казалось, весь зал пропах им.

Я снова затаила дыхание. Блузка прилипла к телу. «Я разрушу твою жизнь...», — зловеще шептал яд в воздухе. «Но нежно!», — сладко вздыхала сладость.

Они смешивались в опасном соблазнительном шепоте. Который окружал меня.

«Ужасные духи!», — мысленно прошептала я, скрипнув зубами.

Но тут же, неожиданно для себя, сделала глубокий вдох. Опьяняющий аромат едва ли не заставил меня закрыть глаза. «Прекрати!», — шипела я на себя. И тут же взяла себя в руки. Либо я держу себя в руках. Либо меня в руках держит инквизиция!

— У нас так же готовят инквизиторов! — оправдывался нервный ректор. — Инквизиторы! Сюда, пожалуйста!

Рука Иона, которая держала мою предательски потную ладошку, разжалась. А моя разжиматься не хотела. «Держи меня! Не пускай!», — беззвучно умоляла я, но потом посмотрела на ректора и встала во втором ряду.

Сердце обрушилось гулками ударами.

— Ангелиза, в первый ряд, пожалуйста! Как одна из лучших студенток! — ректор пригласил меня на центральное место.

На ватных ногах я сделала шаг вперед.

— Многоуважаемый Терренс, — начал ректор, расставляя нас по мере успеваемости. — Познакомьтесь! Это будущие инквизиторы! А это...

Ректор обернулся. Его рука застыла, указывая на меня. Инквизитора позади него не было. Зато белый плащ уже исчезал за дверью. Он оставил после себя шлейф. А я сделала еще один предательский вдох.

— Можете расходиться! Занятия никто не отменял! Расписание вывесим через два часа. Там же укажем новые аудитории! — слышался голос ректора среди обсуждения произошедшего.

Мы выходили из зала. Инквизитор стоял возле окна. Он облокотился на подоконник и что-то высматривал.

— Я же говорил, — усмехнулся Ион. — Драконы просто так не прилетают! Короче, у какого-то идиота огромные неприятности. Отец сказал, что Инквизитор подозревает, что кто-то призвал дракона при помощи артефакта. Что с тобой?

— Да так, — я посмотрела умоляющим взглядом на Иона. — Просто что-то голова закружилась...

— Ты уже минуты две смотришь на него, — заметил Ион.

Что? Я? Когда? Неужели все это время я смотрела на белую фигуру в оконном проеме?

— Я просто прикидывала, — уверенно врала я. — Как устроиться на работу в Инквизицию. Думала, может, подойти к нему и... попроситься? Когда все закончится? Сколько там осталось учиться? Три месяца? А работу искать надо... Попасть в Инквизицию — это круто!

— Я бы не хотел, чтобы ты туда шла, — мрачно бросил Ион. Он заслонил собой белый сюртук. — Я лучше поговорю с отцом. Может, вакансия преподавателя останется? И мы будем преподавать в Академии?

«Обыск», — слышался голос. Я четко вычленила это слово. — «Начнем с аудиторий. Закончим личными комнатами!».

— Ну все, пока, — я встала на цыпочки и поцеловала Иона в бледную щеку.

Стоило мне обернуться, как я чуть не осела. Инквизитор стоял рядом с ректором и смотрел на меня. Пристально с легкой улыбкой.

Глава третья. В которой я прятала дракона и откладывала кирпичи

Я шла по коридору. Нет! Я почти бежала! Мне все еще чудился взгляд, который провожал меня. Щеки пылали. Я ничего не видела перед собой, натываясь на студентов. И даже разок на преподавателя.

Старческий голос сообщил мне, что если я еще раз так наткнусь, то уйду в декрет!

— Извините! — икнула я, не глядя.

Я не из тех, кто откладывает дела на потом. Откладывать на потом я могу только кирпичи!

— Быстрее, — цедила я, вламываясь в свою комнату.

В комнате царил бардак. Как будто армия злобных орков пронеслась по моей скромной жилплощади. Слово я сдавала комнату всадникам апокалипсиса для генеральной репетиции конца света.

Шкаф распахнул створки. Как руки для обнимашек. Из щели вывалилось все, что только можно. Включая зеленую кофту, которую я никогда не надевала.

Подушка валялась на полу. Ее немного жевали. И чуть-чуть грызли.

Хозяйственный Фуфлыжник пытался свить себе гнездо из простыней и одеяла. Но потом передумал. И теперь сдает гнездо на полу в аренду упавшим учебникам.

Стул, увидев весь беспорядок, просто упал в обморок. И лежал, ножками вверх.

— Уф-уф-уф! — терзал носок маленький чешуйчатый гад.

Воинственно раскинув крылья, он сражался ни на жизнь, а на смерть. А то распустились тут всякий носки! Нитки уже по всей комнате!

Носок был повержен. Фуфлыжник полез штурмовать гору вещей. Под аплодисменты моего дергающегося глаза. Чтобы лучше осмотреть масштабы разрушений. «Какой я прикольный!», — пыхнул он, гордясь собой невероятно.

Чешуйчатый веник успел поприсутствовать везде. Как элементарная частица или магическая энергия. Казалось, не было в комнате места, куда не ступали кривые когтистые лапки хозяйской походкой: «И что тут у нас?».

Запах стоял специфический. Я принялась. Где-то лежал душистый подарок. Заботливо спрятанный из чувства врожденной скромности. Возможно даже зарытый в вещах самым чистоплотный драконом на свете.

Единственным нетронутым местом был... лоток из коробки. Он смотрел на меня, как брошенная девушка. И оправдывался: «Я не виновата!».

Носок подозрительно намокал. Я поймала себя на мысли, что проще сдаться с повинной. Чем прибираться в комнате.

— Не-не-не! Это не мое! — как бы намекал Фуфлыжник всем видом, пока я сдирала мокрый носок. — Даже не показывайте! Фу! Уберите от меня это!

— Это не я! Точно-точно не я!», — убеждали глазки. Просто приходил злой дядя. Это он съел твои трусы. Прикинь? И не подавился! Дядя только трусами и питается! И носками закусывает! Это дядя пьет воду из туалета. Злой дядя вообще пьющий очень. Но по праздникам. Поэтому у злого дяди каждый день — праздник! У злого дяди есть хобби. Он разматывает туалетную бумагу. Жует ее и рвет на маленькие бумажки. Увеселения ради. И тиранит конспекты. А напоследок дядя обиделся и сделал кучу прямо в центре комнаты. Вот такой обидчивый дядя! Фу, таким быть!

Пока я пыталась кое-как затолкать груды вещей в шкаф, любитель острых предметов и ощущений стащил мое перо.

Я взяла тапочек с помпоном и стала красться в сторону будущего писателя. Фуфлыжник увлеченно проверял на прочность производное чье-то задницы. И тут же получил легонько тапкой под хвост.

Хлоп!

— Кто это сделал? — фальшиво удивилась я, глядя по сторонам. На меня с непониманием смотрели янтарные глазки.

Тапок прятался за спиной. И даже не думал выглядывать.

— Давай-ка мы поищем его! — фальшиво заметила я, приставив руку ко лбу козырьком. — О! Это злой и страшный тапок! Ужасная личность! Любит бить по попе дракончиков, которые плохо себя ведут! Тапок видит, кто лазит по столам и тут же делает «по попе!».

В глазах дракончика читался ужас. До этого самого момента он был уверен, что он — высшее звено цепи питания. Царь природы. Венец кровожадной эволюции. И охотиться на него могут только очень вкусные маги.

Но сейчас мир разделился на «до» и «по попе здрасте!».

— Ну да, сначала перо, потом носки, потом конспекты! А дальше замки, войско магов и ближайшие города? — вздохнула я, пытаюсь отмыть заклинанием стены.

Я заталкивала вещи обратно в шкаф. Пока что я разгонялась и вбивала с ноги ком вещей поглубже. Один раз моя нога застряла. Я показала чудеса акробатики и вытащила ее.

Шкаф был закрыт заклинанием и трещал по швам. Сейчас он напоминал хомьяка с набитыми щеками.

Я нервно наматывала круги по комнате. Нужно придумать, куда спрятать Фуфлыжника.

Устав, я легла на кровать. Сердце бешено стучало. Мысли вертелись каруселью. Я перебирала варианты, а маленькие когти перебирали мою одежду. Меня тихо накрывала душным липким одеялом паника.

Очнулась я, когда перед носом открылась пасть и цапнула меня за кончик носа.

— Фуф! — выдал народный целитель.

— Фу! — отвернулась я от раскрытой пасти. У меня глаза заслезились от запаха.

Я перевела взгляд на потолок и ... тут же вскочила на ноги. Через минуту я, осторожно снимала доски заклинанием. На кровати качался стул. Моя голова высунулась в темноту чердака.

— Здесь есть кто? — спросила я, рассматривая темный чердачок.

Яркий светлячок пронесся в темноте, очерчивая горы голубиных какашек, упавшей черепицы и прогнивших досок.

— Полежай! — заталкивала я на чердак чешуйчатую попу.

— Ффф! — выдал недовольный Фуфлыжник.

Он пытался лапками снять тесемочку с морды.

«Я тебе припомню!», — зловеще сверкнули в темноте янтарные глаза.

— Сиди тихо! — прошептала я, задвигая доски обратно.

Руки тряслись, ноги шатались. Я спрыгнула вниз, отряхиваясь и снимая с кровати стул.

На двери, на шкафу и на столе красовались следы от когтей. Кое-где виднелись черные подпалины пробных чихов.

— Так, — закусила я губу.

Мои руки схватили книги, перебирая их и раскладывая по столу. Страницы шуршали, пока я нервно качала ногой. Только я собиралась почесать нос о плечо, как остановилась. И принюхалась.

Моя блузка насквозь пропиталась чужим запахом.

Я оттянула ворот и спрятала в него нос. Дурманивший, околдовывающий аромат был едва заметен. Но я чувствовала каждую его нотку.

— Не отвлекайся! — прошептала я, возвращая себя в книгу. Мне нужно найти что-то похожее на дракона. Но не дракона! Чтобы на него свалить все подпалины и следы когтей!

Вообще-то держать магическое животное в комнате нельзя, но по сравнению с драконом — это меньшее зло! Максимум — оставят после уроков. А животное — отберут. Так что главное — продержаться до обыска и обыск!

— Сильф, хекат, бонакон. О! Грифон! — прочитала я, слегка сомневаясь в своем выборе.

С гравюры на меня смотрел потенциальный временный «новый питомец». Смотрел хищным и соколиным глазом: «Корми меня руками и ногами! А еще я люблю печень!».

— А я не люблю. Особенно жареную в кляре, — пожалела я бедняжку.

Он как бы умолял, выставив огромные когти: «Возьми меня, вкусная девушка!».

Но я была неумолима.

— Не переживай, тебя заберут с руками и ногами, — утешила я чудовище.

Время поджимало. Как будто оно поселилось нервным комом в горле.

Со следующей страницы на меня взглянула жуткая мантикора. Из ее пасти обильно капала слюна.

— Не люблю лужи на полу, — дрожащей рукой перелистнула страничку.

Здесь была огненная саламандра. Со взглядом: «Хочу твою руку и сердце! Если распробую — доем остальное!».

В коридоре слышались шаги и голоса. В комнатах уже начался обыск. Скоро дойдут до меня!

— Эвелина Дуарте! — слышался строгий голос ректора. — Открывайте двери!

Еще три комнаты! Мамочки! Ком в горле не проглатывался. Руки тряслись. Я боялась накосячить.

Старое кольцо с чешуей саламандры полетело в круг призыва. Я читала заклинания страстным шепотом. Словно признаюсь в любви. Магии. Трясущаяся рука меняла символы местами.

Пышь! По комнате растекался едкий запах горелых волос.

Я опрокинулась на попу. На меня в упор смотрела огромная плотоядная ящерица. Размером с половину письменного стола. Она была черной. С красными всполохами тлеющих углей. От нее шел жар, как от заклинания огня.

В комнате завонял так, что глаза заслезились.

Утешало лишь одно. Из ящерицы торчали чьи-то копыта. Она с усилием проглотила их. И стала очень толстенькой ящеркой. «Извините! Мне так неловко!», — как бы извинялась она. — «К еде со своей едой приходите!».

Всем видом саламандра намекала, что мне сказочно повезло! Вызывала одного «любимца», а пришло сразу два в одном!

— Там же было сказано, что она — маленькая! — запаниковала я, листая книгу.

«Ага!», — посмотрела на меня «басом» огромная тварь. — «Вкусненько тут у вас! Пожалуй, останусь!».

Ее взгляд прижал меня к стенке. Вот она магия голодных глаз!

До встречи с саламандрой я иногда чувствовала себя неоцененной девушкой. Сейчас меня оценили по достоинству. Комнату тоже. По сравнению с кипучей лавой и унылой голодной пустошью, это был царский подарок судьбы. По глазам было видно, что саламандре тут очень нравится. Вокруг вкусно пахло мной!

Я опасливо отошла подальше. На всякий случай. В комнате нестерпимо воняло горелыми перьями. На одеяле остался ожог от саламандры. Они раскаленные, если что

«Куда ты пошла, о, вкусная девочка?», — спрашивал меня новый домашний нелюбимец.

Саламандра скрепила неприязнь легкой отрыжкой. Она переваривала горного козла. Я полученную информацию.

— Ангелиза Дэй! — послышался стук в дверь. — Откройте!

Я вздрогнула.

За дверью слышался голос ректора: «Ангелиза у нас — инквизитор! Образцовая ученица! Я уверен, что это не она!».

— Сиди тихо, — немножко приказала я, глядя на ленивую ящерицу в половину комнаты.

«Да я и не собираюсь жрать тебя громко!», — удивилась саламандра. И поползла под стол. Потом под кровать. Вместе со столом. И стулом.

— Одну минутку, — сипловато произнесла я.

Главное, сохранять спокойствие! «И не поворачиваться к ней спиной!», — шептали нижние чакры, холодея от присутствия «домашнего любимца».

Дрожащая рука сняла заклинание. Первое, что ударило мне в нос, так этот тот самый запах духов. Я вдохнула его слишком много, поэтому у меня закружилась голова.

— Добрый вечер, — слышался безупречно вежливый голос. Я попыталась поднять глаза, но дальше легкой улыбки и ямочки не смогла.

Ректор медленно осел на руки преподавателей.

— У меня тут не убрано, — скромно пролепетала я.

— Я вижу, что у вас живет домашний любимец? — заметил Инквизитор.

У меня такое чувство, что вокруг него вертится воронка. И меня только что втащило в нее до головокружения.

— Да, — нашлась я, все еще избегая взгляда.

Моя рука указала на уголок. В котором лежал мой старый свитер — подстилка. Стояла мисочка размером с кружку. И две маленькие коробочки. Для спанья и сранья.

— Вижу, что ей очень удобно, — слышался голос Инквизитора. Он концом трости — жезла поддел маленькую коробочку. В такой коробочке мог поместиться только котенок.

«Да-да, это мое!», — посмотрела саламандра. — «Все мое!»

— Главное, что с размером вы стопроцентно угадали, — мягко и как-то больно дружелюбно продолжал голос. Меня кольнули маленькой иголочкой насмешки.

— Ыыыып! — сыто рыгнула Саламандра, как бы соглашаясь с моим глазомером.

Флер дурманящих духов окутывал меня с ног до головы. Жезл стучал по каменному полу моей комнаты. Сердце стучало с ним наперегонки.

— В Академии, да будет вам известно, запрещено держать магических существ! — выдал ректор.

Он был очень разочарован. Настолько, что решил протереть сначала очки. А после того, как это не помогло — глаза.

— Ну зачем вы так сурово к девочке? — обернулся Инквизитор. Его голос был тих и безукоризненно вежлив. — Она никого не держит. Саламандра может ползти на все четыре стороны. Не так ли, Ангелиза? Ей никто ничего не запрещает.

Этот прием я знала наизусть. И даже сдавала на «психологии выявления». Он пытается расположить меня к себе. А вдруг я разоткровенничаюсь и что-нибудь интересное скажу?

— Да, но правила Академии... — начал ректор.

От меня такого точно не ожидали. Настолько, что обязательно припомнят.

— Разрешите, я загляну? — негромко спросил глава инквизиции.

Кончик жезла указал на шкаф. Говорил он мягко, без нажима. Словно просто по дружески интересовался.

— Лучше не надо, — вздохнула я. И тут же отошла на безопасное расстояние от шкафа и саламандры.

— Не переживайте, — я не увидела, но почувствовала его взгляд. — Если там есть что-то нехорошее, мы обязательно найдем. Мало ли, вдруг вам что-нибудь подкинули? Вы же не исключаете такой возможности?

Шкаф открылся. Оттуда на инквизитора вывалилось все. Мои трусы повисли у него на плече. А старый свитер обнял за руку: «Скажи ей, что я не колючий! Скажи ей, умоляю!».

— И правда, бедной девочка и надеть-то нечего, — в голосе слышалась мягкая насмешка.

Инквизитор стряхнул с себя мое белье, кончиком трости сдвинул лифчик в сторону. И осторожно сбросил с себя мой свитер.

Аккуратно сложив его заклинанием, инквизитор водрузил его на кучу тряпок.

— Как не стыдно. Вы же девушка! — слышался его голос. Вещи по одной ныряли в шкаф. И укладывались ровными стопками на полки. — А если бы я не пришел, кто бы прибрался?

Я осмелилась поднять глаза, чтобы увидеть улыбку.

Это тихое вежливое издевательство заставляло меня напрячься еще сильнее. Трость приподняла мой матрас.

— Надеюсь, там нет никаких секретов? — спросил вкрадчивый голос.

Саламандра икала. Одновременно она пыталась почесать голову задней лапой. Но у нее не получалось. Козел мешал.

— От инквизиции, а не от подружек, — голос, словно окутывал меня.

Такое чувство, словно меня медленно заворачивают в кокон из духов, блеска золотых застежек и насечек на жезле, мягкого голоса с бархатцей и вежливой улыбки.

Матрас обнажил книги про драконов, о которых я совсем забыла.

— Как интересно, — заметил глава Инквизиции. — Разрешите, я присяду на кровать?

— Да, конечно, — ответила я, стараясь не показывать волнения.

В его руках была старинная книга «Как приручить дракона». Мне хотелось кричать: «Это не мое! Мне ее подбросили! В библиотеке! Я заказывала любовный роман с откровенными сценами, а мне вручили учебник по драконам! Шесть штук!».

— Присядьте рядом, — предложил тихий голос, сквозь звон в ушах. Я послушно присела на другом конце кровати.

— Если вам не трудно, не могли бы присесть ближе? — слышался голос. Такое чувство, словно у меня в голове шумит море. И все слова долетают до меня сквозь гул.

— Хорошо, — кивнула я, сдвинувшись буквально на миллиметр.

— Вы меня боитесь? — удивился Инквизитор. Я смотрела на его руки, на черные складки штанов, на сверкающий камень трости — жезла и спрашивала себя: «Что он только что сказал?».

Мозги, которые обещали работать исправно до старческого маразма и склероза, решили уйти на каникулы. И просто не работали. Изредка в них появлялись странные неуместные мысли. Например, что будет, если прочитать заклинание задом наперед? Или, что получится, если скрестить мантикору с грифоном? И контрольный вопрос! Как заставить их скрещиваться?

— Вы, как я вижу, интересуетесь драконами? — слышался голос совсем близко. — Расскажите, вы ничего не знаете про дракона, который разрушил Академию?

— Нет, я с ним лично не знакома, — ответила я, пытаюсь привести себя в чувство. — Извините.

— Зачем вам столько книг про драконов? — снова поинтересовался голос. Преподаватели перебирали мои вещи, лазили по тумбочкам и шуршали в ванной.

— Я пишу научную работу, — спокойно ответила я.

Его рука лежала поверх книги. Внутри меня все колотило панику, орало, верещало и бегало туда-сюда! Но внешне я оставалась спокойной.

— Про драконов, — добавила я, пытаюсь не показывать страх.

— Я так понимаю, что недавно вам несказанно повезло? — с усмешкой спросил Инквизитор, листая книгу. — К вам прилетала ваша практическая часть?

— Можно сказать и так, — спокойно ответила я.

— А саламандра вам зачем? — поинтересовался вкрадчивый голос. Он был так близко, что мысли трусливо разбежались. Да, плохой из меня инквизитор. Никудышный!

— Они немного похожи на драконов. Я хотела исследовать сначала ее, — спокойно ответила я. О, если бы вы знали, чего мне стоило это спокойствие!

— Следы от когтей какие-то маленькие, — слышался голос преподавателей. Они рассматривали мой шкаф. Потом разглядывали саламандру.

— Она немного подросла, — просто ответила я.

И для убедительности пожала плечами.

— А что едят саламандры? — внезапно спросил Инквизитор. И тут я поняла, что попалась.

— Козлов, — ответила я, глядя на ящерку.

— А людей они не едят? — загонял меня в угол Инквизитор все тем же вкрадчивым тоном.

— Нет, что вы! — возразила я, прикидывая срок за то, что подвергла опасности жизни людей. — Она у меня очень домашняя. И еще никому не причинила вреда.

Ящерица кралась к сидящему на полу Мадам Гадизель. Старикашка еще не подозревал, что смерть капает слюной за его спиной. И разевает пасть.

Трость уперлась Саламандре в хвост, не давая ей сделать обеденный рывок.

— Дорогая, слышала? Ты козлов ешь! — заметил Инквизитор с улыбкой, глядя на огненную ящерицу.

— Ничего удивительно, — довертительным шепотом ответила я. — Он поставил мне тройку за гадание на суженого. Так что она не ошиблась.

— Нет, под плинтусом ничего не нашел! — невозмутимо ответил Мадам Гадизель, отряхивая мантию и бороду.

— И как же зовут это маленькое чудо? — слышался вопрос.

Инквизитор просто загоняет меня в тупик. Это такой прием, которым пользуются дознаватели. Казалось бы, невинные вопросы, которые плавно ведут в ловушку. Выводят на чистую воду.

Как могут звать огромную огненную ящерицу?

— Уголек, — выдала я, осторожно обходя ловушку.

— Уголек, иди сюда, — позвал Инквизитор.

Ящерице было хоть бы хны. Мы с ней были знакомы минут сорок от силы.

— Странно, но она не отзывается, — в голосе звучали ноты разочарования.

— Вы просто неправильно ее зовете, — ответила я, сохраняя спокойствие. — Уголечек, солнышко... ЖРААААТЬ!!!

В этот момент зазвенели окна. Дрогнули все, кто был в комнате. И, видимо, в башне. Если кто и был в этот момент в туалете, то дела пошли в сто раз быстрее! Считаю, моментально отстрелялся.

Зато ящерица посмотрела на меня.

— Вот, кхе-кхе, видите? — прокашлялась я. Горло драло беспощадно. — Извините, что крикнула. Она по-другому не понимает.

— Прелесть какая, — заметил Инквизитор, отдавая мне учебник. — Думаю, что ящерку мы заберем. У нее здесь не самая здоровая атмосфера. На нее постоянно кричат, что не есть хорошо. Она очень страдает.

— Ничего не нашли! — слышались голоса преподавателей.

«Не вздумай выдохнуть! Рано еще!», — предупредила себя я. Но немного расслабилась.

— Я вот думаю сделать доброе дело. Раз уж я тоже как бы ... инквизитор, — слышалась маленькая колкая издевка. Слово в бархате попала острая булавка.

— Так вот, я могу стать вашим научным руководителем, — продолжал голос, от которого у меня блузка прилипла к спине. — И сейчас у меня выпало свободное время. Дайте-ка вашу научную работу, чтобы я ознакомился с ней. Буду премного благодарен.

— Я принесу вам ее, когда исправлю ошибки и разложу постранично, — ответила я. Никакой научной работы у меня не было и в помине!

— То есть, сейчас вы мне ее не можете дать? — заметил Инквизитор.

А я впервые осмелилась поднять глаза на него, чтобы тут же их опустить. Что со мной? Почему я не могу смотреть ему в глаза? Я раньше за собой такого не замечала!

— Я передам вам ее в ближайшее время, — кротко ответила я. — Она еще не оформлена. Просто черновики.

— Ну хорошо, — смилостивился Инквизитор. — Только не забудьте! Завтра утром, чтобы она лежала у меня на столе.

Преподаватели вытаскивали из комнаты саламандру. Саламандра никуда не хотела уходить. Но потом высунулась в коридор, и увидела, что меню мною не ограничивается. И согласилась сменить место жительства. И место «жрательства».

— Всего хорошего. Извините за беспокойство, — медленно произнес Инквизитор.

Как вдруг по потолку кто-то пробежал. Я даже знала, кто. «Тыдымс-тыдымс-тыдымс!».

Нам на головы посыпались струйки пыли. Распутался? Я же его как бы прочно заматывала!

— Как интересно. А я уже собирался уходить, — остановился в дверях Инквизитор. — Что же это такое?

— Это голуби, — спокойно пожала плечами я. — Жизни не дают!

Бух! — слышалось с потолка.

Глава четвертая. В которой меня ждала страстная и бессонная ночь

Случаются ситуации, когда все идет слишком хорошо. А потом «бамс!». И все. Это примерно то же самое, когда посреди свидания у тебя рвутся волшебные колготки. Не смотря на пожизненную гарантию производителя и зуб создателя. Который прилагается к каждому обещанию.

— Это — голуби, — повторила я для особо непонятливых, подняв голову. — Просто слышимость хорошая. Я привыкла.

Внутри меня все бегало кругами и орало: «Мы пропали!». Я понюхала одежду. Нет, вроде бы не пропали.

— Бух-бух-бух! — донеслось с потолка. Такое чувство, словно кто-то бросался увесистыми кирпичами.

Все подняли головы наверх. Повисла тревожная пауза.

— Можете поздравить голубей с облегчением, — вздохнула я и спокойно направилась к столу.

Ректор медленно посмотрел на преподавателей. Преподаватели — на ректора. А потом все дружно перевели тревожные взгляды на инквизитора.

Если раньше «голубиный сморчок» считался денежной приметой. То сейчас никто не хотел стать богачом.

— Да... Такой голубь прицельным ударом памятнику голову снесет, — послышался тревожный шепот среди преподавателей. До этого дня они не задумывались, какая опасность пролетает у них над головами.

— Ой, да ладно! — невозмутимо ответила я, заправляя кровать. — Я уже привыкла.

Повисла решающая пауза. Если ничего сейчас не произойдет, то нам с Фуфлыжником — конец!

— Бубух! — послышался звук. Словно уронили стол. Слабонервные сделали шаг назад. И снова посмотрели на потолок.

Кто-то даже вслух пожалел, что дракон и голуби не встретились. Неизвестно, кто победил бы. Но очень интересно.

Я осторожно, пользуясь заминкой, бросила заклинание в путы огненной ящерицы. И тут же спрятала дрожащую руку в карман.

Саламандра почувствовала свободу. Но так и не поняла, зачем она нужна? Но услышав гнусавый крик, она бросилась обратно в комнату. На ходу она испуганно воспламенялась, поджигая все на своем пути.

На шкафу осталось художественное выжигание в виде черной полосы. Я вскочила, пытаюсь потушить одеяло.

— Ловите ее! — слышались голоса, пока я боролась с огнем.

Лучшим способом бороться с огнем был увесистый учебник. И капелька магии.

— Тушите меня! — взвизгнула миссис Винс. Она пыталась погасить горящую мантию заклинанием. Будет о чем рассказать кактусу!

— С луком или так тушить? — как бы спросила ящерица, пытаясь спрятаться у меня под кроватью.

Через пять минут возни беглянку уже конвоировали в коридор. Она тащилась неохотно. Особенно мордой по полу. Связанная магической веревкой, как колбаса.

Местами в комнате что-то тлело. Черные дымки тянулись вверх. Воняло горелым, как возле пожарища. Огромные дыры с обугленными краями зияли даже в старых занавесках. У меня был прожжен рукав и гольф.

Я поймала на себе взгляд инквизитора. От чего по коже пробежали предательские мурашки. «Я где-то прокололась?», — промелькнула мысль. И мне стало не по себе.

— Завтра останешься после уроков! — сурово произнес ректор. — В Академии строго запрещено иметь фамильяров, питомцев и ...

Его взгляд упал на здоровенную ящерицу.

— И иметь саламандр! — закончил ректор строго и торжественно.

Даже брови сдвинул в знак неодобрения.

— Саламандра явно против того, чтобы ее имели, — задумчиво заметил Инквизитор, провожая глазами добычу.

Ящерица посмотрела на всех свирепо и злопамятно. Словно прикидывала, кому, что откусит при первой же возможности.

— Кажется, мы ничего не нашли, — услышался голос за моей спиной.

Меня еще тихо подергивало от испуга и напряжения. Попробуйте сохранить самообладание в такой ситуации! Я на вас посмотрю.

Перед тем, как вернуться в комнату, я снова почувствовала взгляд.

Он неприятной змейкой пробежал по спине. И несколько раз обернулся вокруг нижних чакр.

Мне показалось, что холодок предвкушения, окутывающий нижние полушария — это анестезия к будущим неприятностям.

«Он что-то заподозрил!», — прошила меня мысль, когда я закрывала двери.

Вытащив с чердака бессовестного Фуфлыжника я ... ничуть не успокоилась!

«Где я прокололась?», — нервничала я, остановившись в центре комнаты. «Он смотрел на меня очень странно!», — начинали трястись руки.

— Я что-то сделала не так, — расхаживала я по комнате. — Где могла быть ошибка?

Фуфлыжник невозмутимо таскал по полу подушку. Переживаниям он предпочитал пережевывание.

От накатывающей паники я места себе не находила.

— Он явно что-то заподозрил! — кусала губы я, вспоминая пристальный взгляд. — Не станет же он просто так на меня смотреть таким взглядом?

— Уф-уф-уф! — тащилась по полу подушка. Она была зверски побеждена. И покорена.

— Просто так ведь не смотрят так пристально? — прищурилась я на свое отражение.

Глаз дергался. Нервы сдавали. Колени были ватными. А руки не могли удержать вещи.

Я уже представила позорный суд, свое гордое молчание, вынесение приговора, магическую клетку и ...

— А потом меня казнят!!! — сглотнула я, мысленно репетируя собственную казнь.

Ноги подкосились. Я решила присесть.

Рука рефлекторно скользнула вниз, чтобы поправить юбку.

Но ... юбки сзади не было!

Я бросилась к зеркалу. Спереди юбка была. А вот сзади вместо юбки был... кокетливый обгоревший пояс. И виднелись розовые трусы с подгоревшим кружевом.

Точнее, они и раньше виднелись, но не полностью. Модель у них такая. Интровертная. Я бы даже сказала — стеснительная. «Считайте, что нас как бы нет!», — намекали они, стыдливо прячась между чакрами. Сразу видно, интроверты!

Догадка пришла неожиданно. Я еще раз посмотрела на юбку. Потом вспомнила задумчивый взгляд Инквизитора. Особенно, когда я поворачивалась к нему спиной...

Я сидела перед зеркалом, прижав руки к щекам. Взгляд у меня был загадочный.

— Есть две новости, — пробормотала я, пытаюсь отдышаться от пережитого и придуманного. — Хорошая и плохая.

Я взяла паузу, поднимая брови.

— Хорошая новость. Единственное, в чем меня пока что подозревают, так это в том, что у меня

симпатичная попа, — заметила я. — Есть и плохая новость!

Мой взгляд скользнул по учебникам и тетрадам.

— Мне завтра нести ему научную работу!

На часах была полночь. Глаза слипались, хоть спички вставляй. Я лениво перелистнула страницу учебника. Если еще четыре часа назад я была уверена, что напишу вполне неплохую научную работу. То сейчас в это слабо верилось.

— Среднестатистическому дракону требуется около тонны еды в неделю. Главное приматой... ой, приметой! Ладно, исправим, — диктовала я себе.

Однажды я читала: «Он подарил ей бессонную ночь!». Что-то я подозреваю, что героиня любовного романа сидела и писала научную работу!

Перо вяло скребло по бумаге. Почерк был таким, словно я сижу на кровати, а позади меня занимаются любовью. И трясут ее, трясут, трясут.

Я зевала с таким ревом, что соседи передвинули кровати подальше от моей стенке. Я слышала. После саламандры от меня можно было ожидать всего, чего угодно.

На ноге качался Фуфлыжник. Он был крайне доволен. Вцепившись коготками в мою ногу, он обещал залезть выше. Если я перестану его развлекать.

— Среднестатистическому дракону, — перечитывала я, снова оглушительно зевая. Мутный взгляд посмотрел на открытое окно. Оно проветривало ненавистный запах духов.

— А он сейчас с-с-спит, с-с-сволочь, — сморщила я нос. — С-с-сладенько с-с-спит... А от кого-то...

Мой взгляд упал на Фуфлыжника, который балдел от новых качелей.

— Одни неприятности, — зевнула я, царапая дальше.

Фуфлыжник обиделся. Мол, от него не только неприятности. Но и проблемы, разрушения, головная боль. Так что приуменьшать значимость дракона в своей жизни никак нельзя! Иначе он обидится. И будет вести себя хорошо.

Я царапала буквы. Мне царапали ногу. Что-то вроде: «А что это мы такие вяленькие стали? Нога совсем не дрыгается? Не! Так дело не пойдет!».

— .....ыыыыыфффф! — закончила я сладкий зевок. — Люди недолюбливают драконов... Вот интересно, почему же? А?

Фуфлыжник устал и переполз на подушку. Он никак не мог уснуть! Он ворочался, словно его кусала совесть.

Он немного поворочался и стал шуршать по комнате. Я старательно выводила каждое слово. Научная работа должна нести практическую ценность. Но пока что она несла бред. И следы насилия над учебниками.

— Драконы — дневные животные, — писала я, поглядывая на «дневное животное».

«Дневная животинка» решила устроить ночной «тыкдык». И пару дерзких налетов. Кровожадная натура требовала жертв, пламени и криков: «Спасайтесь! Дракон!».

Но вместо этого звучал шепот: «Тише, Фуфлыжник! Успокойся! Нас услышат! Ложись спать! Давай на подушку!».

Фуфлыжник смотрел на меня разочарованным взглядом.

Я усмехнулась. И на секунду представила. Огромная кровожадная тварь размером с корабль крушит все на своем пути. А следом бегу я с кастрюлькой, котлетой и криком: «Шапочку надень, уши застудишь!».

Пока что за неимением игрушечных замков, Фуфлыжник штурмовал мусорное ведро для бумаг.

«Ужас, летящий на крыльях ночи» шлепнулся на пол после неудачной попытки взлететь. Летали мы, как кирпич. Иногда, как оладушек.

Поэтому мы решили стать «ужасом, с топотом бегущим на кривых лапах ночи». Что тоже должно было произвести впечатление на врага.

— Трепещите все! — грозно имел в виду Фуфлыжник.

Фантики от конфет высыпались из перевернутого мусорного ведра. И трепетали от грозного топота.

«Бей, круши, ломай!», — топтались кривые ножки. Несколько самых красивых шуршащих золотинкой наложниц были украдены из мусорной семьи. .

— Фуф!!! — слышалось гневное со стороны кровати.

Маленький узурпатор не мог взобраться на кровать. Во взгляде читалось: «Мама! Подсади меня и мой «гарем»!»!

Я встала со стула, помогая ему забраться в пещеру из одеял. Потом ссыпала ему еще липкий гарем.

— Все, не мешай, — прошептала я, погружаясь в работу.

Маленький «ужас, сползающий с одеяла» разочаровался в гареме быстро. Вот такой он ловелас! И он побежал на поиски нового.

— Драконы являются потенциальной угрозой... — зевала я, заканчивая сорок восьмой лист. На пальце появилась мозоль. На первой строчке клякса.

Бух!

«Крушитель, ломатель и тиран» пытался отодрать золоченую ручку тумбочки.

— Ладно, — встала я, откладывая перо и писанину.

Я взяла с полки шкатулку с фенечками, открыла ее и...

— Ууууууууф! — глаза Фуфлыжника распахнулись. Он подавился от восхищения.

Волшебная бижутерия сверкала искусственными драгоценностями. И отражалась в округлившихся глазах маленького казнокрада.

— Все мое! — сразу как бы обозначил Фуфлыжник, протягивая когтистые лапки к украшениям. — И это мое! И все мое!

Я достала кольцо, которое подарил мне Ион. С огромным зеленым камнем. И показала его дракончику.

Он сел на попу и ... описался от переизбытка чувств.

Я высыпала в дракнье гнездо сокровищницу. Маленькие загребушие лапки подгребали все под драконью попу. Жадненько так. «Уф-ты-фу!», — копошился Фуфлыжник, готовый описаться на любого, кто посягнет на его сокровища. И грозно пошипеть. В качестве акции устрашения.

Перо снова выводило кривые строчки. Зевок раздирал мне челюсть. В окошке уже засветилась малиновая полоса рассвета.

— И ... ээээ.... Драконы... эээ... — зевала я, кое-как дописывая научный труд. — ... являются ... Короче!

Я быстро дописала скромный вывод. И собрала стопку бумаг. Итого — семьдесят шесть листов. Я приоткрыла окно пошире, потушила магический огонек и упала на кровать.

— Фуф! — гневно посмердели на меня едким дымком, оберегая сокровищницу.

— Главное — не уснуть, — зевнула я.

Воспаленные глаза смотрели на дракона.

Он перебирал свои сокровища, пытаясь угнездиться на них. Пока что фавориткой была фантик от конфеты «Пук единорога». Блестящая, соблазнительная, съеденная напополам, она плясала перед «властелином половины моей подушки» танец «сквозняка». И похотливо шуршала.

Стоило ей попытаться улететь, то есть сбежать, ее ловила кривая лапа с массивными когтями.

— Ангелиза Дей! — слышался громкий голос.

А? Что? Где? Как? Я что? Уже на паре? Как я здесь очутилась? Ааа... Вспомнила!

Я оторвала голову с парты, сонно глядя на целителя. Не помню, как доползла до первого кабинета.

Помню только: «Тема сегодняшней лекции — противоядия от яда мантикоры».

Для себя я уже решила, что мантикора — тварь редкостная и редкая. Шансы встретить ее в дикой природе минимальны. Поэтому в случае чего одной рукой буду прикладывать подорожник, а второй писать завещание.

— Извините, — смутилась я, пряча глаза.

Прозвенел волшебный звонок.

— Домашнее задание! Прочитать двадцать шестой, двадцать седьмой и двадцать восьмой параграфы. До слов: «И умер от противоядия!».

Я бросилась в комнату. Сейчас начнется обед! И Инквизитор будет на нем присутствовать! Так что нужно отдать ему научную работу, чтобы он отвязался!

Со всех ног я летела в сторону своей комнаты. На столе, защищенном тремя заклинаниями, под магическим куполом лежал мой опус.

Открыв дверь, я увидела жуткую картину.

— Швырк! — рвалась бумага. Часть бумаг лежала в луже. Часть на кровати. Стол был перевернут, а над моей научной работой глумился юный критик. Рядом с бумагами был разбросан мой нетронутый завтрак. Оладушки с сиропом... Мои любимые...

Взгляд Фуфлыжника намекал, что готов поделиться. Он вовсе не жадный, как уверяют ученые. И мне подтолкнули хвостом оладушек с налипшей пылью и волосами. С одной стороны его уже кто-то «кусь!». А с другой стороны по нему прошла чья-то лапа.

Практика показала, что научная работа в сиропе куда вкуснее, чем без сиропа. И что выбирая между оладушком и тридцать восьмой страницей, последняя выглядит куда более аппетитно.

— Спасибо, ешь сам! Дай сюда научную работу! — схватила я все листики. И стала разбирать их по порядку.

Часть листов удалось выудить из «сокровищницы». Половинку одного достать из пасти дракона. А еще один реально влип. Эх! Потом уберу!

Кое-какие листы пришлось просушить. Порванные — худо — бедно склеить заклинанием. На некоторых сохранились кровавые брызги сиропа. словно я вела статистику убитым рыцарям, засев в пещере среднестатистического дракона. И писала на том, что осталось от предыдущих рыцарей.

— Обидела ребенка! — как бы намекал Фуфлыжник, забираясь на кровать.

Дверь в комнату закрылась. И тут же запечаталась заклинанием.

Я бросилась вниз по ступеням к portalу, ведущему главный зал. Среди синих форм студентов, пышных форм студенток и черных строгих форм преподавателей, я увидела белое пятно.

Студенты обсуждали вчерашний обыск. Судя по обрывкам разговоров, Инквизитор теперь в курсе кто, кого, зачем и сколько.

— Вот, — протянула я стопку, не глядя ему в глаза. — Как и обещала.

На некоторых листах сохранились следы высохшей воды.

— Я бы даже сказал, потом и... надо думать... кровью... А вот тут вы прямо плакали. Очень трогательное место? — усмехнулся Инквизитор. — О! А вот здесь вы явно не согласны. Причем, очень категорично. Вот это я понимаю — опротестование!

Все! Надеюсь, он от меня отвязнется и смогу жить спокойно!

— Я был уверен, что вы меня обманули, — послышался спокойный голос. — И никакой научной работы у вас в помине нет. Но вы меня просто приятно поражаете!

— Вы в чем-то меня подозреваете? — негромко спросила я, успокаивая свое сердце.

— Давайте сюда ваши научные труды, — произнес Инквизитор.

Я протянула ему стопку и...

Сердце оборвалось! Оно и до этого висело на одной единственной ниточке. А тот оно просто рухнуло вниз. Мои глаза расширились, когда я почувствовала, что он только что сделал!

Он...

Глава пятая. В которой я защищала научную работу и девичью честь

Моя научная работа полыхала в его руках. «Ой!», — шарахались студенты от огня.

— Да как вы смее! — закричала я, выхватывая листы и пытаюсь потушить заклинанием.

— Вот это я понимаю — защитить научную работу. Теперь я верю, что вы очень заинтересованы в драконах, — заметил голос. Пока я спасала каждый листик. — Ну что ж, как на счет маленького приглашения на допрос?

Новость решила показать мне, на что способна гравитация. Поэтому я покачнулась, но устояла.

Листы выпали у меня из рук. А я даже не попыталась их поднять. Сердце ухнуло вниз. Руки безвольно опустились.

— Ну что ж вы так? — в негромком голосе слышалась улыбка. — Это почти как свидание. Только допрос. И вообще, свидание мало чем отличается от допроса. Все те же признания, откровения, робость и смущение.

— Почему я? — отважилась спросить я, не поднимая глаз.

— Я подал ректору список студентов, которые показались мне подозрительными. Их достаточно много. Но я решил начать с вас, — слышался голос с явной насмешкой. — С меня букет доказательств. С вас — чистосердечное признание. Обещаю приставать к вам, пока вы не расскажете все, что знаете про дракона.

— С чего вы взяли, что я что-то про них знаю? — спросила я, сжимая кулаки.

Брать на себя ответственность за неудачную попытку «зажмурить» половину Академии, я была не готова.

— Я пришлю вам приглашение, — вежливо сообщили мне. И обдали меня запахом духов.

Только я расслабила нижние чакры, как вдруг.

— А вашу работу я обязательно прочту, — заклинание собрало листы с пола. И вырвало последний листик из моих рук.

— Что он от тебя хотел? — слышался встревоженный голос Иона. Я упала ему на грудь и вжалась в нее. — Допрашивать? Да ладно тебе. Там половина Академии.

Эти слова меня капельку успокоили. Но лишь на капельку! Меня тут хотят вылечить от красного диплома испепелением!

— Меня тоже пригласили! Видимо, подозревают, что я отцовские артефакты таскаю! — беззаботно заметил Ион, садясь за стол.

Я села рядом, ковыряя обед. Аппетит где-то спрятался. И вылезать не захотел. Когда котлета превратилась в месиво маньяка, я положила вилку.

— Я хотел с тобой поговорить, — слышался задумчивый голос Иона. Я подняла на него глаза. — В тебе что-то изменилось. Не могу понять что. Причем, недавно.

— С чего ты взял? — удивилась я. Мой взгляд скользнул по бледному лицу. И длинным волосам, подметающим старинный стол.

— Мы раньше с тобой проводили вместе много времени, — заметил Ион, подозрительно сощурившись. — А сейчас перестали. Раньше ты приглашала меня войти в комнату. А сейчас даже на порог не пускаешь. У тебя кто-то появился?

В этот момент мне очень хотелось рассказать про Фуфлыжника. Потому что две котлеты — лучше, чем одна. Но если все вскрыется, то Иона ждут неприятности! Возможно, что даже его отец лишится должности.

— Да, учебун! — с улыбкой соврала я. — Напал на меня внезапно.

— Уче ... кто? — спросил Ион.

— Он на тебя ни разу не нападал, поверь мне, — рассмеялась я, как можно беззаботней. — Экзамены на носу. Обидно было бы провалиться на них!

И тут я вспомнила, что мне предстоит полировать клетки и выгребать навоз. Настроение

испортилось окончательно.

— Мы могли бы встретиться сегодня? — улыбнулся Ион.

— Да, но меня оставили после уроков. Уже разнарядка пришла на зверинец. Мог бы, между прочим, заступиться за меня перед отцом. Почистила бы котлы. Или отскребла бы заклинанием голубиный коктейль с окон! — заметила я.

— Правила — есть правила, — ответил Ион. — И, как говорит отец, правила — это то, на чем держится Академия.

Я почему-то обиделась. Он ведь мог хоть попытаться! Но он даже не дернулся.

В кармане в пакетике шуршали котлеты. Одна надкушенная. Это то, что удалось тайком спереть со стола. И паштет.

После уроков меня торжественно отвели в зверинец. Размещался он в огромном зале. Его мог найти даже тот, кто впервые заблудился в Академии. По запаху неприятностей.

Иногда запах неприятностей была настолько невыносим, что сюда бросали целый отряд уборщиков. Но чаще всего довольствовались провинившимся старшекурсником.

Первокурсников не брали, поскольку отращивать запасные пальцы магия еще не научилась. А рассказывать родителям, почему чадо никогда не сможет играть на клавишине, Академия не любила.

Комиссий сюда не водили уже лет двести. После того, как здесь лишилась девственности при сомнительных обстоятельствах одна старушенция из комитета нравственности. Все грешили на тролля. Но он молчал.

Потом она интересовалось, сколько стоит тролль. И торговалась в рассрочку.

Двери зверинца распахнулись. На меня повесили ведро, тряпочку с носовой платочек гномика. В углу стояла лопата. И мешок. На стенах висели всяческие предупреждения.

«Осторожно, горный тролль», — прочитала я, подходя к первому загону. Тролль с нежным именем Чудорас был стар, беззуб и вонюч. Времена его глубокой молодости были позади. Если кратко про его меню, то люди входили в него в твердом состоянии, а выходили в жидком и газообразном. Но со временем зазорное «хрум-хрум» превратилось в унылое «чмок-чмок».

Любимым его занятием было теревить свое одиночество. И бросаться какашками в проходящих мимо людей. В душе он был ландшафтным дизайнером. И создавал причудливые ландшафты из переваренной морковки.

По соседству с ним жил лысый грифон Грифель. Он страдал пероедами. И постоянно чесался клювом в подмышках. В тот момент, когда ему это надоедало, он начинал летать по клетке, разбрасывая перья и какашки в радиусе ста метров. Взмах могучих крыльев сбивал с ног. А истыканные перьями вонючие снаряды добивали морально униженную жертву. Его пробовали лечить. Но потом лечить приходилось целителей. Вот так собственный идиотизм мешал грифону обрести счастье.

На голове у него была тонзура. Лысина. А все почему, потому что раньше грифонов было двое. Самец и самочка. И самочка имела привычку клевать самца. Вздох облегчение прокатился по Академии, когда она скончалась в силу возраста. Так что теперь он был холост, счастлив. И люто ненавидел женский пол.

Неподалеку обитала семейка гоблинов. Над ними висела табличка: «Тише, гоблины размножаются!». И висела шторка. Стоило ее отодвинуть, как видишь два унылых злобных существа, сидящих в разных концах клетки. Они смотрели друг на друга так, словно оба — мальчики.

Дальше был сфинкс Предскозел. Он любил загадывать странные загадки. С легким намеком на пошлость. В огромной банке сидели кровожадные феи. Причем, с каждым разом их становилось все меньше и меньше. А те, что оставались становились все толще и толще. В последнем загоне топтался единорог с хроническим расстройством желудка. Вокруг него были радужные ляпушки. И каждые пять минут он выдавал пеструю вонючую радугу.

В самом дальнем углу сидела знакомая саламандра. И смотрела на меня так, словно в разлуке составила целый список блюд. Из меня.

Были еще редкостные твари, от названия которых волосы вставали дыбом. В огромном вольере

сидел йети. И ждала своего волосатого снежного принца. Мы хотели ей сказать, что йети уже вымерли. Но не стали расстраивать.

Изредка она шатала прутья, проверяя их на прочность.

Там, в самом темном конце зала, в сложной магической печати сидело самое страшное существо, с которым приходилось сталкиваться инквизиторам. Джин. Или Ифрит. Верхняя половина его напоминала мускулистого мужчину после горячего душа, а нижняя — огненный смерч.

Говорят, что их даже на экзамен не ставят. Хотя должны! И упаси магия встретиться с ним лицом к лицу. Говорят, что джины исполняют желания. Но на самом деле ничего они не исполняют. И загадывать желание вовсе не обязательно. Человеку лишь кажется, что желание исполнилось. Но на самом деле джины сначала высасывают магию, потом жизнь, а под конец пожирают тело.

Мне предстояло помыть все эти клетки. Вручную. Поскольку от вольеров шел такой магический фон, что одна магия перебивала другую.

— Между ног легко вошло и на небо вознесло. От восторга таю, с этим я летаю? — спрашивал сфинкс загадочным голосом.

Я скребла лопатой загадочные кучки, сдувая волосы с лица.

— Метла, — бурчала я в ответ.

— Угадала, но это простая загадка, — бубнил сфинкс. — А вот сложная...

Я не слушала его, соскребая грязь. И вот я добралась до печати ифрита. Здесь нужно быть осто...

Я подняла глаза, видя, что печать треснула. Но больше всего меня пугала не трещина, а то, что джина нигде не было!

Неужели дракон повредил печать? Тогда почему все молчат? Может, не знают? Сюда редко кто заходит. Особенно в секцию: «Не кормить!».

Осторожно я отступила. Потом в панике бросилась на дверь. Дверь была закрыта. На ней цифрами полыхал обратный отчет. «До конца наказания осталось два часа три минуты!».

Окон здесь отродясь не было. Зубы стучали, я оборачивалась каждую секунду. Все, что я знала про ифритов и джинов, так это то, что я их не различаю. Кажется ифриты синие, а джины красные. Вот и все отличие.

В руке горело слабенькое заклинание. Подозрительный взгляд следил вокруг. Насколько я помню, желание загадывать вовсе не обязательно. Ифрит или джин сам залезет тебе в голову, откопает самое заветное подсознательное желание и порадует тебя напоследок!

Пока что все было вроде бы спокойно. Троль рисовал картины на стенах. Он был немного художник. А сейчас у него кончились краски. И последние я догребла лопатой. Единорог выдал еще немного радуги. Сфинкс бубнил про несметные сокровища. Йети чесалась и вздыхала.

Нервное заклинание отлетело от стены, ударилось о прутья клетки единорога и срикошетило в попу обиженного сфинкса.

Меня пугало то, что Академии всегда была железная дисциплина. Ректор внимательно следил за ней.

Опасливо я подошла к печати джина. Трещина нарушила печать. Но меня смутил стертый символ. Символ, который не позволяет нарушить целостность печати. Его стерли нарочно.

Это означало, что печать сломалась не просто так!

И тут я услышала шаги за дверью. Дверь со скрипом открылась. Я дернулась.

— Маленькая глупая фея... — послышался тихий голос за спиной.

— Простите? — прошептала я, не веря своим глазам и ушам. Мои глаза раскрылись. Я уловила запах ядовито сладких духов.

— Никогда, — послышался вздох. У меня по спине пробежали мурашки. Я стояла, приоткрыв рот. И дышала через раз.

— Сколько же тебе? Двадцать один? Двадцать пять? Двадцать три? — спросил голос Инквизитора. И послышался шаг. Сердце дернулось, но я не пошевелилась.

— Двадцать т-т-три, — прошептала я, начиная дрожать.

— Маленькая глупая фея двадцати трех неполных лет... — в голосе послышалась нежность. — Как же ты это сделала, маленькая фея?

— Что? — выдохнула я, сглатывая.

— Хороший вопрос... Скажи мне, почему ты не даешь мне покоя? — послышался еще один шаг. — Почему ты мучаешь меня... Кто разрешил тебе становиться моим наваждением? Кто, спрашиваю! Отвечай!

Не может быть... Я собрала дрожащие руки лодочкой и прикрыла рот и нос. Мое дыхание в ладони стало ужасно громким. Я пыталась сделать глубокий вдох. Но вдох дрогнул, словно я плачу.

— Кто разрешил тебе, быть такой красивой? Кто разрешил тебе так улыбаться? — приближался голос.

Голос умирал. И после вдоха возвращался к жизни.

— Я не хотел ехать сюда... — слышался голос ужасно близко. Словно Инквизитор стоял за моей спиной. — Несколько раз я думал отправить сюда заместителей... И ведь нужно было послушать свое предчувствие...

Его руки взяли меня за плечи. Я чувствовала, как они дрожат.

— Ты ведь не знаешь, что такое любовь, бессердечная маленькая фея... — слышался надрывный шепот. Он склонялся к моему уху. Аура его магии и духов окутывала меня и опьяняла. Я безотрывно смотрела в одну невидимую точку. И боялась пошевелиться.

— Не знаешь... Откуда тебе знать? — шептал голос. Руки скользили по моим плечам. И я чувствовала дрожание пальцев. — И это страшно... Скажи мне, ты любила когда-нибудь ни на жизнь, а на смерть? Готова была так унизиться, чтобы сказать об этом?

— У...у меня есть парень... — едва слышно прошептала я, глядя на сверкание перстня с гербом инквизиции.

— И ты его не любишь... Никаких «но»... Я прекрасно вижу это... Ты с ним потому что он с тобой... Не более... Ничего не хочу слышать. Любовь никогда не ставит условий. Любовь ставит на колени... — слышался шепот. — Ты боишься и оттягиваешь этот момент как можешь... И вот дотянула до выпускного... Потому что уверена, это раз и навсегда... Знаешь, чего ты боишься? Ты боишься этого «навсегда»...

— Неправда, — испуганно прошептала я. Он явно навел обо мне справки. У него на меня целое досье!

— Ты чувствуешь себя обреченной... Маленькая глупая фея, которая верит в сказки... Твоя сказка начинает пугать тебя... — я впитывала каждое слово, пытаюсь мысленно возразить. — Бойся своей глупой сказки... Ведь однажды ты полюбишь по настоящему.

Я сжала губы в тонкую напряженную ниточку.

— А дома тебя будут ждать муж и дети... Ты станешь самой нежной и заботливой супругой и матерью.... Еще больше нежности. Еще больше заботы. Чтобы твое преступление не раскрыли... — шептал голос.

Аромат духов обволакивал томным ядом.

— Вы... вы мне не нравитесь! — испуганно прошептала я.

— Если бы не нравился, то ты бы уже убежала. Дверь открыта. А я не держу, — тихо произнес Инквизитор, судорожно обнимая мои плечи.

Я пыталась заставить ноги пошевелиться. Потому что так нужно! Я сейчас должна вылететь из зала, бежать по Академии, жаловаться ректору...

— Но ты еще здесь, — меня отстранили от себя. В голосе слышался приказ. — Маленькая бессердечная ведьма! Целуй меня! Потому что я не решусь! Потому что ты вымотала мне все нервы!

Не может быть... Не может быть... Я делала глубокий вдох. Тысячи мыслей и голосов нарастали в звон.

— Поцелуй! — мои плечи сжали. Я покачнулась. — И тогда, клянусь, я прощу тебе все!

Я помню, как обернулась, глядя на красивое лицо. Он нависал надо мной. Я закрыла глаза, чтобы отпугнуть наваждение. А когда открыла, то почувствовала, как по щеке стекает жгучая слеза.

Моя дрожащая рука застыла в миллиметре от его лица. В тишине на меня смотрели глаза. У радужки они были голубыми, яркими... словно небо... А вокруг зелеными, а потом.... Коричневыми....

В каком-то странном порыве, я бросилась и впилась в его губы поцелуем... Рука касалась его кожи. Стальные тиски рук сжали мою талию. А носочки, на которых я стояла, оторвались от пола. В вихре его духов, мы кружились в поцелуе. И я проклинала себя за этот сладкую, страстную и бесконечно долгую нежность...

И тут я услышала слова смертельного заклинания. Заклинания уничтожения.

Я открыла глаза, видя, что лежу на полу в алой дымке. Она сверкала магией. А перед глазами рассыпалась алая фигура, сотканная из дыма.

Джин!

Я попыталась вскочить на ноги, но не смогла. А лишь отползала, видя огромную фигуру магической твари. Она корчилась в муках. В могучей груди чудовище, похожей на мужской торс, была сквозная дыра...

Джин ссыпался песком вниз. Я наткнулась спиной на что-то и вжалась. Взрыв песка заставил зажмуриться.

— Встала! — послышался приказ. Я подняла голову и увидела выставленную вперед руку. На ней еще подрагивали остатки заклинания. Перстень с печатью инквизиции искрился, усиливая смертельную магию.

Меня дернули вверх за пиджак и поставили на шатающиеся ноги.

Песчинки осели на пол. Перевернутое ведро валялось в дальнем углу.

— Молодец! Блестяще! Я поражен! — внезапно похвалил меня Инквизитор. — Считаю, что ты уже работаешь в инквизиции.

— Вы берете меня в инквизицию? Я буду сражаться с нечистью? — задохнулась я, краснея от стыда. Не может быть! Там одного человека берут в год! И то не факт! А тут...

— Ну, разумеется! — снисходительно посмотрели на меня на Инквизитор. — Превращать нечисть в «чисть». Ведром и шваброй мы обеспечим.

— Мы просто не проходили ифритов. Точнее, проходили, но в теории, — обиделась я, слыша, как на шум сбегают преподаватели и ректор. — Это высшая магия!

— Боюсь представить тебя на боевом задании. Извините, с вами я не сражаюсь. Мы вас не проходили. И с вами тоже я не сражаюсь. Вы — высшая магия! Вы тоже ползите мимо. У нас в учебнике страница про вас была вырвана! И вы летите дальше. В день, когда вас проходили, я болела! Пойду-ка я и забью бедолагу гоблина в соседних кустах, — насмешливо передразнил Инквизитор.

Он резко развернулся.

Ректор суетился и причитал: «Не может быть! Как же он вырвался? Кто ответственный за зверинец! Быстро ко мне! Почему не проследили! У нас чуть студент не погиб! Я этого так не оставлю!».

— Мало кому удавалось пережить ифрита. Поэтому мне интересно, что же тебе такого снилось? Просто я слышал такие звуки... И вела себя ты очень ... я бы даже сказал, интересно... — послышался голос Инквизитора. Он стоял ко мне спиной.

Я молчала и чувствовала себя какашкой единорога. Потому что переливалась всеми цветами радуги. Магии, и правда, поубавилось. Ничего, восстановлю. Сейчас магия — не главное!

Главное то, что это был всего лишь магический сон. Мастерская иллюзия, которую насылают джин на своих жертв перед тем, как съесть их. Плод больного воображения. Джина, разумеется!

Надо же, придумал! «Маленькая глупая фея!». Я никакая не фея! Даже крови феи во мне нет! Ну, может, где-то очень далеко. Когда, какой-нибудь не особо разборчивый предок — маг вбежал в лес, почесывая напряженные штаны.

Инквизитор помолчал. Не дождавшись ответа, он бросил:

— Ну, не хочешь рассказывать, не рассказывай. Пойдем. Начну допрос с тебя, маленькая глупая фея!

Глава шестая. В которой меня обыскивают и готовят ловушку

Я плелась за ним. Мое лицо переливалось, как знамена факультетов. От алого до бледного. Мне казалось, что я — служанка при дворе короля. И теперь мне вменили почетную обязанность носить за ним шлейф духов.

Мне было стыдно за то, что я не справилась с ифритом. Старый учебник подсказывал, что даже если вас околдовали, есть шанс спастись. Нужно было просто отказаться от желания!

От моих горящих ушей, чуть не сгорела Академия.

Но больше всего меня пугали слова «маленькая глупая фея!». Пока что я никак не могла их объяснить.

Я попыталась взять себя в руки.

«Это же здорово, что он теперь уверен в твоей никчемности!», — внезапно осенило меня.

И я посмотрела коварным взглядом на стройную высокую фигуру.

Коварная мысль потирала лапки, ворочаясь во мне и так и эдак.

Если Инквизитор убедится, что я как инквизитор полный ноль, то обвести его вокруг пальца будет намного легче!

— Прошу, — с улыбкой пригласили меня в роскошный кабинет.

Пока я рассматривала стол, книги и картины, Инквизитор закрывал дверь заклинанием.

— Итак, вас зовут Ангелиза, — слышался тихий голос с улыбкой. — А меня господин следователь. И, поскольку мы уже немного познакомились, я имею право вас обыскать.

Нас учили, что перед допросом следовало бы обыскать подозреваемого. Мало ли, что у него с собой?

При обыске редко применяют магию. Поскольку на многие магические предметы можно поставить магическую защиту. Или заклинание самоуничтожения.

— Итак, магические артефакты, запрещенные зелья и острые предметы есть? — спросили у меня очень доверительным голосом.

— Кроме шуток нет, — ответила я. И тут же, чтобы разрядить обстановку добавила. — А хотелось бы...

— Так, острые шуточки можно оставить, — с усмешкой заметил Инквизитор. — Вы знаете, что делать?

Я поплелась к стене, расставила ноги на ширину плеч и уперлась руками в дорогие обои. Поехали! Прямо, как на уроке.

— Позвольте начать с карманов, — слышался голос сзади. Его рука осторожно нырнула в мой правый карман и...

— Котлеты? — внезапно спросил Инквизитор. Я обернулась. В его руках был липкий пакетик с надкушенными котлетами. Пакет выглядел очень неаппетитно. Запах от него исходил самый что ни на есть «котлетный». Домашний такой, уютный...

— А зачем тебе две надкушенные котлеты? — осторожно спросил Инквизитор. И немного отвернулся.

Он смотрел то на меня, то на котлеты. Но на котлеты чаще. И это расстраивало меня, как симпатичную в зеркале девушку.

— Я просто решила перекусить, — спокойно ответила я. — Все равно к ужину не успела бы!

Коварная муха внутри потеряла лапки и укусила меня.

— Но можете взять себе одну! — радостным голосом разрешила я. — Берите левую, я ее почти не ела!

Котлеты легли на стол. Я повернула голову обратно к стене. Один — ноль!

Рука полезла в задний карман. И почему-то тут же вылезла. Как-то смущенно вылезла, я вам скажу! Нет, лезла очень уверенно. А вылезла быстро и смущенно.

Повисла тишина. Причем такая подозрительная, словно у меня нашли целый арсенал.

— Неловкий момент, — каким-то очень странным голосом произнес Инквизитор. — Вытаскивайте сами!

Он начинал меня интриговать. Я решила не остаться в долгу. Нечего по моим карманам лазить!

Я развернулась, видя чужие пальцы в чем-то коричневом и липком. И тут меня осенило! Паштет! Я переложила его в задний карман. А потом упала на него!

Засунув руку в карман, я извлекла пакетик. И от души положила его на роскошный стол.

— На уроках не пускают выйти... — пошутила я, глядя на свои коричневые пальцы.

А потом взяла и молча облизала их.

— Поэтому паштет я на завтрак не ем. Я несу его в комнату! — закончила я мысль.

— Браво, — похвалил меня Инквизитор. Он вытирал пальцы платком. — Браво и очень самонадеянно. Уберите его, пожалуйста, подальше от моих бумаг.

— Как скажете, — кротко заметила я, поднимая пакетик и перекладывая его.

Мне кажется, или я его разозлила? Обыск продолжался но уже молча. Предметы на столе приходилось сдвигать.

— Расческа, закладка раз, закладка два, перо, кольцо, какая-то висюлька на шею, фантик от конфеты, конфета от фантика, свечка, — перечислял Инквизитор содержимое моих карманов.

Что поделать? От Фуфлыжника нужно все прятать! А поскольку оставлять в комнате ничего нельзя, то приходится носить с собой. И пользоваться заклинанием черной дыры.

— Шпатель по зельям, зелье от прыщей, шпатель, контрольная работа с ошибкой, — продолжал Инквизитор. Я уже повернула к нему голову.

— Мне ее завтра сдавать, если что, — предупредила я, чтобы с ней были поосторожней. И не клали к паштету!

— Тогда исправишь две унции на три. Шестая строчка сверху, — отмахнулся Инквизитор. — Еще конфета. Наполовину съеденная, блестящая, блокнот чистый...

— О, а я его потеряла! Спасибо, — вздохнула я. Две недели искала! А он, сволочь, во второй юбке лежал!

— Резинка для волос, часы, браслет... — не сдавался Инквизитор, выкладывая предметы на стол. — Огрызок мандрагоры, зелье свежести дыхания, волшебный лак для ногтей, бусинка, пилочка для ногтей...

— Пилочку далеко не убирайте, — взмолилась я. — Я ее потом сверху положу!

— Магический дезодорант, еще одна свечка, тени для век, помада, блеск, — не сдавался Инквизитор. Он поднял на меня глаза. — В левом, кажется, все. Теперь правый!

Через десять минут мне разрешили присесть. Но присесть было некуда. Стол и даже стул были завалены содержимым моих карманов. Кое — что уже лежало на полу.

— Опись будем делать? — спросила я.

— Думаю, обойдемся, — улыбнулись мне. От его улыбки что-то внутри предательски сжалось. Я вспомнила иллюзорный поцелуй. Он мурашками пробежал по спине. И запорхал в животе бабочками.

— Тогда я могу складывать? — спросила я. Мне все еще неловко было поднимать глаза. Обыск занял почти час.

— Конечно, — заметил Инквизитор, глядя на котлеты.

— Нет, если хотите, можете взять одну. Я серьезно, — ответила я.

Меня тревожил его задумчивый взгляд. И то, как дрогнул уголок его губ. Эта таинственная

загадочная тишина пугала меня. Я бы дорого отдала, чтобы узнать ход его мыслей.

Вещи возвращались в карманы. Бумаги возвращались на стол.

— Вы меня в чем-то подозреваете? — наивно спросила я.

— Пока что я подозреваю тебя в том, что твои котлеты испортили мои документы, — заметил он. И сощурил на меня глаза.

Потом на его губах снова появилась тень улыбки. Мне что-то недоговаривали. И меня это пугало.

— Простите, вы называли меня «глупой феей»? — не выдержала я, понимая, что он что-то задумал.

— Я смотрю, вы умеете допрашивать, — промелькнула тень вежливой, но сдержанной улыбки. — Давайте сразу определимся. Вы меня. Или я вас. А, впрочем, я вас наверняка задерживаю. Время уже позднее.

Наконец-то я собрала в карманы все, что было оттуда выложено.

— Прошу. Думаю, что допрос отложим, моя маленькая глупая фея, — удивлял меня Инквизитор. Он все еще смотрел на меня очень странно.

Только я отвернулась к двери, мне на плечо легла рука.

Тяжесть руки заставила меня окаменеть. Звенящая тишина внутри меня разрывалась тысячей мыслей. Они нарастали и сливались в дикий гул.

«Зачем он это сделал?», — вертелось в голове. Я задыхалась от внутреннего жара. Он прикоснулся ко мне. И это не иллюзия!

Кончики моих пальцев похолодели. Щеки вспыхнули с новой силой.

— Я не разрешал никуда уходить, — послышался голос за спиной. — Хотя нет, идите...

Как можно спокойней я открыла двери в коридор. Уроки уже закончились. В коридоре было пусто. Мне не терпелось добраться до комнаты. Сердце выпрыгивало из груди. На губах был сладкий вкус иллюзорного смертельного поцелуя. Неужели?

Я прижала руки к щекам, в надежде, что это — сон. Внутри вертелся комок мыслей. Большинство из них начиналось со слов: «А вдруг!». Я вспомнила, как в иллюзии он положил мне пальцы на щеку, скользнув по ней вниз. Это жест затаенной нежности заставил меня замереть. Руки, которые творили смертоносные заклинания, ни разу не дрогнув, теперь дрожат.

Быстрым шагом я шла по направлению к порталу, как вдруг остановилась возле одной пустой аудитории. В этой аудитории нас учили правильно проводить допрос.

Нижние чакры сжались. Так, а вот это мне уже не нравится.

Когда не веришь глазам и ушам остается верить нижним чакрам!

«... ничего не удалось узнать. Такое тоже бывает. Поэтому преступник сам может вывести вас на след...», — вспомнила я урок.

Аудитория словно ожила. Все сидели и записывали. Галерка травила анекдоты. Но шепотом. Чтобы не отвлекать тех, кто будет их защищать в будущем от разгула нечисти.

«А вдруг он тоже ко мне неровно дышит?», — растекались липкой розовой карамелью остаточные мысли.

«... вот! Это — светлячок. Они слушают и передают все, что говорит и делает подозреваемый. Обратите внимание на способ их установления!» — возле кафедры мерещился призрак преподавателя со сверкающей маленькой баночкой.

— Светлячок, — едва слышно шевельнула я губами. И попыталась вспомнить все.

Я мотнула головой, возвращая себя с небес на землю. Что-то тут не так. Я зашла в аудиторию, осторожно стягивая с себя пиджак. И села на свое привычное место.

Так! А теперь внимательно смотрим.

«После допроса вы под любым предлогом прикасаетесь к подозреваемому. Поправить одежду, отряхнуть пыль, проводить до двери...», — гундывил призрачный голос.

— Есть, — едва слышно выдохнула я, видя на пиджаке что-то похожее на блестящую мушиную кашку. Как раз на том самом месте, куда легла рука инквизитора.

Подслушку легко можно перепутать с блестяшкой, которая случайно осыпалась с прически или блеска для губ.

Вот зараза! Он следит за мной! Я зажала рот рукой.

«Избавиться от нее сложнее, чем заметить. Прослушка перестает действовать через сутки... Но за эти сутки часто удается выяснить много чего важного. Скажем так, это — не самый законный метод, но... Нельзя судить человека по слухам. А по прослушке можно!», — закончил призрачный преподаватель.

И растворился вместе с воспоминаниями.

Я помотала головой, отгоняя тревожно сладкие воспоминания про иллюзию.

Значит так, да? Значит, ты за мной следишь! А вдруг светлячков несколько? Если я уберу их, это будет слишком подозрительно. Если я случайно обменяюсь с кем-нибудь пиджаками в библиотеке, это тоже будет подозрительно.

Я надела пиджак, поправила волосы и одернула юбку. На моих губах застыла коварная улыбка. Меня вдруг резко потянуло на музыку.

Приступим! Среди объявлений висело расписание репетиций хора. Именно благодаря ему мы знаем, каким переходом лучше не пользоваться.

Звуки кошачьих пыток долетели до меня как только я вышла из портала.

— Сопрано! Вы еще дыхание в рот не взяли! А теноры уже кончили! — послышался недовольный голос руководителя ректально — экспериментального хора.

С недавних пор любой в Магической Академии стало модно иметь хор. И мы решили не отставать со своим ректально — орально — экспериментальным хором.

Ректального, потому что хор ректорский. Экспериментального — потому что таких музыкальных экспериментов над слушателями не ставил еще ни один хор в мире! А орально, потому что орали, так, что стекла звенели.

— Давайте с третьего такта! — продолжал он из-за прикрытой двери. — Мы — гордость магической науки... На счет три! Раз! Два! Три!

— Простите, я к вам записывалась на той неделе. Извините за опоздание, — скользнула я в аудиторию. На меня посмотрело сразу три десятка глаз: «Беги, дура! Нас тут держат в заложниках оценок!».

И два очень заинтересованных. Преподавательских.

— О, наша Ля пришла! Почему пропускаем занятия? — умилился он. Я опустила голову, каясь что не сделала этого раньше. — Ну, Ля, становись к другим! Первое сопрано!

На стене висела грамота: «Победители битвы хоров среди магических Академий». Просто наших было больше. И они запинали другие. Пока не видело жюри.

Мне выдали ноты и поставили на ступеньку.

— Сначала! С слов: «О, магия могучая стихия»! — прокашлялся дирижер. Он метался перед нами. — Вытягиваем, вытягиваем... Еще тянем! Второе сопрано, что вы затаились, как рояль в кустах? Почему молчат басы! Они что, захлебнулись в собственном таланте? Кто петь за них будет, я что ли?

— Академия! — пели мы. Я подглядывала в ноты. — Академия...

— Вы не попадаете в «Ааааа!». Что это за подъезды, обгаженные гоблинами? Будете так к девочкам подкатывать, а не к «Ааааа»! — возмущенно сопел преподаватель.

Мы умолкли. Нам было стыдно.

— Я как вас учил? Не можете сразу выдать «Ааааа» что поем? «Га» или «Ка»! Еще раз, с начала такта! — прокашлялся охрипший преподаватель.

— ... каааааа... — выводила я вместе со всеми. — Каааааа-я-я!

Хочу видеть, как плачут Инквизиторы. Я просто хочу видеть, как слеза течет по его ямочке на щеке в этот момент.

— Каакадемия Магических Кискусств! — пели мы.

— Вы честь и достоинство Академии Магии! Так что нужно петь гордо! — утирал пот со лба преподаватель.

Вот здесь Инквизитор должен вздрогнуть. И лично прибежать сюда, дабы оторвать Академии достоинство. И лишить ее чести.

Петь в хоре было не сложно. Главное — не унывать и не терять присутствие слуха.

Зато кто-то сейчас начнет захлебываться в моем таланте. И узнает меня, как очень разностороннюю личность!

Глава седьмая. В которой я езжу по ушам и тушу пожары

К концу репетиции я была уверена.

Где-то лежит труп.

На дорогом ковре.

И на моей совести.

Зато я выяснила. Петь в хоре было очень просто.

Главное следить за дирижером. Как только он в ужасе смотрит на тебя. Ты должен в ужасе посмотреть на соседа. Можно даже демонстративно отодвинуться.

Все так делают.

— Ми нужно петь мимимишней! Когда вернетесь в комнаты репетировать так, чтобы соседи умели петь «Славься Академия» лучше вас! — выдохнул и выдохся дирижер.

Дрожащей рукой он достал неизвестные таблетки и сожрал половину банки.

Мы его понимали. Гении умирают рано.

Все с грохотом покидали временный храм искусств и обитель зла по совместительству.

— На занятия ходим! Не пропускаем! — слышалось вдогонку.

Но нас было уже не остановить. Едва ли не с криком «Шевабода!» мы выламывали дверь в коридор. И ритмично стучали ногами в разные стороны.

Дирижер свернул партитуру и растворился.

Я вздохнула и похвалила себя. За то, что приобщилась к прекрасному. Лучше поздно, чем никогда!

Абсолютно спокойно я дошла до своей комнаты.

Я поймала Фуфлыжника прямо на пороге и закрыла ему пасть рукой.

Во мне ворочалась совесть. И пыталась меня укусить.

То, что я задумала было воистину ужасным!

Пока дирижер выгуливал ругательства, а мы мучили таланты, ко мне в голову пришла мысль. Чудовищная и жуткая.

Меня даже холодком обдало на словах «И мы, и мы, ее выпускники!»

Если кратко, то все хорошее, как, например, музыка, рано или поздно заканчивается. Кровь перестает идти из барабанных перепонок. Нервная система собирает выжившие нервные клетки. И так далее.

Но сказка не должна заканчиваться.

Вот что может делать с виду милая отличница в свободное от уроков время? Конечно же слушать расслабляющую музыку. Тем более, что мы тут всеми силами создаем себе имидж очень музыкальной девушки.

В комнате царил бардак. Сокровищница пополнилась моим носком с золотыми звездочками.

Я дошла до полки и достала магический диск.

Мне его дал послушать Ион.

Но я так и не рискнула. Хотя при встрече сказала, что это лучшее, что я слышала в жизни.

Чтобы Ион не расстраивался.

Ион наоборот очень обрадовался. И наказал меня целым ворохом дисков на Хэллоуин. Требуя от меня счастливых глаз и радостных повизгиваний в сторону любимых групп.

У нас с ним музыкальные вкусы не сходятся.

Я не могу любить группы с названиями «Развратные мертвые девственницы», «Зомбодятлы», «Кишечные демоны», «Труп, танцующий на могиле вампира» или «Тролли — дефлораторы». А он может. Еще как!

Я вообще как-то к музыке равнодушна. Но сегодня я твердо решила стать меломаном. До конца. До инквизиторского победного конца.

Чтобы в следующий раз, когда он захочет поставить на меня прослушку, его рука дрогнула. А из ушей полилась кровь.

Заодно громкая музыка, которую благодаря заклинаниям не услышат соседи, сможет прикрыть любые шалости Фуфлыжника!

Меня так и подмывало вслух объявить: «Эта песня, посвящается тебе, любимый!».

— Нифига себе денечек был! — демонстративно зевнула я, глядя на свирепую зажатую рукой морду Фуфлыжника. — Нужно немного расслабиться и отдохнуть!

Кстати, кого я тут первым схватила? «Тролли-Дефлораторы»! Отличный выбор. Сейчас проверим заклинание слышимости. Не хочу, чтобы кто-то пострадал, кроме нас!

Диск на столе ожил, завертелся волчком и ... меня едва не сдуло от ударной музыки. Не знаю, то там происходит у Инквизитора. Но у меня глаз дергается. Фуфлыжник сполз на кровать. И возмущался.

Однако, его возмущений я не слышала!

С каждой секундой я убеждалась, что есть такие группы, которые чаще заказывают убийце, чем по магическому радио.

Мне искренне хотелось не только разобрать, что они там поют. Но и самих участников группы на запчасти. Солист пел не ртом. А чем-то другим. Складывалось впечатление, что я не хочу знать, какие органы способны издавать этот звук.

Поначалу я не могла понять, на чем они играли. Потом бросила это гиблое дело. И решила, что есть такой инструмент «нервы». Так вот, они играли на них виртуозно!

Я была не уверена, что это именно куплет. Но слов я разобрать не смогла. Зато припев был понятен.

— Пусть крестьяне схватятся за вилы! Я достану труп твой из могилы! — повторял сверхъестественный, с позволения сказать голос.

Я прибирала в комнате, пока Фуфлыжник постигал прелести тяжелого магического рока.

— А теперь ударим тяжелым заклинанием! — произнесла я. Но меня, разумеется никто не услышал. Скоро я мало кого слышать буду.

И недрогнувшей рукой я поставила песню с начала. Зациклила ее. Ведь ни что так не выводит из себя, как песня, играющая по сотому кругу.

Сначала я была уверена, что не переживу. Потом наступило смирение. Под конец я стала даже подпевать.

— Пусть крестьяне схватятся за вилы! Я достану труп твой из могилы! — подпевала я, чувствуя синдром «Принцессы».

Именно так называли у нас состояние, когда тебя похитил дракон. А ты начинаешь понимать, что он милый! Спустя месяц обитания в его пещере.

— Пусть крестьяне схватятся за вилы! — пела я, быстро делая домашнее задание за завтра.

— Хе! — выдал Фуфлыжник, глядя на меня перепуганными глазами.

— Что? — едва слышно спросила я. Раз соседи еще не прибежали, видимо они не слышат. Или умерли.

— Хе! — выдал Фуфлыжник. И посмотрел на меня со всем страданием.

— Ты что-то проглотил? — прошептала я, беря его на руки.

— Хек! — выдал мне в лицо черный дым маленький дракон.

— Ротик открой, — встревоженно прошуршала я, пытаясь высмотреть причину внезапного «Хек!».

Он кашлял. И это было видно. Кашлял и страдал.

— Ты не заболел? — встревожилась я ни на шутку. — Малыш? Ты чего? Вроде с утра не кашлял!

— Кхек-кхек! — подавился Фуфлыжник. Я уже осторожно рассмотрела его. Все-таки мальчик.

И он снова уставился на меня страдальческим взглядом. А потом он начал икать. Словно его по матушке вспоминала вся Академия.

Испугавшись, я схватила книги по драконоводству. «Драконьи болезни», — нашла я раздел.

— Ик! — выдал мой малыш. Он свернулся какашечкой на коленях и икал.

«Драконы не болеют. Точнее, ученым не удалось определить ни одну драконью болезнь. Те болезни, которые у людей называются «драконьими» не имеют отношения к драконам», — прочитала я.

— Все хорошо, — гладила я жесткую чешую. «Ик!», — спорил со мной малыш.

И вообще! Его пора купать! А то он весь пыльный и грязный. Еще бы! Тяжкий фронт познания мира.

Я отложила одну книгу. И принялась за следующую. Благославленную инквизицией. Она называлась скромно «Все о драконах. Ответы на часто задаваемые вопросы».

Предисловие к этой замечательной книге начиналось словами: *«Дорогой умственно отсталый, недалекий, вкусный человек! Среднестатистический дракон потребляет до двадцати таких, как ты в неделю!».*

Я до нее пока что не добралась.

«А что если у дракона отвалилась чешуя? Это хорошо или плохо?» — задавал вопрос любопытный читатель. «Беги, дурак, а не чешую рассматривай!», — отвечала инквизиция.

Или вот еще. «Как отличить самку дракона от самца?», — спросил еще один любопытный читатель. «У самца кишечник длиннее на два метра. Это все, что тебе пригодится при встрече с драконом», — отвечала добрая инквизиция.

Я отложила и эту книгу. Зачем я только ее брала?

— Ик! — жалобно выдал Фуфлыжник. И посмотрел на меня виновато-виновато.

Где-то гремела музыка, но мне было все равно.

— Ик! Ик! Ик! — давился чем-то малыш. Я попыталась открыть ему рот, как вдруг....

— Пышь! — я едва не осталась без волос, ресниц и бровей. В меня брызнула тонкая струйка пламени. Хорошо, что я вовремя успела зажмуриться.

— Пышь! Ик! — обрадовался Фуфлыжник, пока я тушила волосы и пиджак. Он радостно сполз с рук, воспользовавшись тем, что я спасаю себя от стрижки — вспышки.

— Пышь! — выдал он, стоя в центре комнаты. И мой розовый носок обгорел наполовину.

— Караул, — сползла я на пол, глядя на гордо поднятый хвост, широко расставленные крылья и кривые лапы.

«Да, трепещите, носочки!», — гордо поднял взгляд малыш.

— Тише-тише-тише... — ползла я к нему. Чтобы не спугнуть.

— Пышь! — в одеяле появилась огромная дырень.

— Иди сюда! — кралась я, в надежде, что успею схватить его раньше, чем он сожжет комнату.

Мне удалось надеть ему на морду резинку для волос. Желтые возмущенные глаза скосились на розовый бантик. Лапки пытались сорвать резинку. Он посмотрел на меня требовательным взглядом ребенка: «Мама! Сними!».

У меня дрогнуло сердце. Я взяла его на руки и прижала к себе.

— Прости, малыш, — шептала я в драконье ухо. — Вот как объяснить тебе...

Дракон сползал по пиджаку. Но я приподняла его и потерлась носом о жесткий клювик.

— Тебя могут убить в любой момент, — прошептала я, выдыхая и поджимая губы. — Понимаешь? Маги ... они не любят драконов... Ну... мир так устроен... Нет, конечно, они любят драконов, но только дохлых... Сердце дракона, чешую, тертую драконью кость....

— Фу! — выдал затосковавший Фуфлыжник. Он прижался ко мне и вцепился когтями в пиджак. Я держала его осторожно, чтобы не повредить тонкие крылья.

— Да, фу! — улыбнулась я. И тут же снова погрузилась.

Кто-то нес его в Академию. Или из Академии. Скорее всего, в Академию. И попал в засаду гоблинов.

И если бы его нашла не я, а кто-то другой... Страшно представить, что с ним было бы!

В этот момент я прижала малыша к себе крепче.

-Уфуф! — возмущился Фуфлыжник. Он терпеть не мог телячьей нежности. И больше всего не любил, когда его целуют в клювик. В этот момент он был уверен, что без носа мне будет куда удобней. И экономней.

Жаль, что я тогда растерялась и не обыскала сумку! Возможно, там и сохранилась бы какая-нибудь записка. Но теперь я вряд ли найду это место. Да и сырость сделала свое дело. В гоблинском лесу всегда сыро...

— Маленький мой, — баюкала я его, под убийственную музыку. Которую уже почти перестала замечать. — Этот мир для тебя опасен. Пойми. И я очень за тебя переживаю... Если тебя найдут здесь, то тебя уничтожат. А я...

В горле зацепил комочек слез.

— А мне придется сражаться за тебя до конца, — выдохнула я, представляя все это, как наяву. — Против Инквизиции и Академии...

Музыка гремела, вынося окна. Сердце билось, пытаюсь достучаться до Фуфлыжника.

— Малыш, я не выстою в этой битве, — призналась я.

Я вспомнила абзац из книги.

«Дракончики рождаются очень редко. Драконы никогда не бросают своих детенышей. Если вы обнаружили яйцо дракона, то, вероятней всего, они погибли».

И обняла малыша еще крепче. Он потерял всех. Но успел создать защитный кокон — яйцо. Сколько же ему пришлось пережить?

И сколько предстоит...

Дракончик не понимал, что он я говорю. И решил меня утешить.

— Ай! — дернулась я, потирая нос. Меня утешили, укусив за кончик носа.

— Но если все пройдет гладко, то я закончу Академию, и... , — я облизала губы, стирая ужасные картинки.

Вместо них я видела маленький домик в горах. Себя, заслоняющей рукой глаза от солнца. И Фуфлыжника, летящего среди облаков.

— Бух-бух! — послышался треск двери. Я очнулась и дернулась. Сердце запаниковало.

Что делать? Что же делать? Может, это кто-то пришел за конспектом? Или девчонки за помадой? Или...

Да какая разница!

Я схватила книгу «Заклинания. Проще пареной мандрагоры», открыла ее на странице: «Огненные заклинания».

Доски отодвинулись, Фуфлыжник отправился на чердак. Он упорно пытался снять резинку с морды. Но я скрепила ее заклинанием.

Доски встали на место, а я полетела вниз со стула. Стул тут же был задвинут под стол. На его спинку повесился пиджак. Рубашку и юбку я снимать не стала.

— Мммм... — простонала я, глядя на расцарапанную о край стола ногу.

— Открыто, входите! — прокричала я, забираясь под одеяло.

— О! О! О! — морщилась я, когда ссадину начало щипать. — Уф-уф-уф! Больно-то как!

— Маленькая проверка. Хотел застать вас врасплох, — заметил он с улыбкой. Сквозь шум я едва сумела разобрать слова.

Инквизитор внимательно осмотрел комнату. Когда его взгляд остановился на сгоревшем носочке, он тут же посмотрел на меня.

— Я убавлю громкость? — спросили меня. И без спроса убавили до едва слышного бухтения. — Мне приятно, что у нас совпадают музыкальные вкусы. Одна из любимых песен. Но она нам будет мешать.

Я округлила глаза. А с виду очень интеллигентный!

Ой!

И тут до меня дошло!

То есть, я весь вечер крутила его любимую песню? От досады я едва заметно закусил губу. Мне казалось, что завтра я, идя мимо, буду напевать ее. Чтобы увидеть, как дергается чей-то глаз!

— Итак, что вы от меня скрываете? — вежливо спросил Инквизитор. Он посмотрел на дыру в одеяле. В ней мелькнули мои ноги.

— А что я могу от вас скрывать? — удивилась я, следя за его рукой. Ну-ну, снимай свою прослушку!

— Поверьте моему опыту, вы что-то знаете. Но молчите, — Инквизитор не торопился трогать мой пиджак.

— Это допрос? — спросила я, округлив глаза и глядя на время.

— Нет, это просто разговор, — мне вежливо улыбнулись. — Просто шел мимо вашей комнаты. И решил заглянуть.

— В самом конце башни у нас резервный женский туалет, совмещенный с женской душевой, — осторожно заметила я. — Вы туда шли? Или оттуда?

Мне в ответ просто улыбнулись.

Я словно купалась в его духах. И смотрела на ямку улыбки. На руки в перчатках. На белоснежный расстегнутый сюртук. На шейный платок, скованный золотой брошью. Но посмотреть ему в глаза так и не осмелилась. Не знаю почему. В этот момент меня сковывал страх. И тут же начинали гореть уши.

— Моя интуиция меня еще ни разу не подводила, — послышался мягкий голос. — Никогда.

— Что мне скрывать? — спросила я, видя, как его рука осторожно ложится на мой пиджак. Снимает прослушку. Ну-ну!

— Кстати, что вы читаете? — внезапно перевел тему Инквизитор.

— Вот, тренирую заклинания огня, — показала я страницу со схемой постановки руки. — У меня скоро экзамены. Вот и повторяю.

— Заклинание для первого курса? — усмехнулся Инквизитор, осторожно отгибая страницу.

— Просто огненные заклинания у меня никогда не получались, — вздохнула я, уставившись в рисунок. — А они будут на экзамене!

— А я недоумевал, почему при приеме на работу выживают единицы? — заметил Инквизитор. — А вот и ответ. В Академии ничему не учат.

Внезапно он сощурил глаза. Видимо, где-то в глубине души он подозревал, что огненные заклинания — это мой конек.

— Сейчас пожар будет, — вздохнула я. И пошевелила пальчиками ноги в обугленной дырке.

— Вставай и показывай! — в голосе прозвучал жесткий приказ. Приказ, который не терпит пререканий, вопросов и нытья.

Я дернулась. Это было слегка неожиданно. Улыбка померкла. И я впервые посмотрела в его глаза.

Ледяной взгляд поднял меня с кровати. Он же заставил меня отложить учебник на стол и кирпичи по пути к тапочкам.

Когда умеешь делать что-то хорошо, это сложно сделать плохо!

Я смотрела на дрожащие пальцы. Ладно, вспоминаем... Я напряглась, словно откладывая не кирпич, а целый замок! Из моих скукоженных пальцев родилось чахлое пламя.

«Контролируй, контролируй...», — шептала я себе. — «Слишком хорошо — тоже плохо!».

Я мимолетно глянула на потолок. И тут же перевела взгляд себе на руку.

Огонек три раза гас. Я поднимала страдальческие глаза на Инквизитора. Тот присел на мой стул и ледяным взглядом смотрел на мои «потуги».

— Уф! — морщилась я, сопя на огонек. Он немного разгорелся и слетел с пальцев. С шипением заклинание пролетело в сантиметре от щеки инквизитора.

Он даже не дрогнул. Не отклонился. Мой взгляд молниеносно метнулся на потолок и вернулся обратно.

— Ой! — сжалась я, прижав руки к груди и глядя на обгоревший угол шкафа. — Извините, я случайненько! Я не умею их контролировать... Просто учили на первом курсе. И я все позабывала.

— Почему вы так часто смотрите вверх? — заметил Инквизитор. Он снова говорил мягко, вежливо и располагающе. Его взгляд плавно скользнул на потолок.

— Это я молюсь, — опустила я глаза. — О, великая сила! Сделай так, чтобы у меня хоть что-нибудь получилось. При этом было минимум трупов. И все списали с моей совести на несчастный случай!

Глава восьмая. В которой мне срочно требуется запасная нервная система

— Забавно, — Инквизитор облокотился на спинку стула и подложил руку под голову. Он смотрел на меня пристально и очень задумчиво. Изредка уголок его губ дрожал, приподнимаясь. Чтобы тут же опуститься.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — еще раз спросил Инквизитор. — Сегодня по-хорошему. Потому что я пришел сам.

— С чего вы вообще решили, что я как-то к этому причастна? — спросила я.

— Наверное потому, что когда на Академию напал дракон, все бежали в главный зал. А вы почему-то в свою комнату, — мне вежливо улыбнулись. — Я уже допросил некоторых учеников и преподавателей.

— Я... очень испугалась и растерялась! — прошептала я, опуская глаза. — А потом вспомнила, что у меня тут конспекты... А дракон — не дракон, мне по ним готовится... И бросилась спасать их! А то мало ли!

— Такая старательная ученица. И при этом не может сотворить простейшее заклинание огня. Вам самой не кажется это подозрительным? — заметил Инквизитор, вращая перстень вокруг пальца. Перстень был надет поверх перчатки. И камень сверкал отточенными гранями.

Я знала, что это за перстень. Он есть у каждого инквизитора. Ходят слухи, что он способен уничтожить человека в пыль. Ни единой улики.

— Давайте попробуем еще разок. Представьте, что я — ваша подружка. Что бы вы ей сказали? — не сдавался Инквизитор. Хотя и посматривал на часы.

— Помаду, сволочь, верни! Которую на свидание брала! Что? Это что за огрызок? У тебя что? Мужик помадой питается? Или ты после каждого поцелуя красила губы? — усмехнулась я, переводя все в шутку.

— Все с тобой понятно, — мне вежливо улыбнулись. Но посмотрели многообещающе. — Может, ты боишься? И тебе нужна защита?

— Благодарю, но я в состоянии защитить себя сама! — ответила я, понимая, к чему он клонит. Мало ли, вдруг я что-то знаю и боюсь говорить, поскольку мне угрожают?

Инквизитор встал и вернул стул на место. Пока он шел мимо меня, я увидела, как краем глаза он внимательно следит за мной.

— Скоро увидимся, моя маленькая глупая фея, — послышался голос.

И дверь хлопнула.

Я уже собиралась радостно выдохнуть. Но тут же задумалась. Слишком демонстративно он снимал светлячка. А это может означать, что есть еще один. Или несколько.

А вдруг он только и ждет, что я расслаблюсь и ...

— Ага, — усмехнулась я, добавляя громкости в музыку. Значит, любимая песня? К утру станет нелюбимой!

— Вылезай! — сняла я доски. — Эй, Фуфлыжник?

В ответ тишина. Ладно! Полезли наверх! Стулья подо мной зашатались и упали с грохотом. Я подтянулась на руках, выискивая глазами мою горелку.

— Пышь! — послышалось радостное в углу.

— Так— так -так! — бежала я жирным голубем. — Не вздумай!

— Пышь-пышь! — поливал огнем доски Фуфлыжник. Я тушила чердак заклинаниями.

— Иди сюда! — строго требовала я, но от меня ловко убегали. Фуфлыжник явно было настроен поиграть!

— Мама накажет! — угрожала я, пытаюсь его отловить. Мне удалось удачно упасть и схватить его рукой.

— Так, все, поиграли и хватит! — откашлялась я от пыли. И выглянула в щель. Так, вроде бы чердак

потушила! Ну, магия меня спаси!

Я прыгнула на кровать, прижав к себе Фуфлыжника. Кровать спружинила. И я упала на подушку.

Через десять минут я честно попыталась уснуть. Музыка играла на всю мощность. По мне ползал самый неусидчивый дракончик на свете. Только — только я начинала дремать, как начиналось.

— Швырк-швырк-швырк! — чесался на мне Фуфлыжник, пытаясь задней лапой достать до уха. — Швырк-швырк.

— Оу! — скрипела я, переворачиваясь на другой бок. Вроде успокоился! Ну надо же!

Я прикрыла глаза, как по меня стали царапать коготками. Он все никак не мог улечься.

— Ну что еще? — взмолилась я. И посмотрела на сосредоточенного дракончика, который делает гнездо из моих грудей. — Больно! Маме бо... Ай! Ай-я-яй! Спи давай!

«Угу!», — как бы согласился Фуфлыжник. Я снова придремала, пытаясь лечь так, чтобы в дыры не поддувало.

— Да что там? — простонала я, чувствуя, как мне бодают подбородок. — Спи мой малыш, пышь-пышь! Спи мой тиран и узурпатор мамы...Баю-бай!

Фуфлыжник сладко зевнул, а я уже поняла, что не усну. Он храпел, сопел и пинался когтистыми лапами. А еще пукал и ворочался.

Я сдвинулась, освободив ему часть кровати для этих важных дел. И легла на самый край.

В сладком мареве между сном и явью я вспоминала его голос. «Моя маленькая глупая фея...». Каждая деталь, каждый жест сладко переворачивались в душе.

— Я сумасшедшая, — прошептала я, выдыхая. — Я действительно сумасшедшая! Я для него — очередной преступник, которого нужно расколоть. Не более!

Мои губы задрожали.

Мне хотелось смеяться и плакать. Мне было стыдно перед самой собой. Что со мной происходит? Это обычный прием манипуляции! Третий курс вторая четверть!

Я упустила момент, когда он стал моим наваждением. Моей тайной. Моим секретом, который я никому не раскрою никогда. Даже под пытками.

«Терренс», — прошептала я, и испугалась. Имя прошло сквозь каждую клеточку телу волнующим и пугающим ознобом. Я чувствовала его имя почти физически. И это казалось мне странным.

— Все! — разозлилась я на себя. И уткнулась лицом в подушку.

«Думай, как не проспать первую пару!», — тяжело дышала я. — «Нашла о ком думать!».

«О ком? Одну минутку! Сейчас!» — оживились воспоминания. И тут же подкинули мне еще пару красивых и волнующих картинок.

— Ууууу! — ворочалась я. Вся комната пропиталась его запахом. И вот как тут уснешь?

Утром я лениво продрала глаза. Музыка все еще играла. Время было...

Что?

Как?

Я проспала первую пару!

Впервые за столько времени я проспала пару! Должен был сработать магический будильник, но я его не услышала из-за проклятой музыки!

— Мамочки! — подскочила я, мечась по комнате и быстро переодеваясь в доспехи. Наплечник упал на пол. Я попыталась затянуть ремни.

— Всего хорошего, — зевнул сонный Фуфлыжник, оккупируя сразу всю кровать.

— Быстрее! — торопила я себя, вспоминая, где будет пара по боевой магии. С грохотом я вывалилась из комнаты, заперла ее и помчалась к порталу. Урок уже начался. Поэтому в коридорах было подозрительно тихо.

— Хоть бы еще не пришел, — умоляла я невидимую силу. — Хоть бы опоздал, как обычно!

Боевую магию у нас преподавал Росомаха Данунаха. Он преподавал и у Иона «боевую некромантию». Данунаху прозвали так неспроста. «Данунах! Кто тебя бить учил? Этим заклинанием будешь ковер у бабушки выбивать! Данунах! Тебя уже съели, переварили и высрали под тем кустом! Так что иди к своим коричневым друзьям под дерево! И отрабатывай ошибки!».

А раньше это был интеллигентный маг! Вот что боевая магия с людьми творит!

Я открыла дверь в зал для занятий. Все стояли, вытянувшись по струнке. Что? Неужели Данунах уже пришел?

И тут мой взгляд упал на фигуру в белом, стоящую возле окна.

— Кто к нам пришел? Чем обязаны столь раннему визиту? — слышался насмешливый голос.

Не может быть! Мои прогнувшиеся колени встретились. И стукнулись друг об друга. Как два бокала на празднике.

— О, простите, — Инквизитор молниеносно повернулся ко мне. — Извините, что я не подготовился! Такое событие!

Если меня сейчас пошлют на нефритовый жезл, я с удовольствием схожу. Куда угодно, только не...

— Что-то я сегодня даже не нарядный, — вкрадчиво заметил Инквизитор, доверительно улыбаясь. — Праздник такой, а я парадный костюм забыл. Знал бы, что придете, надел бы...

Я сглотнула. Улыбка сползла с его лица.

— Быстро в строй! — рявкнули на меня резко изменившимся голосом.

Я посеменила в строй и спряталась за остальными. «Тук-тук-тук!», — стучала по полу жезл — трость. «Тумс-тумс-тумс!», — билось мое перепуганное сердце об учебную броню.

Я посеменила в строй и спряталась за остальными. «Тук-тук-тук!», — стучала по полу жезл — трость. «Тумс-тумс-тумс!», — билось мое перепуганное сердце об учебную броню.

— Три круга по залу, — скомандовал Инквизитор, глядя на часы. Он достал их с нагрудного кармана и посмотрел на время.

Тяжелым гремящим табуном мы бросились по кругу.

— Уф-уф-уф! — отдувалась я, считая круги.

— Раз! — отсчитал Инквизитор и спокойно отвернулся. Мы пробежали еще четыре круга. Посыпали штукатуркой на головы целителей.

— Все еще раз, — спокойно заметил Инквизитор на десятом круге.

Зубы стучали, ремни давили, впереди меня уже шли прогулочным шагом, беседуя о погоде. Позади меня кашляли и кряхтели, намекая, что погода так себе.

Я тоже снизила скорость. И расслабилась. Девчонки впереди перешептывались:

— Да пошел! Он собирался на свадьбу воскресить всех родственников! А там фамильный склеп битком-набит! Нафига мне на свадьбе зомби? А он мне знаешь что? Они много не съедят! Не переживай! Человека три -четыре!

— Вот слизняк! — ужаснулась вторая.

Я чувствовала, что ремень на правом сапоге ослаб.

Позади меня среди парней шло подведение итогов конкурса «Самая красивая попа в группе!». Пока что я занимала шестое место. Но стоило наклониться, чтобы поправить ремни, как тут же поднялась до третьего призового.

— А почему мы ходим? — вежливо поинтересовался Инквизитор.

— Мы устали, — слышались нудящие голоса.

— Так вот, на чем я остановилась? — рассказывала Армелия впереди меня. — Он мне сказал, что после свадьбы, мы будем жить с его родственниками! Я согласилась. А потом выяснила, что родственники уже давно передохли. И жить мы будем в семейном склепе!

— Вот слизняк! — ужаснулась Милена.

— Неужели и впрямь устали, нахухоли? — улыбнулся инквизитор. И я поняла, что ругаться на нас это заразно. Кем мы только ни были! Нахухолями стали впервые!

— Да... — гнусаво и жалобно протянули мы. У меня кололо в боку. Кто-то ныл, что у него болит нога.

— Не переживайте, скоро откроется второе дыхание, — пообещал Инквизитор.

Он направил жезл в центр комнаты. Жезл сверкнул. Все остановились. В черной дымке что-то свирепо рычало. Из дымки выползала тварь. Она была похожа на огромного мощного лысого человека, стоящего на четвереньках. Из массивной челюсти торчал ряд острых зубов. Маленькие свирепые глазенки уже разделили нас на завтрак, обед, ужин и «про запас».

— Грендель! — ахнули мы. Второе дыхание открылось не у всех. Но после открытия зал нужно было проветривать.

— Познакомьтесь. Второе дыхание. Второе дыхание, кушать подано, — ласково произнес Инквизитор, водя рукой над головой чудовища.

И мы побежали! Мы бежали так, как не бежали никогда в своей жизни.

Ладно, я! Я девушка. И имею право опаздывать на свидание. Даже со смертью! Но остальные!

Мы оглядывались только первые десять кругов. Потом оглядываться перестали.

— Достаточно, — слышался спокойный голос.

Мне кажется, что мы по инерции пробежали еще кругов пять. А потом рухнули, как подкошенные.

— Мне кажется, я похудела на три килограмма, — слышался слабый задыхающийся голос за спиной. Мне было лень даже голову поворачивать, чтобы узнать кто это.

Во рту все еще был привкус металла. А в ушах барабанило сердце. Что-то вроде: «Пустите меня обратно! На законное место!».

— Итак, после небольшой разминки, — заметил Инквизитор, глядя на нас сверху вниз.

— Да вы просто над нами издеваетесь! — слышались слабые голоса.

— Это же настоящие пытки! — выкрикнул кто-то, пожелавший остаться неизвестным.

Рядом со мной лежало тело в доспехах. Оно постанывало и шевелило ногами, словно еще бежит. Из-за шлема я так и не опознала, кто это. Шлем у нас носить не обязательно. Так, по желанию.

— Он еще гонится за нами? — слышался задыхающийся голос, многократно усиленный шлемом.

— Да, — вздохнула я. — Почти догнал.

И ноги в железных сапогах стали интенсивней перебирать по полу. Я приложила металлическую перчатку к щеке и закрыла глаза.

— Пи-и-ить! — стонал кто-то сзади. — Пи-и-ить!

— Не Пи-и-ить! А Петунья! Просила же! — возмутился женский голос.

— Пи-и-ить, а у тебя пи-и-ить нету?

У меня до сих пор выпрыгивало сердце. Я переложила металлическую перчатку на другую щеку.

— Встали! — слышался голос. — Быстро!

Мы стали подниматься. У меня почему-то дрожала левая нога.

— Когда у вас была последняя практика? — спросил Инквизитор.

— Недавно... Мы гоблинов зачищали! — слышался охрипший голос за моей спиной. — В Смердящем Лесу.

— Судя по вашей подготовке, — в голосе слышалась сталь. — Вы не «зачищали гоблинов», вы их защищали от вымирания! Видели ли вы в лесу что-нибудь необычное?

— Видели! — радостно сообщил кто-то из заднего ряда. — За мной бежала гоблинша с вот такими ...

грудью. А потом упала, юбка задралась. А там ... ну вы поняли. Короче, мужик!

— А мне попался гоблин с тремя глазами! — наперебой хвастались будущие Инквизиторы. — Ерунда! За мной вообще одноногий бежал!

— Кроме гоблинов в лесу что-то находили? — спросил Инквизитор.

— Болотного тролля! — почти хором выдали студенты.

— Понятно, — Инквизитор отвернулся. Он стоял и смотрел в окно. Мы пытались прийти в себя.

— В круги! Живо! — внезапно повернулся он к нам.

На полу вспыхнули учебные круги. Каждый становился в круг. В магическом круге появлялось чудовище. Из круга мог выйти только студент. Стоило покинуть круг, как чудовище исчезало. А в ведомости появлялась двойка. Называлось все это «Тренажер ближнего боя». А в простонародье «Прощайте ручки, прощайте ножки».

«Как же без боевого мага ножку отобрать у гада?», — вздохнула я, шагая в круг. Обычно разнообразие так себе. Гоблины, тролли и мелкие демоны.

Круг вспыхнул и передо мной появился... вампир!

— Мамочки!!! — взвизгнул кто-то. Я обернулась, видя, как пытаются выскочить из кругов студенты. Но на этот раз круги не пускали.

«Заклинание огня!», — осенило меня, глядя на безобразную клыкастую рожу. Инквизитор хочет проверить, соврала я ему или нет!

Глава девятая. В которой любовь не знает слова «нет»!

Вампир выглядел нездорово. Как и любой вампир. Он был древним, дряхлым и, разумеется, очень голодным. Пока что я пятилась к грани круга.

Вампир посмотрел вверх. Это был первый мужчина, который был благодарен за то, что ему послали меня.

Он все еще не верил в свое счастье. И расправлял кожистые крылья.

Из груди вампира торчал старый дряхлый кол. Откуда-то справа. Я поняла, что это — очень везучий вампир. Которому удалось попасть в лапы тому, кто путает право и лево.

Ветхая одежда была изодрана и почти истлела. Сквозь рванину виднелась грудь в шрамах. Бледная кривая нога. И кое-что еще. Чем вампир уже не пользуется в силу возраста и отсутствия кровообращения.

Вампир бросился на меня стремительно. Я успела улизнуть, глядя на противника со спины.

Глядя на израненную спину в лохмотьях, стало понятно, почему он такой злой.

В его жизни был сложный период. Когда он, не смотря на ветхую мужественность, вынужден был спастись позорным бегством. И кол, торчащий между дряблых ягодич, стал ему вечным напоминанием об этом трагическом дне.

Ситуация становилась критичной! Вампир бросился на меня и с грохотом повалил на пол. Желтые клыки пытались укусить меня за ухо. Я барахталась на полу, отчаянно сопротивляясь.

— Ладно, — прошептала я, брыкаясь и пытаюсь скинуть с себя нежить. Пока что вампир грыз мою железную перчатку. И капал слюной мне на лицо.

Я сопела за двоих, понимая, что силы у меня на исходе. И если не заклинание огня, то я — труп! А мне нельзя умирать! У меня Фуфлыжник!

— На! — лягнула я вампира. В моих пальцах загорелось пламя. Он разрасталось, обдавая меня жаром.

Вампир задергался и... рассыпался в прах.

— Уф! — села я, сплевывая волосы.

В тишине послышались хлопки.

— Я вижу, что ночные занятия пошли вам на пользу. Надо же, еще вчера вы не могли осилить простейшее заклинание. А сегодня показываете высшую магию огня, — задумчиво произнес Инквизитор. — Урок окончен!

— Случайно получилось, — пожала плечами я, сдувая с себя остатки нежити.

Он не сказал больше ничего. И просто развернулся и вышел.

Я поползла к своему шкафчику, где хранились старые поножи и перчатки. Там же валялся мой шлем.

— Мммм! — стонала я, доставая красивую бутылку с зельем восстановления.

Жадными глотками я допила все до последней капли. Мелкие царапины на руках затягивались. Ссадина на щеке от вампирских когтей превратилась в тонкую ниточку. А потом и вовсе исчезла.

С синяками дело обстояло сложнее. Зелье просто снижало болевые ощущения от «мля!!!» до «блин!».

Вытерев лицо заклинанием, я поплелась в свою комнату.

В коридоре неподалеку слышался возмущенный голос ректора:

— ... поставьте себя на мое место! Да, мы облегчили программу по боевой магии до гоблинов! Потому что я несу ответственность за жизнь и здоровье каждого студента! Зато у нас лучшая теоретическая подготовка среди других Ака....

Я ускорила, бросаясь к portalу. Через три минуты я вошла в комнату, сдирая доспехи.

В комнате гремела музыка. На кровати полыхал огонь. На спинке кровати сидело чудо в перьях.

Фуфлыжник философски смотрел на то, как догорает одеяло и подушка. От правого тапка осталась одна подошва. Угол шкафа чернел горелой древесиной. На полу растеклась лужа джема, оставшаяся с завтрака.

«Ну как, мам?», — как бы спрашивал Фуфлыжник, довольный собой невероятно. — «Я все уронил! Все сжег! Я — молодец!».

Мне стало понятно. Где бы ни жил дракончик, он все умудрится превратить в свою пещеру! А еще дракон — это символ тепла и уюта в доме. С этим не поспоришь!

«Мама, а ты что? Не рада?», — на меня посмотрели жалобно-жалобно.

Жизнь знала парочку мест, куда я бы могла сходить со своим мнением.

Дракончик напоминал облезлого голубя. Липкое варенье и перья из подушки знали свое дело!

Я листала книгу «Уход за редкими животными. Автор Я. Однорукий и В. Одноглазый». Книга посвящалась Дж. Дж. Бинксу, который погиб, купая грифона.

«Универсальные советы по купанию мантикоры, грифона и всего, что обладает зубами и острыми когтями. Наденьте доспехи и шлем! В тот момент, когда когти будут дырять нору в вас, вы вспомните мой совет. Подготовьте все необходимое. Два тазика. С чистой водой и мыльной водой. Так же необходимо подготовить завещание. Напишите прощальные письма всем родственникам. И постарайтесь уладить все земные дела.

После того, как вы все подготовили, осторожно возьмите тварь на руки. Ритмично поглаживая, отнесите ее в ванную. Помните, счет пойдет на секунды. Возможно, это ваш последний бой. Так что умрите достойно!

Бросьте тварь в мыльную воду. А сверху полейте шампунем. У вас будет три секунды, чтобы намылить его полностью. Это состояние первичного шока. Но оно скоро пройдет.

Спустя три секунды выхватите его из одного тазика и бросьте в другой. Сверху полейте водой. Должен сработать эффект внезапности.

А теперь бегите! Меняйте место жительства, документы, внешность!», — прочитала я.

Оптимизм сквозил в каждой строчке.

Подготовка прошла успешно. Родственников у меня не осталось. Поэтому писать прощальные письма было некому.

Грюкая доспехами я двигалась в сторону Фуфлыжника. Главное — не спугнуть.

— Я просто тебя поглажу, — убеждала я фальшивым голосом.

Фуфлыжник быстро заподозрил неладное. Я ловко схватила его, чувствуя, как скребутся когти об доспех.

— Пышь-пышь-пышь! — выдал Фуфлыжник. В забрале шлема был виден кусочек комнаты и ванной, куда я несла дракона.

Стоило мне его опустить в воду, как глаза его стали квадратными. Он попытался выбраться, цепляясь когтями за ванную. Но соскальзывал в пену.

— Тише — тише! Все в порядке, — утешала я, смывая с него пыль, перья и джем.

«Я — тиран, узурпатор, гроза носков и проклятье лифчиков! Я должен наводить страх на округу! А меня тут моют. Под хвостиком!», — смотрели на меня страдальческие глаза.

— Без паники! — уговаривала я, пытаюсь отцепить его от своей руки.

«Я — ужас, бегущий на кривых лапах! Я кошмар всех котлет! А меня купают, а мне трут спину-у-у! И выковыривают из носа сопельку!», — в глазах Фуфлыжника стояло отчаяние.

— Бум-бум-бум! — постучали в двери.

— Ик! — выдал Фуфлыжник, распробовав мыльную пену. Из его пасти вылетел розовый шарик.

— Бум-бум-бум! — снова постучались в дверь.

— Кто там? — спросила я, бросив малыша в ванной. Прижавшись ухом к двери, я услышала знакомый голос.

— Это я, Ион.

Со скоростью звука я вытирала Фуфлыжника. Он кинул разноцветным пузырем, пожирая пену. Из его пасти вылетел ряд красивых пузырей. Вызывай буйный драконий восторг.

— Посиди здесь, — прошептала я, оставляя его в махровом гнезде полотенца.

— Иду-иду! — сквозь музыку прокричала я. Дверь в ванную наглухо закрылась.

Я рванула дверь, видя на пороге Иона. Он вошел без спроса и сел на кровать.

— О, ты заморочилась с прической! — тут же заметил Ион. — Тебе идет!

Краем глаза я посмотрела в зеркало. Зеркало показало на голове спутанное гнездо. Ион смотрел так, словно в это гнездо готов принести яйца любой дятел.

Я убавила музыку. И гостеприимно предложила войти. А сама мысленно махала ему рукой.

— Спасибо, — кисло улыбнулась я, поправив прядь. — Прости, я тут просто прибираюсь...

— Я ненадолго! — улыбнулся Ион. — Просто соскучился.

— Свидание старшекурсников это просто два чародея, которые рассказывают прикольные истории из прошедших учебных годков, — отмахнулась я.

Он вошел, глядя на мой бардак.

— Ты молчишь как-то неприятненько, — заметила я. Мне было почему-то стыдно и неловко.

Поэтому я стояла возле стола и демонстративно перебирала учебники.

— Знаешь... Это неправильно! — заметил Ион, отбросив длинные пепельные волосы за спину.

Перстень с мертвой головой сверкнул на его тонких бледных пальцах. Он одернул черный манжет мантии, а потом улыбнулся.

— Что именно? — спросила я, раскладывая учебники.

— То, что сейчас происходит между нами, — заметил Ион. В его ухе сверкнул бриллиант серьги. — Все как-то неправильно. Отношения так не строятся, Ангелиз...

В голове промелькнуло: «Кто мы? Мужики! Чего мы хотим? Счастья, любви и серьезных отношений! Когда мы это хотим? Когда все уже кончено!».

— А как они строятся? — спросила я, глядя на Иона. — Сначала женщина откладывает кирпичи! А потом мужчина строит из них отношения?

— Ты меня не понимаешь! — заметил Ион, усаживаясь на мою кровать.

Я опустила глаза в книгу про драконов, которую листала для вида. «Драконы — ужасно ревнивы...». Конец света был близок. Некроманты тоже начали ревновать!

— Все как-то неправильно, — с сомнением произнес Ион, рассматривая свои сапоги. — У меня такое чувство, словно ты меня просто избегаешь!

— Не переживай, ты — неизбежное, — с улыбкой заметила я, нервно перебирая учебники по второму кругу.

— Почему ты не носишь мой подарок? — спросил Ион. Я смотрела на него. И видела, что он очень красив, безумно интересен и все такое. Но внутри была холодная пустота.

— Украшение, которое я тебе подарил? — напомнил Ион.

— Эм... — вспомнила я массивную старинную цепь со скелетом. — Просто берегу. Боюсь потерять. Это же подарок!

Мне очень хотелось быть хорошей девочкой. Я смотрела в серые глаза Иона, пытаюсь вызвать внутри себя хоть какие-то чувства. «Сейчас посмотрим!», — потеряла лапки совесть. — «Не переживай! Сейчас отыщем любовь и так далее!».

— Между прочим, оно трофейное. Каждый некромант немного кладоискатель, — заметил Ион, приглашая меня сесть рядом.

Я присела. Внутри меня совесть отчаянно орудовала лопатой. «Тэкс! Мы нашли... жалость! Жалость подойдет? », — крикнула она из огромного котлована.

— И охотник на нечисть, — выдохнула я, присев рядом. «Есть капелька симпатии! Подойдет?», — крикнула совесть, размахивая лопатой.

— Знаешь, — Ион приблизился ко мне. Его волосы прошлись по моему плечу. — Мы с тобой целую вечность вот так не сидели....

«А я не слушала про то, как пришивают третью ногу к зомби, как отбивались от призрака, как порвался мешок, и по пути потерялась голова!», — продолжила я, вспоминая старые посиделки.

Его губы приблизились. Дыханье обожгло меня, накрывая мои губы поцелуем.

Я ждала бабочек в животе. Но внутри меня уныло сидела жирная облезлая моль. «Ну, долго еще?», — спрашивала моль, зевая.

«А вы кто?», — спрашивала я, чувствуя, как по моим губам ползают чужие губы.

«Я — твои бабочки в животе! В полном составе! На меня посмотри! Так что полнота состава не обсуждается!», — прокашлялась упитанная моль.

«Понятно!», — вздохнула я.

«Ну, ты говори, когда я порхать должна! Когда он дослюнявит нижнюю губу и перейдет к верхней? Или когда попытается языком завязать наши слюнные железы на узелок?» — уточнила моль.

«Если честно, я не знаю!», — удивилась я.

«Ну ладно!», — зевнула моль. — «Ты присаживайся! Не стой! Это у нас надолго!».

Я чувствовала поцелуй. Но не чувствовала абсолютно ничего.

«Скукота-а-а! Может, в сыграем во что-нибудь? Смотри, как парнишка разошелся!», — предложила моль.

Она подперла голову лапкой.

— «Мне кажется, он сейчас съест наше лицо! Эй, дружочек! Ты там не сильно усердствуй! Высосанный глаз — не украшает девушку!», — крикнула моль, поглядывая на часы.

Я сидела рядом с молью в темноте. И терпеливо ждала, когда поцелуй закончится.

«Давай уже! Вторую губу целуй! А то на той мозоль будет! К следующей переходите, уважаемый! К следующей!», — депрессивным голосом подбадривала моль. — «Да есть там все зубы! Нет, пломб нет! Нижний ряд проверь! Ну наконец-то! Фух! Отмучились!».

— Я очень скучал по тебе, — прошептал Ион, нависая надо мной.

Я открыла глаза и как бы улыбнулась. Ион что-то говорил, но я его почти не слышала.

В темноте закрытых глаз я видела призрак в белом. В темноте дрожащие руки держали меня за плечи. И требовали то, что я готова была отдать сама...

Я помню, как умирала в чужих руках, упиваясь поцелуем. Как прогибались колени, как я умоляюще смотрел на губы, которые только что сделали меня самой счастливой...

«Моя маленькая бессердечная фея!», — шептали губы, склоняясь над моими.

Но это был не его шепот. Это был шепот зимы и темного города, шепот счастья и мрака. Внутри меня разгоралось пламя. Оно медленно убивало меня, заставляя сгорать заживо в чужих объятиях.

Призрачный поцелуй заставлял забыть о том, кто передо мной. И для чего он пришел в Академию.

Я, задыхаясь, целовала эти чужие губы. А губы шептали мне то, чего никогда не говорил ни один мужчина. Они шептали мне страшные и волнующие пророчества, которые сбудутся, как только моя одежда коснется пола...

Может быть, если бы я прислушивалась к словам, из которых был соткан его поцелуй, они имели бы смысл... Но в тот момент даже тишина наполнялась смыслом.

— Иди ко мне! — слышался голос Иона.

«Что? Опять? Сгинь! Сгинь исследователь кариозных глубин!», — ужаснулась старуха — моль. — «Сгинь слюнявых дел мастер! Сгинь Проклятье Ротовой Полости!».

— Тебе пора, — вздохнула я, чувствуя огромную вину и невероятное облегчение.

Чтобы со мной не происходило, мне это ой как не нравится! Пусть раньше бабочки толпами и не порхали в животе, но мне было немного приятно во время поцелуя.

«В каждом мужике живет вампир! Недаром одна съеденная головка чеснока спасает от засоса!», — заметила моль голосом одной преподавательницы. Которая ушла в декрет, когда мы учились на втором курсе.

— Я не хочу ждать выпускного, — слышался шепот Иона.

«Поздравляю!», — ободрила невесть откуда взявшаяся моль. — «Он не хочет ждать! А мы-то тут причем?».

— Но мы же договаривались, — прошептала я, мысленно закрывая за Ионом дверь.

— А смысл? Немного раньше, немного позже? — заметил Ион, обнимая меня и укладывая на подушку.

— Прекрати, — дернулась я, сощурив глаза. — Раз договаривались на выпускном, значит, на выпускн...

Меня страстно поцеловали, пока я пыталась оттолкнуть его.

— Прекрати!!! — в моих пальцах вспыхнуло заклинание.

— Я тоже так могу, — заметил Ион. В его пальцах тоже вспыхнуло заклинание. И он рассмеялся. — Бросай! Или мы продолжим!

— Ион!!! — дернулась я, садясь и ударяясь лбами. — Прости... Я хотела все не так... Красивое платье, красивый вечер... Ну ты понял... А не посреди бардака...

— Понятно, — рассмеялся Ион, прижав меня к себе. — Придется подождать. А я так надеялся.

Внутри меня что-то потеплело.

— Ладно, тебе пора, — прошептала я, тревожно глядя на дверь ванной.

У самой двери я встала на цыпочки и сама поцеловала его. «Пожалуйста! Ну хоть шевельнись внутри что-нибудь! Ну пожалуйста!», — умоляла я темноту.

— До завтра, — слышался голос Иона. Он открыл дверь.

— До завтра, — грустным эхом повторила я.

В коридоре неподалеку от комнат стоял его отец, размахивая руками и что-то объясняя. А рядом с ним стоял Инквизитор, глядя на ректора очень внимательно.

— ... тут не было стены... Основной удар, конечно же, пришелся на башни! — донесся до меня голос ректора. — Я хотел бы с вами посоветоваться, как со специалистом. На случай еще одного нападения. Мы, конечно, укрепили стены жилых помещений заклинаниями, но, кажется, этого недостаточно...

— Здравствуй, папа, — усмехнулся Ион, обняв меня на прощание.

Ректор удивился, а потом бросил на нас странный взгляд.

— Молодой человек! Вы время видели? Марш из женского корпуса! Молодежь! — вздохнул он, не глядя на собеседника. — Так вот, я про усиление защиты... Наши заклинания оказались бессильны против дракона!

Ион обнимал меня, а я смотрела через его плечо. В тот момент, когда Ион склонился, чтобы поцеловать меня, глаза Инквизитора на мгновение сузились.

— Так вы хотите, чтобы инквизиция помогла вам укрепить Академию, — он почему-то повернулся к ректору.

И улыбнулся, принимая живое участие в разговоре. В полумраке коридора сверкнул драгоценный

камень его жезла.

— Пока, — прошептала я, едва ли не выпихивая Иона. Дверь закрылась сразу на три заклинания. Я сползла по ней, приводя себя в чувство. Что это только что было?

— Фуфлыжник! — прошептала я, бросаясь к двери в ванную. — Прости малыш...

Я открыла дверь, готовясь поймать его на руки.

— Так, хватит прятаться, — заметила я, заглядывая за унитаз. — Ты молодец, что прячешься. Но можешь выходить! Все в порядке!

На полу лежало гнездо полотенца. И свежий привет чистой попы.

— Фуфлыжник! — прошептала я, чувствуя, как мои руки трясутся. — Выходи! Иди сюда, малыш!

Дверь в ванную была закрыта, но дракона в ванной не было! В панике я металась по всем углам, пытаюсь найти малыша.

— О, нет! — процедила я, закрыв рот руками. — Малыш!

Глава десятая. В которой мне больно садиться!

В стене была огромная дыра, замаскированная чахлой иллюзией. Видимо, кто-то решил, что «и так сойдет!». И за это однажды сойдет в ад!

Я встала на четвереньки. Разочарованию не было предела. Дракон туда помещался. А я — нет!

— Фуфлыжник! — крикнула я, в надежде, что кто-то отзовется. Но тишина в ответ намекнула. Жить малышу осталось до утра. Пока кто-то не проснется, как в дешевом романе. И не обнаружит у себя в кровати дракона!

Сидеть сложа руки было нельзя! Поэтому я нарезала круги по комнате, грызя ноготь. Взаимосвязь между ногтем и поисками дракона пока не установил ни один ученый. Но у магической науки все впереди.

Схватив со стола учебник, я бросилась листать его. Дрожащие руки рвали ветхие страницы, заминали уголки.

— Как найти дракона, — выдохнула я, внимательно читая. — Средневековые легенды советуют найти воинственного идиота с мечом. Он точно знает, где живет дракон. И в ближайшее время туда направится. Ваша задача следовать за ним. Воинственные идиоты с мечом определяют местонахождение дракона с точностью до метра.

У меня было много знакомых воинственных идиотов. Но обращаться к ним за помощью я бы не стала!

— Способ второй. Средневековый. Для магов. Доведите крестьян до белого каления. И тогда они сами отведут вас к дракону. А потом захоронят ваши останки, — прочитала я, дергаясь еще сильнее.

Малыш может быть где угодно! Вот почему ему не сиделось в гнездышке? Что это за тяга к опасным приключениям!

— Ты меня пугаешь, — прошептала я, читая третий ритуал.

Но книга обещала не только напугать, но и огорчить.

— Способ третий. Запрещенная черная магия. Вам понадобится нечто драконье. Подойдет любая чешуя, слюна, клык, кость и так далее.... Сотворите заклинание. Призвать дракона оно не сможет. Но укажет на всех драконов в окрестностях! Положите «частичку дракона в центр круга... Возьмите план местности, и увидите где есть что-то похожее. Чем крупнее точка, тем больше вероятность! Помните, использование черной магии — преступление. Данный ритуал дан исключительно в ознакомительно-образовательных целях! Я повторяю! Для ознакомительных целей. Почитал, посмотрел и перелистнул страницу!» — прочитала я, рассматривая круг.

Я отряхнула руки от мела, глядя на круг на полу.

— Потом меня съешь, — огрызнулась я совести. Совесть распинаясь: «Как же так! Инквизитор! И черной магией! Фу! Какой кошмар!».

— А теперь самое ... фу! — заметила я, соскребая «нечто драконье» с пола под кроватью.

— Шмяк! — издал драконий продуктивный «пук». Он шлепнулся в центр круга. На полу лежала старинная карта Академии, которую выдают на первом курсе.

Под потолок взмыл столп синего света. В комнате все тут же стало мистически-мрачным. Свет рассеялся зловещими светлячками. В зеркале отражалось мое лицо, похожее на «мечту некроманта». Светлячки слетелись к карте и осели светящимися точками

— У нас тут что? Академия Драконов? — обалдела я, уставившись в карту. А потом посмотрела на круг и «удачный драконий пук». И осознала, какие нехорошие люди меня окружают.

— Так, — рылась я в старом сундуке. Оттуда выпала мантия «Меч Ночи». Ее нам выдавали на четвертом курсе. Для ночных операций и выслеживания. На моей мантии была дырка. Чудовище выследило меня раньше, чем я его.

— Есть! — выдохнула я, натягивая левый кожаный сапог. Предстоял еще правый. Это были не обычные сапоги, а беззвучные.

На груди застегнулась броня.

Перед зеркалом стояло существо нераспознаваемого пола с головой невыспавшейся девушки. Я

надела капюшон и превратилась в ужас, следящий за тобой под покровом ночи.

К бедру я пристегнула меч. Использовать магию ни в коем случае нельзя! По магическому следу легко можно вычислить мага. Точно так же инквизиция берет отпечатки магии у каждого преступника. Уникальный магический почерк невозможно изменить.

— Ну я тебе задам, — процедила я, бесшумно покидая комнату. Карта лежала в кармане плаща.

В коридоре было темно. Ректор снова включил режим экономии магических сил.

— Так, — прошептала я, глядя на точки, которые не шевелятся. Это могло быть все что угодно! От заколки из кости дракона до бронелифчика из чешуи!

Я кралась к portalу, а потом вспомнила! Он считывает всех, кто в него заходит и выходит! Минув портал, я скользнула к лестнице и уселась на перила. Лихо скатившись вниз, я едва не зацепилась мечом.

— А вот это уже интересно, — прошептала я, прячась в темноте. Карта горела жирной точкой.

Я мысленно представила, где это. И подумала о том, что кто-то хорошо отъелся на носках и трусиках, раз добежал в такую даль. Хотя нет, точка неподвижна. Значит, это просто какой-нибудь артефакт из родственника Фуфлыжника.

Портреты сумрачными лицами смотрели на меня из темноты. Статуи отбрасывали жуткие тени. Я повернула за угол. Нехорошее предчувствие подготовило нож и вилку.

Теперь я знаю, каким конкретным местом выделяется адреналин. Одна точка на карте перемещалась. И я бросилась на этаж ниже.

— Фуфлыжник? — шепотом удивилась я.

Маленькая проворная зараза заметила меня. И посмотрела задумчиво. — А ну быстро иди сюда!

Фуфлыжник сделал вид, что меня слабо знает. И нырнул в приоткрытую дверь чужой комнаты, откуда раздавались яростные стоны.

Мне очень хотелось, чтобы эти стоны были вызваны совместными занятиями магией. Но что-то мне подсказывало, что вряд ли!

Я скользнула вслед за Фуфлыжником, видя, как на кровати развлекается парочка. Сначала они потеряли бдительность. А сейчас кто-то теряет девственность!

— Иди сюда, — беззвучно процедила я, плашмя пробираясь за драконом по ковру.

Фуфлыжник, увидев чужие трусы, очень обрадовался. Еще бы! Дома целых не осталось, а тут сказка!

Я схватила его, стараясь не поднимать головы.

— О, а давай я буду зомби! И ты меня воскресишь! — слышался голос девушки.

На всякий случай я подняла голову. Нет, не Ион. Я тут же опустила голову, пытаюсь схватить дракона. Но тот был ловок и проворен.

— О, а давай я буду невинной жертвой, а ты злым вампиром? — предлагала девушка.

— Плюнь, — процедила я, пытаюсь ухватить чужое белье, которое исчезало под кроватью.

— О, а давай ты будешь страшным гулем, а я как бы упала в твою могилу! — не унималась девушка под скрипы кровати.

Я схватила Фуфлыжника. Мы были почти в коридоре. Я выхватила у него трусы и швырнула обратно в комнату.

— Слушай, мне проще самому отполировать лопату, — обломал весь кайф молодой и горячий парень.

Запахло грустью, осенью и расставанием.

Фуфлыжник расправил крылья, как голубь. И стал бить ими на манер петуха. Чтобы не сломать ему крылья, пришлось ослабить хватку.

— Ты куда! — прошептала я, мчась за ним.

Как вы думаете? Кто быстрее бежит? Добрый дракон, который дремал весь день? Или я, не выспавшаяся и злая? Это был тот самый случай, когда притворное и любопытное добро победил уставшее зло.

Мы вылетели на лестницу.

— Не упади! — почти в голос прошептала я. Но предупреждения оказались запоздавшими. Пока я слетала вниз по лестнице, Фуфлыжник уже исчезал за углом.

Коридор показался мне очень знакомым. Фуфлыжника нигде не было видно. Я достала карту и...

— Я догадывалась, что вы не очень хороший человек, — простонала я, понимая, что это — лучшие гостевые покои Академии. И приоткрытая дверь намекала, что сейчас там кто-то живет. А при мысли, кто гостит в Академии, я поняла. Жить мне осталось от силы минуты две. А малышу и того меньше!

Почему не в кабинет к ректору? Почему не в столовую к любимым котлеткам? Почему не в женскую раздевалку? Весь мир открыт перед тобой, мой маленький чешуйчатый друг!

Я просочилась в дверь, глядя на роскошь и темноту. Дыхание сперло от ужаса. Заклинание сработало, освещая письменный стол, дорогой ковер и ... какающего Фуфлыжника.

Фуфлыжник всегда был эстетом. Скажу даже больше. Стоит бросить на пол две вещи — он выберет самую дорогую. Коробочка с рваными бумагами и специальным заклинанием? О, нет! Что вы! Только центр комнаты! Только под бурные аплодисменты!

Спрятавшись в ворсе ковра, словно в густой траве, Фуфлыжник минировал подходы к столу.

Я ползла по ковру, пытаясь поймать его на горячем. «А вот и нифига! Мир прекрасен и огромен! И однажды я буду какать прекрасными принцессами и рыцарями! Иногда шустрými инквизиторами! Дайте мне только вырасти и возмужать!», — намекал дракончик. Он ловко полез на диван, а потом вспорхнул на стол. Красивая ваза покачнулась и... Я не успела ее поймать заклинанием.

— Неожиданный поворот событий! — послышался спокойный голос за спиной. Этот голос мурашками пробежал по телу.

— Извините, но чай вряд ли предложу... — донеслось до меня, когда я схватила Фуфлыжника и обнажила меч.

Молниеносно повернувшись, я едва не дрогнула. Точнее, дрогнула, но не вся. От накатившей слабости у меня прогнулись колени.

Инквизитор стоял между мной и дверью. Белый сюртук небрежно был накинута на голый торс. На нем были штаны и сапоги. Выглядел он слегка взъерошено. На шее сверкнула тугая связка золотых цепей с украшениями. Цепь перепуталась настолько, что десяток украшений стало одним.

Сюртук визуально обманывал зрителей. Инквизитор казался намного массивней, чем на первый взгляд.

Мой взгляд скользнул по красивому телу. Губы пересохли. Сердце сладко екнуло. Кровь волнительным теплом разлилась по телу

— Но могу предложить что-то покрепче, — негромко с вежливой с улыбкой вздохнул Инквизитор.

Он улыбался, не сводя с меня взгляда.

Это было похоже на ужасный сон. Дрожащая рука прятала под плащом дракона. Я покрепче схватилась за рукоять. Нужно прорываться к выходу.

— Так что предпочитаете? — с улыбкой спросил Инквизитор, явно наслаждаясь ситуацией.

А вот мне было не до смеха! Я молчала. Если я скажу хоть слово, то меня тут же опознают. Поэтому я стиснула зубы.

— Я вас чем-то обидел? — поинтересовался Инквизитор, глядя на меня с чудовищной улыбкой. — Бросьте! Я еще вас не обижал. Поверьте, когда обижу, то вы сразу поймете.

Правая коленка дрожала. Фуфлыжник скребся когтями по доспеху. В горле пересохло.

Эта игривая вежливость наводила ужас куда больший, чем все драконы мира вместе взятые! Ситуация его явно забавляла. В каждой его черточке сквозило волнительное обаяние. Он прекрасно знал, кто хозяин положения. И нагло им пользовался.

— Вы знаете, — обаятельно заметил Инквизитор. — Впервые в моей практике преступник явился сам, принес все улики с собой. А так же предмет преступления. Побольше бы таких сознательных преступников.

Я слышала биение своего сердца и глубокое дыхание. Сейчас или никогда. Нельзя показывать ему свой страх.

Прижав к себе Фуфлыжника, я ударила наотмашь мечом, пытаюсь пробиться к двери. Меч просвистел перед лицом Инквизитора.

— Круг поиска сужается. Дайте-ка угадаю! Боевой маг, некромант или инквизитор! — с вежливой улыбкой заметил Инквизитор.

Он играл со мной. И ничуть не скрывал этого.

Инквизитор потрянул рукой. И в ней появился такой же меч. Лезвие кровожадно сверкнуло. Манжет обнажил массивный золотой браслет.

— Я думаю, что так будет честно, не находите? — улыбнулся Инквизитор.

На его лице появилась та самая волнующая ямочка.

— А то уничтожить вас на месте заклинанием было бы чересчур. Я могу случайно испачкать вами красивый ковер. Или стены. И будет некрасиво, — он сделал вид, что отвлекся. Но краем глаза следил за мной.

Лезвие его меча со скрежетом прошло по полу. Жуткий звук заставил меня похолодеть. Смерть помахала мне из темноты чужих глаз.

Я дернулась вперед и ударила, чтобы тут же отлететь вместе с мечом в стену. Сколько же он весит? Он должен хотя бы покачнуться! Я, между прочим, вложила в удар очень много сил!

«О!», — обрадовалась смерть, когда меня чуть не пригвоздило к стене.

— Вы знаете, что вас ждет? — в голосе Инквизитора слышался какой-то игривый восторг. Не знаю почему, но его это ужасно забавляло. — Вас ждут долгие судебные разбирательства. Долгие, нудные, скучные. Бумаги, протоколы, папки, допросы... Мотивы! Только неделю мы будем слушать о вашем трудном детстве. Про то, как мама не разрешала вам завести котенка. А папа ставил в угол за попытки завести несчастного котенка при помощи вставленного в попу ключа.

Я сделала резкий выпад. Сталь со звоном ударилась о сталь. Рука загудела аж до локтя. По всему телу пошел гул.

— Потом прибегут ваши родственники. И мы будем слушать их. Они будут рассказывать, что вы не такой. Что вы хороший. Просто один раз случайно оступились. Поскользнулись на скользкой дорожке. Упали. И сломали себе жизнь, — заметил Инквизитор.

Он не сводил с меня глаз. Бывают ситуации, когда размер неприятностей больше, чем размер попы. Но жизнь намекает, что их можно обмотать вокруг попы несколько раз!

Я попыталась достать его справа. Но он играючи отбил удар.

Мои удары с каждым разом становились все яростней. Несколько раз меня отбрасывало к стене. Жар приливал к щекам. В ушах слышался гул крови.

— У вас там что? Зелье выкипает? Или свидание назначено? — заметил Инквизитор. Он поднял брови. — Куда вы так торопитесь, не подскажите?

Его голос разливался адреналином по венам. Зубы стучали. Сердце заходило в приступе.

Я просто вляпалась в него, как несчастная муха. И теперь барахтаюсь, не зная, что делать. Страх, ненависть, восхищение и желание все слилось в гремучую смесь.

Меня захлестнула волна злости.

Задышавшись, я отбивала удары, вертясь на месте. Разбитый столик валялся на полу. К нему присоединилась картина.

Я превратилась в одно сплошное стремительное движение, стремящееся размазать по стенкам все, что окружает. Ну и пусть, решила я. Все равно мне недолго осталось — я чувствую. Все само придет. Пускай лучше приходит скорей. Не за чем тянуть.

Бумаги слетели со стола и рассыпались по кабинету. Я пригнулась, прячась под столом от очередного удара.

Хотелось плакать от беспомощности и бессилия. По спине бежал холодный пот. Горло сдавило от недостатка воздуха. Мысли спутались.

— Беру свои слова обратно, — насмешливо заметил Инквизитор.

Пока я пыталась отдышаться. Видимо, напоследок.

Он с улыбкой отбил мой удар возле самого лица.

— В Академии чему-то учат. Итак, поиски еще сужаются. Четвертый курс и выше, — заметил он, ничуть не устав. В отличие от меня. — Видите, как хорошо у нас получается расследовать это дело?

Его высокий силуэт застилал все вокруг. Я видела только сверкающую линию его клинка.

Мой нервный взгляд был прикован к двери. Я дернулась в ее сторону. Но это был обман. На самом деле, я решила нанести удар исподтишка. Не убить, но ранить. И сбежать, воспользовавшись заминкой.

— Неужели уже пора? — брови Инквизитор удивленно поднялись. — Так быстро? Я думал вы еще немного посидите... Лет сорок.

Эти слова отрезвили. И я бросилась к двери, пытаюсь сдержать натиск чужой стали.

— А вы мне нравитесь, — послышался смех. — Если вы — юноша и сможете меня хотя бы ранить, то я закрою дело. И приму вас в Инквизицию. В порядке исключения.

Меня отмело к стене. Я тут же выставила меч перед собой. Рука тряслась. Блик на лезвии прыгал.

— А если вы симпатичная девушка и сможете победить, — со смехом заметил Инквизитор. — То я женюсь. Тоже в порядке исключения.

На секунду я опешила от такого предложения. И покраснела.

Только потом до меня дошло, что эти слова можно расценить как дешевую провокацию.

Не помогло и то, что я была не в лучшем настроении — тело все еще гудело от ударов меча.

Я боялась промахнуться. Но еще сильнее я боялась попасть.

— А если вы еще не определились с полом — определяйтесь скорее, — послышался смех.

Я замешкалась. Инквизитор оказался быстрее — его меч стремительно взлетел и прошел в сантиметре от моего живота.

От страха я втянула живот. Смерть, словно подкралась и нежно посопела мне в ушко. А потом так же бесшумно отступила в темноту: «Ой, простите, фальстарт!».

В отчаянии я попыталась прорваться к двери. И тут произошло что-то невероятное.

Инквизитор встал между мной и дверью. Он демонстративно подставил горло острию моего меча.

Что он делает? Это что еще за фокус?

Моя рука дрожала. Она дрожала так, словно лезвие само выбирает, куда вонзиться.

За кончиком лезвия следили со снисходительной улыбкой. Это кем же нужно быть, чтобы так улыбаться в лицо смерти?

Сладкая ямочка на щеке, полуопущенные на лезвие глаза и улыбка заставили внутри что-то перевернуться. Зубы ритмично стучали. Ушибленное о столик колено нервно дергалось.

— Ах... ха... Ах... — дышала я, сглатывая собственное дыхание. Фуфлыжник притих. Рука занемела.

— Ну же, — заметил Инквизитор. — Считайте, что я безоружен.

Он сделала шаг вперед. Лезвие едва не коснулось его. Я сделала шаг назад.

— Такая возможность, — заметил Инквизитор, снова опустив глаза на лезвие. — Что это с вами такое?

Я попыталась отступить к окну.

— Уже уходите? — Инквизитор удивился. Лезвие касалось его кожи.

«Нам пора! Всего хорошего! До свидания! Большое спасибо!», — мысленно заметила я, стуча зубами.

«Большо-о-ое спасибо!», — чихнул Фуфлыжник.

— Ну что ж, если вы больше ничего не хотите... — продолжал Инквизитор. Он взял лезвие моего меча и провел по своей шее. А потом по груди.

От этого жеста у меня перехватило дыхание.

— Ну же, — его глаза расширились.

Мне показалось, или они странно сверкнули.

Он ломал лезвие моего меча меч, как плитку шоколада. Осколки падали на ковер.

Я сделала еще один шаг назад, споткнулась и упала на спину. Фуфлыжник икнул от испуга. Высокомерная улыбка нависла надо мной.

Я испуганно попыталась отползти. Обломок в руке засветился. «Уничтожение!», — прошептала я. Меч исчез. Вместе с ним все осколки.

— Боитесь, что я опознаю вас по мечу? — вздохнул Инквизитор. — Ах, я забыл, такие мечи привязаны к владельцу. Bravo!

Я оттолкнулась ногами, пытаюсь заползти под стол.

— А теперь будьте так любезны, — в вежливом голосе сочилась издевка. — Давайте сюда вашего дракона!

Чтобы он убил его? Никогда!

Моя рука в перчатке нащупала остывший драконий пук. Он спрятался в высоком ворсе ковра. И ждал своего звездного часа.

Я зачерпнула его с горкой, и бросила его в лицо Инквизитору.

Чав! Не дракон, конечно. Но пусть это будет слабым утешением!

Страшно было не то, что я кинула. А то, что я попала! В лицо!

И конкретно сейчас мне стало очень страшно!

В отчаянии я вскочила на ноги и бросилась к окну. С разбега я разбила его собой. Внизу сверкал на морозе скат обледенелой крыши.

— Ыыыы! — простонала я, поймав попой обжигающее заклинание.

Нога поскользнулась, и меня понесло вниз. Прижав к себе Фуфлыжника, мы летели вниз, срывая черепицу.

— Ды-ды-ды-ды, — трясло меня. А я знала, что крыша рано или поздно кончится!

Сжавшись в комочек, я прикрывала собой малыша. Крыша действительно кончилась. Нас подбросило в воздухе. И мы упали на балкон.

— Жив? — прошептала я, чувствуя, как кружится голова.

— Пуф! — выдал восхищенный Фуфлыжник. И потребовал немедленно повторить! Сто раз! Нет, не сто! Тыщу! Тыщу раз его вполне устроит!

Глава одиннадцатая. В которой я устаиваю пенную вечеринку для Инквизитора и признаюсь в самом страшном!

Перед глазамиплыли маленькие дракончики. О, нет! С таким количеством я не справлюсь! У меня здоровья не хватит!

— Ох, — выдала я, чувствуя, как свист ветра в ушах проходит.

Где-то наверху слышался ужасный грохот. Словно кто-то крушит стены.

— Ай-я-яй! — приложила я снег к попе. На моем лице отразился, если ни тот мифический оргазм, о котором хихикают девушки в туалетах и задних партах. То облегчение, точно!

— Пойдем, — выдохнула я. И мысленно поблагодарила магов за «непонятную погоду». Над этой башней шел снег. Во дворе Академии цвели цветы. А над дальней башней зависло грозовое облако. И шуршало дождем.

— Ой! Охой! — хромала я в комнату.

«Что? Все? Так мало?», — жалобно смотрел на меня Фуфлыжник. — «Мама! А почему так мало?».

Мама понимала, что сейчас может быть обыск. Поэтому ползла в комнату. Дверь закрылась, а я сползла по двери.

— Оу! — приземлилась я на больную попу, спустив дракончика с рук. Тот прямой наводкой бросился в ванную.

— Стоять! — дернулась я, бросаясь за ним.

Мне удалось поймать его за хвост прямо в тот момент, когда передняя часть исчезла в тайном лазе.

— Кто так делает? — строго произнесла я, легонько шлепая его по тому месту, которым он думает. — Сейчас тапок придет! Большой тапок! Огромный!

На меня смотрели самые жалобные глаза на свете. В них был животный ужас. Не надо тапка! Тапок — это ужас, свистящий возле моей попы! Мапочка, ты же понимаешь, что тапок — это будущие детские комплексы. А зачем тебе огромный дракон с детскими комплексами? Вот разрушу мир, а потом всем скажу, что мама меня тапкой воспитывала!

Я спустила его на пол. И села наскоро заделывать дырку заклинанием. Закрывать ее полностью я не стала. Это был шанс для малыша спастись. Я постараюсь их задержать, а его сгружу туда.

— Бух-бух! — донеслось в коридоре. «Что такое?», — спрашивали сонные голоса. «Бух-бух!», — по коридору раздавался топот многочисленных шагов. «Открыть дверь!», — слышались голоса. «Обыск!».

Мои глаза расширились. Я тут же сделала пирамидку из стульев, прикрыла Фуфлыжника заклинанием, сковала путами и заправила на чердак.

— Бух-бух! — раздалось в мою дверь. — Быстро открыть! Обыск!

Раздеться я не успевала! И не успевала спрятать улики. Что же делать? Счет идет на секунды!

Я металась по ванной, а потом бросила взгляд на пузырек с супер-пенной. Который купила летом. И еще ни разу не использовала.

— Одну минутку! — ответила я, набирая воду. — Просто я в ванной!

«Одну каплю», — прочитала я, хлюпая одну каплю.

— Быстро! — за дверью послышался приказ. Всполошилась вся Академия. В коридоре слышалось, как ректор отчитывает: «... приличная девушка! Почему в комнате молодой человек? Что значит, поженитесь после диплома?».

— Ой! — в ванную ляпнуло сразу половину пузырька. Пена стала подниматься над ванной. Я, не раздеваясь, нырнула в нее. На поверхности осталась моя голова с мокрыми волосами.

— Войдите! — ответила я, делая вид, что наслаждаюсь пеной. И мне глубоко фиолетово на драконов, расследование и ...

Заклинания открыли дверь.

— Все хорошо! Не повода для паники! Сейчас мы проверим ваши комнаты! Маленькая проверочка!
— успокаивал всех ректор. Он зевал. Но держался.

— Здесь чисто! — слышался голос совсем близко. — Вы уверены, что это кто-то из инквизиторов, боевых магов или некромантов?

— А у кого еще в качестве профильного предмета стоит битва на мечях? — слышался знакомый голос.

— Чтoб в моей Академии! — сокрушался ректор. — Ваша Милость, вы точно уверены? Это была не иллюзия? Точно? Ай-я-яй! Не может быть, чтобы кто-то из учеников...

— Драконы в Академии просто так не появляются, — вежливо заметил Инквизитор. Он был уже у меня в комнате. И через секунду открыл дверь в ванную.

— Вы знаете, как появился маленький дракон? — спросил он с порога. На его лице была маска жестокого безразличия.

Я не дрогнула. Только через мгновение до меня дошло, что он спросил.

Инквизитор повернулся на месте. Он посмотрел на полотенце. Потом оббежал цепким взглядом стены.

— Еще раз спрашиваю.

Голос Инквизитора был сух и напоминал канцелярский нож. Он был не в духах. И не в духе.

— Как появился маленький дракон?

— Принцесса неудачно наклонилась возле странной пещеры? — робко спросила я, стараясь не шевелиться. И изобразить смущение. Я тут значит моюсь, а ко мне целая делегация!

Нас учили, что можно застать преступника врасплох вопросом. Не думала, что мне пригодятся эти знания.

Внезапно лицо Инквизитора преобразилось. Он улыбнулся. Штрих ямочки заставил сердце заколотиться как сумасшедшее. Красивые брови разошлись с переносицы. И жесткая черта между разгладилась. И смущение появилось само собой.

— Bravo, — заметил он, похлопав по груди ректора набалдашником трости. — В ней что-то есть. Она не так безнадежна, как остальные. Я хочу взять эту девочку.

— Статья пятьсот шестая подпункт бэ Магического уголовного кодекса: «Изнасилование», — робко напомнила я, чувствуя, что пены становится все больше и больше.

— Не понимаю, — подал голос ректор. — Мисс Дэй вызывает у вас какие-то подозрения?

— У меня вызывают подозрение абсолютно все, — снисходительно заметил Инквизитор, поигрывая жезлом. — И вы в том числе, господин ректор.

Пена уже дошла до мочек ушей. И мне приходилось ее сплевывать.

— Мне нужно кое-что проверить, — заметил Инквизитор. — Встаньте! Будьте так любезны, мисс Дэй.

Он произнес «мисс Дэй» таким голосом, словно повесил на меня три левых трупа, десяток грабежей и одно изнасилование. Горного тролля. Прямо в его пещере.

— Что вы хотите там увидеть? — ужаснулась я, погружаясь еще глубже. В последний раз меня голой видела мама, пока купала!

— Сказку, волшебство и радугу! — заметил Инквизитор. И рассмеялся, не разжимая губ. — Что еще я там могу увидеть? Разрешаю прикрыть руками свое волшебство.

— Это возмутительно! — вмешался ректор. Он был настроен решительно. И сурово. — Даже для Инквизиции!

— Значит, я опущу руку в воду и проверю, — спросил Инквизитор. Он смотрел на огромный кристалл своего жезла. — С вашего позволения.

Я смотрела на него взглядом: «Вот так лишаются девственности! Засунул руку, проверил и все!».

— Не пуцуй! — встал крабиком старенький ректор в дверях. — Если вы в чем-то обвиняете Ангелизу,

то говорите! Пока она ученица, она находится под защитой Академии! Любой студент до получения диплома находится под защитой Академии! Это прописано у нас в Уставе! И сейчас вы нарушаете права студентки! Требую прекратить!

— Вот как бы не оскорбить вас, — задумчиво заметил Инквизитор, глядя на потолок. Он поджал губы.

— В Академии действуют свои законы! И совращать студенток я не позволю! Пусть она одевается, выходит, и тогда поговорим! Мы подождем в комнате! — строго произнес ректор.

Инквизитор медленно обвел ванную взглядом. Потом прищурился и вышел в комнату.

— Это возмутительно! Я буду жаловаться! — кипятился ректор.

— Можете смело жаловаться мне на меня, — отозвался голос Инквизитора. — Так и быть, вынесу себе выговор перед зеркалом.

Дверь захлопнулась. Мне просто несказанно повезло! А то я уже мысленно собирала себя в газетку и читала в газете грустную статью. Если меня все-таки поймают и будут судить, то требую, чтобы в газетах публиковали мое фото только с макияжем!

Я осторожно высунулась. В комнате никого не было. Только я обмоталась простыней и собралась карабкаться за Фуфлыжником, в дверь снова постучали.

— Кто там? — скрипнув зубами спросила я. Стулья вернулись на место. Один из них для верности я прижала попой. Ой-е-е-ей! Как же больно! Нет, лучше постою!

— Нет, ну это — возмутительно! — послышался голос ректора. — Откройте, мисс Дэй! Ничего, я найду на него управу!

Я открыла дверь. На пороге стоял ректор. Он был вне себя от злости. И постоянно мусолил бороду.

— Мисс Дэй, я бы хотел с вами поговорить, — произнес ректор, присаживаясь со скрипом на стул. — Садитесь, пожалуйста! Я ненадолго. Постараюсь быть очень краток!

Когда ректор говорит, что «не займет много времени!», «будет краток!» и «коротенькое объявление!» нужно готовить подушку, одеяло и календарь.

— Ой, я на уроках насиделась, — улыбнулась я, мысленно дуя на попу.

— Я понимаю, как это сложно. Драконы, инквизиция, — вздохнул ректор. — Перед тем, как я перейду к сути, позвольте небольшое вступление.

— Конечно — конечно! — согласилась я, представляя, что скоро мне придется это слушать часами. Бррр!

— ... мы трепетно относимся к каждому студенту... — продолжил ректор. Он сплел узловатые пальцы на коленях. — ... И всячески способствуем развитию лучших качеств.

— Угу! — кивнула я, понимая, что лучше бы присела.

— .... что студенту или преподавателю грозит очень серьезное наказание, — продолжил ректор, глядя на мой беспорядок. — Вы очень ответственная. И эти качества высоко ценятся Академией, наряду с хорошей успеваемостью....

Мне едва удалось не клянуть носом. Каждый раз, когда ректор начинает говорить, я начинаю засыпать. Мой взгляд упал на часы два часа ночи.

— ... Академия потеряет репутацию... — выхватила я слова ректора. И кивнула. На часах было десять минут третьего.

Бзззз! — звенела в голове беспокойная муха. Я подавила зевок. И снова кивнула. На всякий случай.

— ... студенты находятся под защитой Академии. Не хотелось бы, чтобы из-за одного пострадали все... — продолжал ректор. Он развел руки, чтобы показать, как очевидна его истина.

Я удачно моргнула. На часах было двадцать минут третьего.

— ... если брать историю Академии, то мы увидим десятки примеров... — рассказывал ректор монотонным голосом.

— Угу, — кивнула я, чувствуя, что засыпаю.

— ... и ведь основатели Академии верили в это... — ректор поднял палец вверх, чтобы подчеркнуть важность момента.

На часах было без двадцати три. Если «краткий» разговор продлится и дальше, я пойду сдаваться Инквизиции. Я проглотила душераздирающий зев. И закивала активней. Чтобы показать, как мне дороги основатели Академии и все-все-все...

— ... нашим ключевым правилом! — ректор кивнул в такт своим словам. — ... если правила нарушать, то что от них останется? Вы ведь со мной согласны?

— Ага, — простонала я, привалившись к стене. — Целиком и полностью!

На часах было уже десять минут четвертого.

— ...чтобы мы все были ... жирные коровы! — услышала я сквозь дрему. — ... И наше с вами ... сношение... будет продуктивным! ... за повышение качества магического образования...

— Что? — моргнула я.

Мне нужен срочно экзорцист, который смог бы изгнать ректора из моей комнаты! Но почему-то мне казалось, что проще изгнать демона! Есть такая порода людей, которые расскажут всю историю жизни перед тем, как попросить подать чай.

— Я сказал, чтобы мы все были живы и здоровы. Только тесное сотрудничество. И наши отношения будут продуктивными! Мы ратуем за повышение качества магического образования! — повторил ректор. — Давайте я повторю все сначала, если вам не понятно?

Я глянула на время, требуя еще десять лет жизни! Нашего дорогого ректора не вызывали в Министерство на отчет уже лет тридцать.

— Мы почти перешли к сути моей маленькой просьбы! — прокашлялся ректор. — Но сначала немного про...

— Я вас внимательно слушаю, — соврала я, сползая щекой по стене. Через десять минут я вынырнула из коматоза. Чтобы снова нырнуть в него. Бедный мой Фуфлыжник. Хотя нет, он явно уснул на чердаке. Как я ему завидую!

— ... и туда входят ... влажные... члены Магического Совета! — прокашлялся ректор.

Так, это не я захрапела? Нет-нет-нет!

— ...как бы говорит, что «вымени» тебе моем? — расплывалось в сознании.

— Вот так, очень быстро мы перешли к сути моей просьбы!

Я взбодрилась, глядя на часы. Даже стол показался мне подушкой.

— Если вам вдруг станет известно что-то про драконов в Академии. Мало ли вдруг что-то услышите. Или узнаете. Я прошу докладывать сразу мне! — закончил ректор. На часах было уже пять утра. — Не буду вас задерживать! Надеюсь, вы меня услышали?

Глава двенадцатая. В которой меня поймали и не отпускали

Дверь за ректором захлопнулась. Я поняла, что если ко мне еще кто-нибудь придет, голодный дракон ему покажется сказкой! Я просто задушу его, а потом запиною! А труп спрячу так, что ни одна Инквизиция соберет!

— Вылезай, — выдохнула я, снимая Фуфлыжника. Тот был крайне недоволен и слегка напуган.

«Пук-пук! Я в домике!», — наметнула чешуйчатая задница, прячась под одеялом.

Я легла на живот, зарывшись лицом в подушку. У нормальных девушек сердце болит от любви. А у меня попа! Неправильная какая-то любовь! В голове еще ворочалась «краткая просьба ректора»: «... не хватало, чтобы это случилось в женской «раздавалке!».

Ректор в приливе красноречия не отличался особой дикцией.

Я взбила подушку и легла на нее второй щекой. «... Министерство считает, что может «пердеть» нами, как хочет. Но, есть Устав...».

— Ыыыы! — простонала я, пряча голову под подушку. Вот, наконец-то отпустило!

«Живет в моем сердце один Инквизитор. И не платит аренду, сволочь!», — на этой мысли я погрузилась в тревожную дрему.

— Аучь! — выдала я, дернувшись от боли.

Мне показалось, что по мне пробежало племя гоблинов. Но это был всего — лишь маленький дракончик. Он отоспался за день. И теперь требовал развлечений, феерического шоу и жонглирования.

Единственное, чем я могла сейчас жонглировать, так это словами нехорошими.

— Ой! — дернулась я, чувствуя, как когтистая лапа наступила мне на больную попу. — Ыыуу!

«Мама! Ну что такое? Чего это ты такая вялая? А?», — возмущался малыш. «Пять утра — самое время для веселых игр!», — настаивал ребенок. «А то лежишь, как дохлая!», — с укором смотрел на меня Фуфлыжник. «А еще слетала бы и поохотилась бы на котлету! А то ребенок с голоду умирает!», — требовал непоседливый дракончик.

Я честно пыталась объяснить ему, что охота на котлеты — опасна и трудна. Что котлеты быстро бегают. А мама устала. И уже не настолько ловка и сильна, чтобы настигнуть котлету в два прыжка. И уж тем более, чтобы вступить с ней в неравный бой.

Меня доедала совесть. Однажды малыш вырастет и будет охотиться сам. Воображение уже рисовало дракона в синем небе. И крики перепуганных людей: «Дракон!». «Ой, да ладно вам! Смотрите, какой он тощий! Охотится на трусы и котлеты!», — машут рукой старожилы.

А маме придется лично охотиться на мамонтов. Чтобы готовить котлеты. В пропорции один мамонт — одна котлета.

Когда вас доедает совесть, можно просто дать ей в зубы. Что я и сделала.

Чешуйчатые неприятности просто притягивались к тому месту, где они обычно живут. И не слезали с него.

— Так, слезантий с меня! — потребовала я, морщась от боли.

Этот ожог я пыталась исцелить заклинанием. Но он почему-то горел и побаливал.

Обиженный Фуфлыжник был ссажен с меня на одеяло. Я снова прикрыла глаза, стараясь не думать, что спать осталось два часа. Фуфлыжник что-то грыз. Открыв глаз, я выяснила, что это ножка стола. Чавкал он очень аппетитно. Видимо, ему было вкусно.

Успокоившись и возрадовавшись, что ребенок нашел себе занятие, я закрыла глаза. А зря!

— Аааааа! — заорала я, чувствуя, что перед глазами потемнело.

— Пуф! — радостно выдал Фуфлыжник, приземляясь мне на попу. И попытался напасть на меня в детской кусательной форме.

— Ты это откуда... — прищурилась я, глядя на раскинутые в полете крылья. Мой взгляд упал на шкаф. Прыгать на больную мамину попу может только дракон самоубийца!

— Мамочки, — простонала я, видя, как ловкие когти карабкаются по отвесной дверце. Дверца шкафа была открыта. На ней покачивался гордый победитель маминой нервной системы, властелин фантиков и мастер прицельного попадания в список самых трудных детей.

Я попыталась отползти. Чем возмутила ребенка до глубины: «Фуф!». Всем видом он намекал, что мама должна лежать неподвижно! И в будущем он вырастет не ловким охотником, а ленивым падальщиком.

«Падальщик со шкафа» снова приземлился на меня. Но не уgomонился. Невидимая сила снова потянула его на подвиги. Я пыталась поймать любителя острых ощущений пониже хвоста и проверить, где находится шило. А заодно и чистоту окрестностей шила. Но грозным: «Фуф!», мне намекнули, что мы уже большой. А я вот-вот стану причиной моральной детской травмы.

После шестого раза я разгадала секрет. Мама интересная. Мама питит и «вошкается», если на нее упасть. Кровать — не интересная. Она молчит. И не охает.

Я уже чувствовала, что Фуфлыжник укладывается спать. И требует, чтобы я соорудила ему из одеяла пещеру. В последнее время он спит только в одеяльной пещере. И больше никак.

Его ничуть не смущает, что на улице остаются хвост и задние лапы. Юный уничтожитель маминих нервных клеток считает, что надежно спрятался. И проезжающий мимо рыцарь не обратит внимания на хвост и подпрыгивающую лапу.

— Фуф! — запротестовал Фуфлыжник.

Он только что забраковал пещеру, которую я ему соорудила. Дескать, сама живи в ней, если тебе нравится!

Я собрала из одеяла еще одну пещеру. В нее засунулась драконья морда. А потом вылезла: «Фуф!». «Мама, а ты не могла бы в ней ремонт сделать?», — намекал малыш, требуя еще одну пещеру. Я снова принялась собирать пещеру, оставляя открытый проход.

«Мама, ну кто так делает пещеры? Ты что? Пещеры делать не умеешь?», — смотрели на меня расстроенные глаза. «Где сталактиты, сталагмиты, куча принцесс, несметные богатства?», — на меня уже смотрели с обидой.

Я засыпала в пещеру его сокровищницу. И он успокоился. Проснулась я от грохота. И расстроенного «Пуф-пуф!»

Я открыла глаза. В окнах уже багровел рассвет. Я подняла голову и увидела, как маленький чешуйчатый истребитель всего и вся пытается долететь до верхней полки. На которой сидели две куклы. Принц и принцесса. Мое напоминание о детстве.

— Держи, — протянула я ему игрушки. — Теперь все? Мама может поспать?

Фуфлыжник был вне себя от счастья! Он хищно обошел кукол вокруг. А потом бросился на принцессу. Он сражался с ней ни на жизнь, а на смерть. И под конец героически откусил ей голову. А потом, довольный победой, схватил принца за плащ. И поволок в свою пещеру.

— Теперь я, кажется, понимаю, почему популяция драконов резко сократилась, — зевнула я.

Через пару минут довольного урчания из пещеры послышалось сопение. Я приподняла «своды пещеры», глядя на растерзанного принца.

— А, нет. Я ошиблась, — вздохнула я, опуская пещеру обратно. — Спокойной ночи, малыш...

Стоило мне прилечь и закрыть глаза, как послышался звонок будильника.

Я зевала так сильно, что пролетающий мимо дракон, мог перепутать мой рот и свою пещеру. Вид у меня был помятый, словно, все-таки перепутал.

— Никуда я не пойду, — выдохнула я. И обреченно упала на стул: «Ой!».

— Какой у уже косяк? — сонно спросила совесть. И заворочалась.

— Спи, спи, — успокоила ее я. И тут же спела совести колыбельную.

Звонок прозвенел для всех. А я снова зевнула. В голове гудело, из рук валилось абсолютно все. Ожог на попе требовал покоя и сочувствия.

Стук в дверь заставил меня подскочить, как ужаленной.

-Инквизитор просил передать. Что если тебя не будет на уроке... — слышался голос кого-то из наших.

Фуфлыжник поднял голову и пустил газики. Он уже выбрался из пещеры и спал, положив голову на принца.

— А... я... эм... — запаниковала я.

Кто бы мог подумать, что Инквизитор придет сюда. Что делать? Что же делать?

— Он сказал, что у тебя есть минута, — слышался голос. — Если через минуту тебя не будет на уроке, он...

Дальше запыхавшийся голос не договорил, давая простор для моей буйной фантазии. Я сглотнула и бросилась к учебному доспеху. И стала натягивать его на свой обгорелый попец.

— Пуф! — напомнил мне про котлеты Фуфлыжник. И свернулся колечком. Из его ноздрей валил черный дымок. От дыхания дракончика шуршал золотистый фантик. Голова принца валялась возле хвоста. А в лапке был зажат остальной принц. Умилительная кровожадность!

— На урок! Быстро! — слышался стук дальше по коридору. — У тебя есть минута!

Собирает всех? Ну-ну... Сейчас будет пытаться понять, кто вчера прицельно метнул кашку в лицо его сиятельству.

Выскочив из комнаты, я бросилась по коридору. Впереди меня кто-то в доспехах уже растворился в портале.

Я влетела в зал вместе с другими опоздавшими. Инквизитор стоял возле окна, опираясь на жезл, как на трость. Он отклонил ее в сторону. И почему-то смотрел на яркое голубое небо с белыми барашками облачков. Остальные уже разминались. Кто-то отжимался от пола. Кто-то качал пресс. Словом, грохот стоял такой, что в страшном сне не приснится. Даже в доспехах инквизитор обязан быть выносливым и гибким.

— Неужели? — резко повернулся Инквизитор в нашу сторону. — Не ожидал! Удивили. Как спалось?

Его бровь удивленно поднялась. А рука спрятала золотые часы в карман.

— Вы опоздали на три секунды, — на губах Инквизитора появилась улыбка. И тут же померкла.

Я тяжело дышала. Попробуй, побегай в доспехах по коридорам! Особенно, после бессонной ночи. По залу раздавалось: «Бдзень, бдзень, бдзень!». И стоны, как при родах. Мы ни разу не качали пресс на полу в доспехах. Обычно мы что-то под себя подстилали.

— Простите, в можно мат для качания пресса? — спросил кто-то отважный, подходя к Инквизитору. Тот медленно перевел глаза с нас на студента. А потом снисходительно улыбнулся.

— Попробуй с «мля», а дальше как пойдет.

Внезапно глаза снова вернулись к нам. Движением головы нас направили в зал. Я глубоко вздохнула и легла на пол.

— Ыф, — выдала я, понимая, что, пожалуй, начну с «мля!». Бдзень! Звон шел по всему телу.

— Если на вас доспехи, это еще не значит, что вы бессмертны.

Я краем глаза смотрела на кончик трости, стучащий по чужому наплечнику.

— Есть с десятков заклинаний, которые пробивают их.

Сапоги двигались по залу, обходя каждого.

— Половина новичков погибает на первом задании, — слышался голос, пока я пыталась выдавить из себя немного гибкости.

— Нет, конечно же, мы не пишем что-то вроде: «Ваш debil вместо того, чтобы слушать приказ и следовать ему проявил чудеса отваги и слабоумия». Мы пишем красиво: «Погиб при исполнении. Пал смертью героя. Отвлек внимание на себя. Проявил мужество и героизм».

— Уффф! — отдувалась я, чувствуя, что больше не могу.

Сапоги подошли ко мне. Я стиснула зубы и согнулась пополам. А потом со скрежетом разогнулась.

— Встали! — послышался приказ. «Наконец-то!», «Ой, мамочки, я щас помру!», «Голова кружится, сейчас упаду!», — слышалось уставшее со всех сторон.

Мы стояли, пытаюсь отдышаться. Прошло десять минут урока, а я устала, как собака.

— А теперь проверим ваше владение мечом, — послышался голос. — Я хочу, чтобы вы умели если не защитить себя, то хотя бы продержаться до прихода помощи. А в таком случае все средства хороши.

Он почему-то посмотрел на меня. Внимательным и долгим взглядом.

— Мало ли, какая ситуация будет в вашей жизни. Особенно, если противников будет достаточно много.

Что это значит? Что значит «защитить себя до прихода помощи?». О чем это он?

— Сейчас я покажу вам одно заклинание. Его не изучают в Академии. Но для него понадобится меч.

В руках Инквизитора появился знакомый меч. Он вбил его в пол наполовину.

— Атакуйте, — заметил он. Все переглянулись, и бросились атаковать. Инквизитор стоял, не шелохнувшись. Зато нас всех дружно разбросала по залу невидимая сила.

— Можно уметь сражаться. Но не уметь убивать. В Академии учат сражаться. Я учу убивать. И это заклинание подарит вам шанс к отступлению. Оно действует, пока не вытащили меч. Повторить! — Инквизитор отвернулся.

Он снова смотрел на небо. Мы вбивали меч в плиты при помощи заклинания. «Это же обалдеть, как полезно! А вдруг придется бежать из Академии!», — страстно шептало что-то внутри. «Ой, не надо!», — умоляла я.

— Достаточно, — послышался голос. — Вынимайте мечи.

Я вынула свой меч, рассматривая его. Хм! Даже не затупился!

— А теперь нападайте по одному, — произнес Инквизитор. Он вздохнул, уводя взгляд с неба.

— Но вы же без доспехов, — пробухтел кто-то рядом. — Так будет нечестно!

— Ты, с обостренным чувством справедливости, будешь первым, — вздохнул Инквизитор. И вежливо пригласил «самого справедливого».

— А разве можно нападать на преподавателя? — слышались удивленные голоса за спиной.

Кто-то звонко чихнул. В шлеме.

— Недавно я видел самую ужасную технику владения мечом, — мечтательно заметил Инквизитор, наваливаясь на жезл и подаваясь вперед. — Вот отвратительней я ничего не видел. Признаюсь честно.

Спасибо! Доброе слово и преступнице приятно!

— Но я видел что-то другое, — в голосе Инквизитора слышалась толика уважения. — Немножко бы подучиться... Но, увы, вряд ли этому человеку представится такая возможность. Скажем так, я приложу все усилия, чтобы этого не случилось. Никогда!

Эм... Это пострашнее, чем пророчества Мадам Гадриэль.

— Нападайте по одному, — пригласил Инквизитор.

— Почему вы относитесь к нам, как к мусору под ногами? — послышался возмущенный голос. И тут я перепугалась окончательно. Цепкий взгляд Инквизитора искал того, кто это сказал. И все чаще останавливался на мне. Всем видом я показывала, что вообще не причем. И если что, голос был мужским!

— Чтобы не привязываться и не рвать себе сердце, — отмахнулся Инквизитор. — Обиженка второй.

Мы отошли подальше, сделав круг. И кучки заодно. Мне под ноги скользнул по полу первый выбитый из руки меч. А следом с грохотом упал его обладатель.

— Два, — вздохнул Инквизитор. — Следующий.

Я не поднимала глаза. Иногда все дружно «ухали», словно филины. А писклявый голосок позади выдавал что-то вроде: «Мамочка!».

— Следующий.

На этих словах я поднимала глаза. Вокруг все казалось нереальным. Такое чувство, что это сон.

— Извините, — простонал кто-то из девушек. — Я не могу. У меня... эм... критические дни.

В такие моменты мужчины начинают жутко смущаться. Даже суровые боевые маги.

— А при встрече с опасностью у тебя наступят критические минуты, — снисходительно заметил Инквизитор. И ничуть не смутился. — Хорошо, можешь не сражаться. Пиши объяснительную. Вон скамейка. Садись и пиши.

— Объяснительную? — удивилась, кажется, Лаура. Просто из-за шлема видно не было. Она поплелась на скамейку. Перед ней появился листок бумаги и перо.

— Да, объяснительную. Начинаешь так. Дорогое чудовище! — усмехнулся Инквизитор. — Я очень прошу тебя не есть меня сегодня. Потому что у меня критические дни. Приходи меня есть... указываешь примерное число. Поэтому сегодня не разбрасывай мои кишочки по окрестным кустам, не отгрызай мне руку или ногу, не откусывай голову. Дальше сама... Число и подпись. Все понятно?

— А зачем? — спросила Лаура, снимая шлем. Оттуда вывалились волосы.

— Будешь показывать его каждому чудовищу. Чудовища никогда не нападают на тех, у кого критические дни, — пошутил Инквизитор. — Итак, следующий.

Его взгляд уперся в меня.

— У меня тоже критические дни! — соврала я, глядя честными глазами.

— Врать не хорошо, — заметил он, словно знал мой календарик наизусть.

— А с чего вы решили, что я вру? — спросила я, чувствуя себя неуютно.

— На стене твоей комнаты висел календарь. Я его видел при обыске, — ошарашили меня подробностями. — Отсюда правило. Хороший инквизитор запоминает все детали. Не надо смеяться. Или я расскажу, что видел в вашей комнате, молодой человек.

Смех тут же оборвался. Все дернулись и поежились. Ничего себе! Это же феноменальная память! О такой памяти легенды складывают. Если честно, я чуть не умерла от зависти. У нас на экзамене как раз будет: «Посмотрите, что изменилось в комнате, пока вы были за дверью».

Глава тринадцатая. В которой я признаюсь в самом сокровенном

— Берите в руки меч, — слышался голос.

Я взяла меч в руки, отгоняя зудящих мух головокружения. Если что, я при виде меча в обморок падаю. Главное — пару раз выпустить меч из рук.

Резким движением у меня из рук выбили меч. Я отпрянула, поджав лапки к груди по воробыному.

— Ой! — пискляво и запоздало выдала я.

— Подняла меч, — кончик чужого меча указал на мой меч. — И продолжай бой.

Я наклонилась и взяла меч. Для верности я его разок уронила на пол. А потом выставила его вперед.

— Нападай, — поманили меня рукой.

Я вспомнила, как размахивала мечом на первом курсе. Ну держись, Инквизиция!

Я закрыла глаза, подняла меч и с диким воплем бросилась на Инквизитора. Точнее, примерно в ту сторону, где он стоял. С отчаянным криком я молотила мечом по воздуху, словно пытаюсь разрубить муху!

— Ааааа! — орала я, как варвар, замахиваясь мечом и крутясь вокруг своей оси.

— Мне впервые в жизни страшно, — слышался голос слева. Он был задумчив. — Простите, а орать обязательно?

Я дернулась, и опустила меч. Дышала я, как после двух километров пробежки.

— А как же? Это я для устрашения! — округлила я глаза. Инквизитор стояла слева в трех шагах от меня. Среди студентов слышался смех: «Ангелиза! Давай! Жги!».

— Она всегда так сражается? — с подозрением спросил Инквизитор.

— Ага! — пошутили студенты. И я за это была им очень благодарна.

— Я так понимаю, что вы автор тех отвратительных котлет из вашей столовой? — спросил Инквизитор. У него явно не сходился пасьянс.

— Нет, я только учусь, — сглотнула я, пытаюсь отдышаться.

— И как же называется этот, простите, стиль? — прищурился Инквизитор. По нему было не понятно, догадывается ли он, что я придуриваюсь. Или просто ужасается увиденному.

— Муха пополам! — гордо ответила я, сплевывая волосы. — Есть еще стиль боевой дракон!

— Я просто заинтригован, — вежливо улыбнулся Инквизитор. И жестом потребовал его показать.

Я снова закрыла глаза и выставила меч вперед. А потом бросилась в предположительную сторону.

— Я очень люблю девушек с чувством юмора. У меня есть отличное чувство меры. Для вашего чувства юмора.

С этими словами Инквизитор сделал резкий выпад. Тело предательски среагировало, а руки автоматически отбили удар. И увели чужой меч в сторону.

Твою -то мать!

— Так, а вот это уже интересно, — слышался голос Инквизитора. И он стал наносить удары с такой скоростью, что я не успевала выгадать момент, чтобы отпустить меч в свободный полет!

— Ах, ах! — задыхалась я, ловя взглядом каждое перекрестие мечей. Руки работали быстрее головы. Отточенные до автоматизма движения палили меня с головой. Меня прижимали к стене каждым ударом.

— Ай! — открыла я рот. А потом наступила темнота.

В этой темноте я чувствовала сладкий вкус поцелуя. От таких поцелуев замирает сердце. И все это время пальцы моего невидимого партнера медленно стягивали с меня платье, касаясь моих голых бедер. Они дрожали в темноте, словно не решаясь на большее. «Моя маленькая бессердечная

фея...», — шептали губы, которые я жадно целовала. Меня окутывал запах его духов и нежность прикосновений.

А потом я начала терять губы. Сначала губы, потом руки. «Ммммм!», — топала я ногами и требовала вернуть все обратно.

— Кхе! — послышался мой собственный голос.

— Живая! — обрадовались голоса.

Послышался звон кольчуги. Я попыталась наощупь проверить рукой, что происходит.

— Вставай, — послышался голос, который в моих сладких снах признается мне в любви.

Я разлепила глаза. Плечо не болело. Ранка была маленькой. Как царапина. Рукав рубашки был закатан почти до плеча. Инквизитор отряхнул руки и отвернулся. Мне показалось, или его руки едва заметно дрожали, когда он натягивал перчатки.

— Отвратительный меч, — послышался голос Инквизитора. — Выбросьте его.

Ага! Выбросить! А экзамены я чем сдавать буду? Ну уж нет! Я сгребла остатки меча, чтобы починить его в комнате.

На полу виднелись капли крови. Они прямой наводкой вели ко мне. Значит, рана была серьезней, чем я думала.

— Урок окончен. Идите, разочаровывайте других преподавателей, — послышался голос Инквизитора. Он был спокоен. На рукаве у него виднелась кровь.

Я спешно встала и поползла к шкафчику. Открыв его магическим рисунком, я достала бутылочку с восстанавливающим зельем. Несколько жадных глотков показали сказкой. Ко мне возвращались силы.

— Кхе-кхе! — прокашлялась я, закупоривая бутылку. Все скидывали доспехи. Чей-то шлем укатился со скамейки. «Ловите его!», — слышался крик.

Зелье нужно экономить! Оно дорогущее, поэтому каждому студенту на месяц выделялась одна бутылка. Под роспись. Однажды я пыталась сварить это зелье самостоятельно. Даже нашла книгу рецептов. Оно называлось Зелье восстановления на драконьей крови.

— Возьмите кровь дракона, — прочитала я, понимая, что это плохой рецепт.

— Вам понадобится две унции драконьей крови, — читала я дальше. И это был тоже плохой рецепт.

Все рецепты, в которых требовалась драконья кровь, были плохими. Так закончились мои попытки экспериментов.

— Ну же, — умоляла я ожог пройти. Но рана на плече затянулась, а ожог все еще болел.

Да, это только я так могла спалиться! Хотя, думаю, что с потока наберется человек десять, которые владеют мечом не хуже меня. У нас даже олимпиада однажды была. По боевой магии. Не помню кто победил. Зато башню быстро восстановили. Но больше олимпиады не проводили.

Я выходила последней. И уносила подмышкой свой сломанный меч.

— Попрошу за мной, — послышался голос Инквизиции. Я вздрогнула.

Я плелась вслед за белым сюртуком. И снова несла шлейф духов его сиятельства. Я заметила, что походка у него, словно он выходит под овации и аплодисменты. Это ж надо же так ходить!

— Проходите, — заметил голос, открывая мне двери кабинета. Я робко вошла, делая вид, что тут почти впервые. Это не я вчера ночью скакала по столам. И вовсе не я снесла два стула. И портрет разбила не я.

— Присаживайтесь, — мне вежливо указали на стул. Я села, спрятав руки между сжатыми коленями. И опустила глаза.

— Что вы будете? — очень вежливо спросили у меня.

— Не знаю, но два, — ответила я, робко осматривая аккуратную стопку бумаг.

И не дожидаясь ответа, передо мной появилась фарфоровая кружка с ароматным чаем.

Я смотрела на нее, как на чашу с ядом.

Ага! Щас! И сахара побольше!

Запомните, никогда не пейте чай в кабинете Инквизитора! Никогда! Потому что в него добавляют зелье откровений. Хотя по закону это запрещено!

— Не стесняйся, маленькая глупая фея, — в голосе слышалась улыбка.

Послышался звон кружки о блюде. Робко подняв, глаза я увидела точно такую же кружку в руках Инквизитора. Он сделал глоток, при этом не сводя с меня взгляда.

— Я ... я просто не люблю чай, — пожала плечами я. И посмотрела честными-пречестными глазами.
— Терпеть не могу!

Инквизитор посмотрел на красивые и дорогие часы. И сделал еще один глоток.

— А что ты любишь, маленькая глупая фея? — спросил он, отставляя свою кружку.

— Кофе, — кивнула я. Хотя все было наоборот.

— Увы, но кофе кончился. Но я учту на будущее, — улыбнулись мне. Инквизитор присел в роскошное черное кресло. Оно скрипнуло под ним. Я затаила дыхание.

А потом выдохнула и поднесла кружку ко рту, делая вид, что пью.

— Вкусный, спасибо, — спрятала я глаза. А потом для верности сделала еще один «глоток». — Это допрос?

— А на что это похоже? — послышался удивленный голос. Я не смотрела ему в глаза. Зато следила за рукой. Золотая ложечка легла на бортик блюда. И была тут же поправлена.

— На допрос, — мрачно ответила я, видя на столе след от своего меча.

— Нет, моя маленькая глупая фея, — улыбнулся Инквизитор. — Допрос выглядит немного по-другому. У меня точно. Это выглядит примерно так.

Инквизитор резко встал и ударил папкой по столу. Я подпрыгнула вместе со стулом. Чай расплескался. Кружки зазвенели. Заклинания связали меня по рукам и ногам. Меня пригвоздило к креслу.

— Если ты сейчас же не расскажешь мне все что знаешь про дракона, я тебя сожгу! — послышался страшный голос. — Прямо в кабинете! И твои останки никто не найдет. Поняла? Отвечай на мой вопрос! Где дракон?

— А... — открыла я рот, перепугавшись до мурашек.

Перед моими глазами вспыхнуло смертельное заклинание. Оно зависло в воздухе в сантиметре от меня. И я боялась пошевелиться. Заклинание ослепляло. И не давало шанса разглядеть, что происходит дальше смертоносного сгустка света.

— Правду, и ничего кроме правды. И если мне покажется, что ты соврала... Просто покажется... , — послышался ужасный голос. Заклинание сдвинулось на пол сантиметра, опалив меня ужасом.

Внезапно оно погасло. Мои руки снова были свободными. Папка вернулась на место. А мое сердце нет! Так, нужно что-то срочно делать!

— Вот как выглядит допрос, моя маленькая наивная фея, — послышался мягкий голос. — А у нас просто дружеская беседа.

Только сейчас я поняла, что сижу с ногами в кресле, вжимаясь щекой в его спинку.

— Может, что-то к чаю? — вежливо заметил Инквизитор. Он улыбался, словно не было этой ужасной вспышки гнева. — Печенье? Пирожные?

Я все еще тяжело дышала, отрицательно мотая головой. Инквизитор откинулся на спинку кресла и вздохнул.

— Да пей уже свой чай! Нет там ничего! — послышался его уставший голос. Он даже прикрыл глаза, делая глубокий вдох.

Дрожащими руками я взяла кружку. Пальцы не удержали ее. И она разбилась об пол. Горячий чай облил мне ноги.

— Ой! — дрогнула я, пытаюсь заклинанием собрать кружку снова.

— Брось, — махнул рукой Инквизитор. Перстень сверкнул отточенными гранями и бросил солнечный зайчик на мое плечо.

— Еще раз извините, — прошептала я, пряча глаза.

Повисла тишина.

— Bravo! Мои аплодисменты! — послышались шутливые хлопки. — Все было просто замечательно. Испуг! Я почти поверил! И вот это неловкое движение с глубокими извинениями. Только моя маленькая хитрая фея не учла одного.

Мне показалось, что в комнате стало темнее. Стрелки часов со скрипом сомкнулись. Такие слова обычно не предвещают ничего хорошего.

— С кем имеет дело. Зелье откровения было не в чае. А в твоём шкафчике. Я добавил его в восстанавливающее зелье перед уроком. Я взял не стандартное зелье, какое используют обычно. А зелье с отложенным эффектом, который наступает через ... три... два... один...

Эти слова заставили меня похолодеть.

— Ну что ж, моя бессердечная фея, — Инквизитор уселся поудобней и улыбнулся самой очаровательной улыбкой. — Рассказывай.

Если неприятности измеряют литрами, то у меня море! Представьте себе чувство, словно вам дико хочется в туалет. Не просто хочется. А хочется так, что закрытая дверь — не преграда. Да вы стены готовы вынести, лишь бы ... ну вы поняли.

Зелье откровения дает именно такое чувство. Ровно до тех пор, пока ты не начинаешь делиться тем, о чем никому бы и никогда бы не рассказала. Рассказала свой секрет — испытала непередаваемое облегчение. Но ненадолго. Чувство начинает накачивать опять. И вот ты уже делишься еще одним секретом. Чем дольше ты сдерживаешься, тем больше расскажешь. Тем страшнее секреты и тайны вылезут наружу.

Инквизиция называла это зелье — зельем Исповеди. Но даже оно не всегда давало нужный эффект. Я усиленно вспоминала, что нам о нем говорили.

«Спокойно», — утешала я себя, понимая, что меня просто распирает. Так распирает, что вот-вот лопну. Главное — не допускать!

— Я впервые поцеловалась на втором курсе. С Фитцджеральдом Коуэнном. Нас оставили после уроков для уборки за слизняком. Он был слюнявый и у него жутко потели ладони, — выпалила я, чувствуя некоторое облегчение.

Зелье словно шептало: «Дальше, детка, дальше! Не стесняйся, здесь все свои!» Чем больше я сопротивлялась действию зелья, тем сильнее мне хотелось всем поделиться.

— Слизняк был слюнявый? — спросил Инквизитор с улыбкой.

— Оба, — процедила я, покачиваясь в кресле. Я покраснела до кончиков ушей. — А потом я узнала, что это поцелуем не считается. Ведь целовать нужно в губы. С языком. А не облизывать рот и окрестности. А потом он шантажировал меня этим. И требовал, чтобы я делала за него домашнее задание. Иначе он всем расскажет, что я не умею целоваться. Ой!

Я зажала рот рукой. И простонала.

— Сжечь, — с улыбкой заметил Инквизитор, отпивая чай.

— Кого? — простонала я, чувствуя, как на подходе уже главный секрет. Уши горели.

— Фитцджеральда Коуэнна. А ты не расстраивайся. Думай об этом, как о том, что осчастливила идиота, — заметил Инквизитор, отпивая чай.

Стиснув зубы, я чувствовала, как секреты застряли в горле, срочно требуя их озвучить!

— Однажды я вырвала страницу из библиотечной книги. Потому что мне понравилось заклинание. А подумали на Эмму Свит! И даже наказали ее, заставить чистить котлы. Месяц подряд после уроков. Это была очень дорогая книга, — выдала я, снова чувствуя облегчение.

Костяшки пальцев побелели. Я пыталась себя контролировать. И не сгореть от стыда.

— Моя маленькая упрямая фея, — улыбнулся Инквизитор. — Это конечно ужасно, но не настолько, чтобы сжечь тебя. Возможно, однажды Эмма Свит, образцовая хозяйка, напишет книгу «Сто способов почистить котел». И начнет ее словами: «Если бы не этот случай в Академии, этой книги бы не было».

Мои зубы стучали. А стыд проходил. Как он это делает?

— Мммм, — простонала я, пытаюсь удержать следующий секрет. Магии зелья все равно, в каком порядке я это рассказываю. Выдала секрет — получи облегчение.

— Я не люблю ... — я попыталась подавиться правдой. Но она лезла наружу. Я хотела сказать, что не люблю Иона. Но с нечеловеческим усилием я подумала про то, что не люблю кофе. — Кофе...

— Как интересно, — с полуулыбкой заметил Инквизитор, наливая мне чай. — Этому преступлению нет оправдания! В моих глазах точно...

— Я говорю, что люблю его. Хотя на самом деле, я ненавижу его! И пью только потому, что все пьют! — выдавила я. И сделала глубокий вдох. — Я люблю его нюхать. Но не пить. Запах у него классный. А вот вкус — бе!

— Просто ты не пила хороший кофе. То, что пьют большинство — тертый драконий навоз. Я понимаю, что ты не можешь себе позволить дорогой кофе. Ладно, как-нибудь угощу, — заметил Инквизитор, делая глоток чая.

Я вцепилась руками в края стола, борясь сама с собой. Чувство накрывало с головой. Нужен еще один секрет! Срочно! Иначе я сейчас выдам все, как на духу!

— Ненавижу вареные яйца и манный пудинг! — выплонула я секрет. И измученными глазами посмотрела на Инквизитора.

— Согласен. Гадость, — заметил он, вставая и идя к шкафчику. — Может, еще чаю?

— Нет, — выдавила я, мучаясь неимоверно. Только самоконтроль, которому нас учили, удерживал меня от того, чтобы не рассказать все.

— А если подумать? — улыбнулся Инквизитор.

Правда так и перла из меня.

— Нет. Потому что я терпеть не могу общественные кружки! Я просто брезгую! Тут половина Академии из нее сосала! А потом вы даете ее мне! Фу, гадость! — выпалила я секрет. И мне стало немного легче.

Да, зелье откровения и вежливость не совместимы.

— Вот кружка, из которой я пою Академию.

Золотая ложечка в руках Инквизитора показала на уродливую кружку, как из Академической столовой. Кружка сиротливо стояла в уголке.

На столе появилась другая кружка. Она была выполнена в виде фарфорового цветка с золотой ручкой. К ней прилагалось блюдечко в виде листочка. С золотыми прожилками. Фарфор был настолько тонок, что казался полупрозрачным. Это была безумно дорогая вещь! Такие бывают только у аристократов.

— Давай договоримся, — послышался голос. — Это будет твоя кружка. И из нее будешь пить только ты.

Мне подвинули чай. А я жадно пила. Не чувствуя вкуса.

От мучительных усилий в горле пересохло. И я выпила чай в три глотка. А потом пыталась отдышаться.

— Можно просто воды, — простонала я, чувствуя, что легче не стало. Срочно! Еще секрет! У меня даже зубы стучали от напряжения. Я подумала про то, что из «дежурной» кружки пил даже ректор.

— Я не люблю Иона, — выпалила я. И ужаснулась своим словам. От страха я зажала рот руками.

— Бывает, — заметил Инквизитор. Ложечка в его руках на мгновение замерла.

— Я с ним потому, что больше не с кем! Он единственный, кто обратил на меня внимание! Я не знала, что он сын ректора. Он сказал это только через год! А еще я думала, что мне повезло. Мало

того, что он — красивый. Так еще и некромант! Все девушки мечтают о красивых некромантах, — несло меня.

Я пыталась зажать рот рукой. Вот что бывает, когда противишься магии.

— А... А... еще я боюсь, что кроме него на меня никто не посмотрит! По крайней мере, он единственный, кто не предлагает встречаться ради домашнего задания! — задыхалась я. — Но я ему не доверяю! Ни капельки! И как представляю, что стану его женой, а мне целыми днями на ухо будет зудеть ректор, хочется удавиться! А еще мне противно, когда он меня целует! Я просто терпеливо жду, когда он нацелуется... и...

Сердце пропустило удар. Потеряв контроль, сложно вернуть его обратно.

— ... и ... отлипнет! — я старалась делать вдох между словами. — Мы с ним договорились не торопиться. И подождать до выпускного. И я не хочу выпускного! Просто не хочу! А Ион уже не хочет ждать. Он хочет сейчас! Это наш секрет!

— Напомни ему, если мужчина хочет, а женщина — нет, — это уголовно наказуемо. Ты же инквизитор, — удивился Инквизитор. — А если это его не напугает, то защищай себя. Потом дело передадут нам. И, поверь, я быстро найду виновного. Мальчик сядет. Зелье откровения творит чудеса.

— Я просто не хочу и его обидеть. И поругаться... Он — моя как бы... надежда на то, что после Академии я не окажусь с чемоданом на улице... — цедила я, ненавидя себя за слабость. — Мать оставит дом брату. Он у нее любимчик. Она мне прямым текстом сказал, что у меня есть выход — удачно выйти замуж. В свое время она сама так сделала, когда вышла замуж за моего отца. А брат — он мужчина. Ему нужно куда-то привести семью. Поэтому я пытаюсь учиться, чтобы иметь хоть что-то свое! Ведь дом она пилить не даст!

Ой-е-е-й! Что же я говорю!

— Давай сначала. Я знаю, сколько получают некроманты. Оживить бабушку на день рождения. Оживить бывшего мужа, чтобы отвести душу. Заработок от случая к случаю. В Инквизиции некромантов хватает, поверь. И они крепко держатся за должности. За это хорошо получают. Максимум куда просунет ректор сына — министерство. Каким-нибудь младшим канцелярским служащим. Или оставит в Академии, — заметил Инквизитор, едва заметно улынувшись.

— Ион хочет сделать рок — группу. Зомби! Чтобы зомби выступали! Он хочет воскресить известных музыкантов, — выдала я чужой секрет. Который обещала хранить до конца своих дней. Видимо, конец моих дней уже близко. — Он хочет назвать ее или «Девственница в гробу в белых трусах», или «Кровожадный оборотень с купированным хвостом».

— Вот за это я его уважаю. Он не хочет идти по накатанной. Но чтобы все это создать — одного желания мало. Нужно уметь организовывать. Уметь договариваться. Уметь решать проблемы, — спокойно объяснил Инквизитор. И почему-то усмехнулся. — Чтобы потом... Как там говорят некроманты, когда вручают лопаты? Сначала выгребашь, потом деньги лопатой загребаешь.

Ммм! Это просто невыносимо.

— А чего хочешь ты? — спросил Инквизитор. — Ты сама хочешь этим заниматься?

— Я ненавижу музыку, которую любит Ион, — призналась я, страдая неимоверно. — Я терпеть не могу эти группы! Этот шум, эти отрывки, эти песни и ртом, и жопой! И как представляю, что буду слушать ее каждый день... Аж плакать хочется! Но я говорю себе, что привыкну. Однажды я привыкну, как привыкла мама к отцу!

— Не привыкнешь. Никогда. Рано или поздно ты просто взорвешься. То, что ты рассказываешь, я и так знаю. И прекрасно знаю, что ты вычислила светлячка, моя маленькая хитрая фея. Правда, их было несколько. Но один — уже неплохой показатель, — заметил Инквизитор. — Как там? «Крестьяне схватятся за вилы, я достану труп твой из могилы?».

Он посмотрел на часы. Я поняла, что срок действия зелья заканчивается. У меня появилась надежда. Пока что была выстраданная передышка. Но я чувствовала, как медленно и постепенно на меня накатывает.

— Меня интересует тайна, которую страшно кому-то рассказать... Ты вздрагиваешь от ужаса, если ее кто-то узнает... — мягко произносил Инквизитор. — Эта тайна способна изменить твое будущее... Возможно, эта тайна спасет тебе жизнь. И я запишу ее, как чистосердечное признание.

Я смотрела в глаза. А потом переводила взгляд на его губы. «Признание!», — стучало в голове.

— Ну же, я не монстр. Разве ты этого не видишь? — слышался голос. — Мне нужно признание. Просто признание.

Я держалась до победного. Сжав кулаки, я сражалась сама с собой. Стиснутые зубы едва ли не крошились. В сердце теплилась слабая надежда, что я сумею продержаться до момента окончания действия зелья. Но все было рассчитано так, что никаких человеческих сил не хватит!

— Я... — выдавила я, поднимая глаза.

Я еще боролась. Но понимала, что сейчас наступит тот момент, которого я боялась больше всего на свете. Две страшные тайны неслись наперегонки друг с другом. Какая первая выскочит? Я не знаю!

Глава четырнадцатая. В которой я узнала страшную тайну

Я зажмурилась, чувствуя, как слабеют руки. Зелье прекращало действие. Магическая удавка правды ослабла. И теперь слабела с каждой секундой.

Я жадно втянула в себя воздух, словно он вот-вот кончится. И стиснула зубы. Правая коленка дрожала от напряжения. Сердце колотилось, как ненормальное.

И только сейчас я осмелилась посмотреть на Инквизитора.

Инквизитор сидел неподвижно. В одной руке он сжимал золотую ложечку, которой размешивал чай. В другой — кружку.

Ложечка сломалась на две половинки. Одна половинка упала со звоном на стол. Вторая на пол. Через мгновение кружка в его пальцах лопнула, поливая чаем осиротевшее блюдо, стол и бумаги.

— Вы в меня ... влюбились? — медленно и негромко произнес Инквизитор. Стояла звенящая тишина. Как натянутая струна моих нервов.

Инквизитор не глядя отставил блюдо с осколками подальше.

Я дышала так глубоко, как только могла. И смотрела на него затравленным зверем.

— Невероятно, — мечтательно прошептал Инквизитор. Уголок губ его дрогнул в улыбке. Он смотрел на меня и не на меня одновременно. Словно задумавшись о чем-то своем. Потом его брови поднялись наверх, будто бы удивляясь. И тот час же вернулись на место.

Послышался выдох. Инквизитор опустил глаза и едва заметно улыбнулся.

— Вам смешно? — с ненавистью бросила я. И сжалась в комочек в кресле.

В ответ была тишина. Она давила на меня со всех сторон.

— Я призналась. Делайте, что хотите! Жгите, судите, бросайте в тюрьму. Что вы там хотели? Мне уже все равно! — прошипела я, словно маленький зверек, который хочет укусить побольнее.

Воображение нарисовало тысячи вариантов. От страстного поцелуя и ответного признания до вежливого: «Все пройдет как простуда через две недели!».

Мне вдруг стало так обидно, что на глаза набежали слезы. Я отрыла рот, глотая воздух, чтобы не дать жаркой слезе скатиться по щеке.

— Скажем так, на такое признание я немного не рассчитывал, — с вежливой улыбкой заметил Инквизитор.

Его голос разрушил тишину. А безукоризненная вежливость заставила сердце оборваться и рухнуть вниз с головокружительных высот мечты.

— Довольны? — злобно прошептала я.

Инквизитор поднял вверх брови, словно удивляясь самому себе.

Отчаяние просто захлестнуло меня с головой. Не давая даже вздохнуть полной грудью.

— Невероятно. Просто невероятно, — послышался тихий задумчивый голос.

Я плотно сжала губы. И слеза потекла по щеке вниз. Ненавижу! Ненавижу его! Готова прямо сейчас броситься и растерзать! Голыми руками!

Сглотнув слезы, я резко и гордо встала. Взмахом руки отодвинула свое кресло. Так что оно завалилось на спинку ножками вверх.

Меня шатало и мутило. Я почти не чувствовала своего тела.

Неимоверным усилием мне удалось развернуть себя в сторону двери. Слезы катились по щекам. Одна догоняла другую. И, слившись вместе, они скатывались на воротник.

Я направилась к двери. Казалось, что подо мной не каменный пол, а чавкающее болото. В котором каждый шаг может стать последним.

Я положила руку на дверную ручку, но не почувствовала ни руки, ни ручки. Словно рука была чужая.

Перед глазами все расплывалось. Мне казалось, что я вижу себя со стороны, стоящей возле закрытой двери.

— Как она открывается! — хриловато спросила я, не узнавая своего голоса. И несколько раз дернула дверь изо всех сил. — Откройте мне дверь! Немедленно!

Руки тряслись. Я задыхалась. От ярости и отчаяния и ударяла по двери ногой. В надежде, что она откроется, распадется. И выпустит меня отсюда. Навсегда.

— Откройте! Иначе я вынесу ее заклинанием! — хрипло и яростно крикнула я. И обернулась так резко, что потемнело в глазах.

Инквизитор сидел в своем кресле и безотрывно смотрел на сломанную ложку.

Мои пальцы пытались собрать заклинание. Но оно рассыпалось из-за того, что я не могла сконцентрироваться.

— Я прошу вас, — обессиленно задохнулась я, сползая вниз по двери. — Откройте.

— Встань немедленно, — послышался холодный голос.

Я чувствовала, что меня трясет, как во время простуды. Мне было ужасно холодно. По комнате раздались спешные шаги. Я смотрела на сапоги, которые приближались ко мне. И расплывались перед глазами.

Меня резко дернули вверх. И у меня перехватило дыхание. С легкостью, словно я ничего не вешу, меня подняли и понесли на кожаный диван. А потом спустили с рук.

Меня жутко знобило. Зубы отбивали чечетку. А в голове был монотонный гул опустошения.

— Успокойся, тогда пойдешь, — послышались медленные слова. Их повторили несколько раз. Спокойно и медленно. Следом послышался отчетливый выдох.

Я услышала шуршание и перевела затуманенные глаза в его сторону. Инквизитор задерживал шторы. И накладывал заклинание на окно. Я старалась не смотреть на высокий силуэт.

Шаги снова прошли мимо меня. И затихли. Откуда-то издалека послышался шорох тряпок. На меня сверху упало одеяло. Роскошное, красное, стеганное с золотым узором.

Я даже не пошевелилась, чтобы его расправить. Или завернуться в него. Не смотря на то, что меня трясло. Я прикрыла глаза, нервно сглатывая комок слез. Одеяло медленно сползло на пол.

— Понятно, — прозвучал голос. Одеяло было поднято с пола. И теперь меня пытались в него завернуть.

Чужое одеяло, пропахшее любимым запахом показалось ужасно холодным. Меня стало трясти сильнее.

Я чувствовала дыхание в своих волосах. И руки, которые словно обнимают. Хотя на самом деле меня просто пытались согреть.

— Привстань, — послышался негромкий, но спокойный голос. Подо мной пытались протянуть часть одеяла. — Все. Садись!

— В тюрьму? — безжизненно спросила я. Не поднимая глаз.

— Перегнул, — послышался озадаченный голос.

Мне очень захотелось накрыться одеялом с головой. И поиграть в Фуфлыжника. Я чувствовала себя драконом в пещере. Драконом, которого только что обнес какой-то рыцарь, лишив честно награбленного сокровища.

В дверь послышался отчетливый стук. Я лениво перевела взгляд на дверь.

— Простите, с вами хочет поговорить ректор, — послышался встревоженный голос за дверью.

— Не сейчас. Передайте ему. Я занят, — послышался ледяной ответ.

Я сглотнула и попыталась взять себя в руки. И даже высунула ногу, чтобы встать.

— Ну, что будем делать? — вопрос прозвучал неожиданно.

Я почувствовала, как мои дрожащие руки достают из одеяла и берут в свои.

Это было настолько странно и нереально, что мне казалось, это просто сон. Поверх моих дрожащих рук легла рука с перстнем. Тем самым, способным уничтожить человека без единой улики. И смахнуть пыль его останков со стола.

Я смотрела на руку, которая слегка поглаживала мои руки. И не знала, что и думать. Одеяло было пропитано запахом его духов. Сквозь приоткрытую дверь была видна роскошная спальня. И подушки, которые валялись на полу. Видимо, их уронили, когда несли одеяло. Но так и не подняли.

— Так и будешь молчать, моя маленькая бессовестная фея? — послышался вздох.

Я боялась поднимать глаза. Инквизитор сидел на корточках передо мной. Я старательно отводила глаза. На что рассчитывало мое сердце? На то, что один из влиятельнейших и могущественных людей магического мира посмотрит на простую студентку? Пусть даже выпускницу! Да у него таких выпускниц каждый год! С каждой Академии! Вот на что оно рассчитывало? Но, увы, у сердца всегда слабо с математикой.

— Ничего я подожду, — послышался голос Инквизитора. А следом тяжелый вдох. — Пока ты успокоишься. И только тогда мы поговорим. Сейчас говорить с тобой бесполезно.

Меня едва-едва шлепнули по рукам. Чтобы привести в чувство. И внимательно заглянули в лицо.

— У меня времени много, — предупредили меня. — Я отложил все дела.

Дела он отложил! Я кирпичей на вторую Академию отложила!

Прошло еще несколько затяжных минут.

За это время я видела, как Инквизитор расхаживает по комнате. А мне стало больно. И я прикрыла глаза, словно меня нет. Словно все это мне приснилось.

— Ты хотела сделать какую-то глупость? Не так ли? — спросил голос совсем рядом. Диван скрипнул кожей. — Ну, признавайся? Большую-большую глупость. Возможно, последнюю. Можешь не отвечать. Я по глазам видел. Ты не первая, кто после допроса выходит с одной единственной мыслью.

Инквизитор сидел на одной ноге, подвернув ее под себя. Вторую он спустил с дивана. А руку пустил вдоль спинки. За моей головой.

— Я с кем разговариваю, — послышался вопрос. Мне пощекотали щеку пальцем, чтобы привести в чувство. — Фея, ты здесь? Со мной?

Я поклялась сама себе молчать. И не говорить ни слова. Поэтому, стиснув зубы, просто смотрела на плинтус. Прикидывая, помещусь я там или нет? И какотреагируют тараканы на нового обитателя.

— Плохо, — заметил Инквизитор. И простонал на выдохе. — Ладно, попробуем по-другому. Приношу извинения. Перегнул. Я просто до сих пор под впечатлением. Кто бы мог подумать...Да...

— Надеюсь, это очень ценная информация, — прошептала я, нарушив собственную клятву. — И очень поможет в расследовании. Занесите ее, пожалуйста, в протокол.

— И, конечно же, заставлю расписаться. Что за ерунду ты говоришь? — в голосе послышалась улыбка. — Успокоилась? Мы можем поговорить?

С пропитанной слезами щеки осторожно отлепили прядь волос. И заправили мне за ухо. Эта забота — утешение вызвала приступ бессилия и отчаяния. Я мотнула головой, чтобы сбежать хоть на миллиметр от того, кому больше не смогу смотреть в глаза. Никогда!

— Ладно, подождем.

Голос казался мягким, обволакивающим, успокаивающим. Я стиснула зубы, переживая внутреннюю боль.

— В моей практике еще не было таких допросов, — послышался голос. А согнутый палец, словно невзначай стер дорожку слез с моей щеки. — У тебя сколько сегодня уроков?

— Не знаю, — глухо прошептала я. И ведь действительно! Я даже не заглядывала в расписание. Губ предательски задрожали. Меня так бесила эта вынужденная забота, что зубы скрипели!

Мать заботилась только о себе, находясь в вечной погоне за утасоющей юностью. Я уверена, что она прямо сейчас сидит в маске перед зеркалом. Отец заботился только о деньгах. Заключал, перезаключал контракты, терял деньги, зарабатывал снова. Родители всегда находили время на убытки и морщины. И никогда на детей.

Поэтому любое проявление заботы, пусть даже вынужденное, вызывало у меня слезы. И напряжение.

— Опять? — в голосе слышался ужас. — Так, иди сюда, несчастная маленькая глупая бессовестная и прекрасная фея.

Меня прижали к себе. Я не верила. Нет, я просто отказывалась в это верить! Я отказывалась верить в руку, которая обнимает меня. Пусть даже сквозь одеяло. Я отказывалась верить в дыхание, заблудившееся в моих волосах.

Все было словно во сне. Я чувствовала, как рука медленно гладит одеяло, словно успокаивая.

— Не знаю, что с тобой делать. Seriously, — в голосе послышалась улыбка. Инквизитор почему-то улыбался.

Я видела, как пальцы скользят по одеялу. Почему-то в этот момент, я вспомнила, как он впервые вошел в зал. Слово под аплодисменты. Надменный и насмешливый, самоуверенный и наводящий ужас.

А теперь я сижу в одеяле. В его кабинете. И смотрю, как его пальцы гладят меня сквозь одеяло. Меня, преступницу, которую впору сжечь вместе с несчастным драконом.

Меня охватил ужас, когда я представила, как этой рукой он подписывает мой смертный приговор.

— Я — не тот, кто тебе нужен, — в голосе послышалась улыбка. — Я очень противный. Я могу задеть упреком или словом. Просто потому что не в духе. Мимоходом. А ты потом будешь обижаться на меня целый день.

— Я могу ответить, — сипловато произнесла я, не сводя глаз с его руки. — И обижаться уже будете вы. Неделю.

— Даже так? — удивился голос над ухом. Рука на мгновение остановилась. — Давай разбирать нашу любовь. Это из-за денег? Давай только честно.

— Вы умеете есть оладушки из тертых листьев мандрагоры? — хрипло спросила я, вспоминая самое дешевое и отвратительное блюдо. — Меня однажды угощали. Гадость несусветная. Но я взяла рецепт на случай нищего замужества. Так что с голоду не умрете.

— Да что ж такое, — послышался смех. — Деньги не интересуют. Хорошо. Послушай. Ты — молодая, красивая... Не надо так сопеть! Далеко не глупая девушка. У тебя все впереди. Скоро ты закончишь Академию. И перед тобой все двери открыты.

— Кроме дверей Инквизиции, я так понимаю, — вздохнула я. — Значит, не все.

— Я тебя лично вышвырну оттуда. Если вздумаешь прийти. Не поленюсь. Поверь. Тебе там делать нечего, — послышался голос.

А глупое сердце ловило каждое слово. Оно искало хоть намек, хоть подсказку. Хоть что-нибудь, ради чего оно может биться дальше.

— Я не хочу, чтобы однажды тебя принесли на руках в окровавленных доспехах, потому что у тебя сломался меч, — послышался голос. — Так что даже не вздумай. Я сказал. Лично вышвырну. Ты меня услышала?

Я молчала, стиснув зубы. Рука держала меня, а я безотрывно следила за ней. «Ему меня просто жаль... Он меня не любит...» — вертелось в голове. Я кусала губы, чтобы заглушить это боль.

— Я стар. Я очень стар. Настолько, насколько ты представить себе не можешь, — с улыбкой произнес голос.

— Так и быть, разжую оладушек из листьев мандрагоры, — ответила я, не глядя в его сторону.

— Не настолько, — рассмеялся Инквизитор. Я мельком глянула на идеально ровные белоснежные зубы, которые обнажила улыбка.

— Хорошо. Помну вилочкой, — равнодушно ответила я.

Казалось бы, я говорила, но не думала над своими словами. Ответы появлялись сами. Меня мало заботила вежливость и субординация. Как могут заботить такие мелочи, когда внутри зияет кровавая рана пустоты?

Я понимала, что он держит ниточку бессмысленного диалога, чтобы вывести меня по ней к свету.

Нас учили такому. На втором курсе.

Предмет назывался «Работа с жертвами». Там был приведен пример с обезображенной заклинанием девушкой, которая не хотела жить, и молодым инквизитором, сделавшим вид, что ухаживает за ней. Не смотря на обожжённую щеку. Он дарил ей цветы, осыпал комплиментами. И мы верили в то, что они поженились.

На каждом факультете была такая сказка. У целителей свои, у некромантов свои. Это была единственная сказка для юных инквизиторш. Но преподаватель повторял, что это был просто прием, чтобы девушка не покончила с собой. И никакой любви и брака, разумеется, не было.

— Ты осознаешь разницу в возрасте? — послышался голос. Казалось, диалог его даже забавлял.

— Да, я уже приготовила список книг, которые буду читать вам долгими ночами. Если есть любимые настольные игры, я только за, — ответила я, понимая, что пытаюсь ранить его побольнее.

Меня удивляло спокойствие моего голоса. И то, как Инквизитор пропускает мои ядовитые уколы бессилия, обиды и боли.

— Подумай хорошо, — послышался голос совсем близко. — Очень хорошо. Прямо хорошо-хорошо. Не спеши. Просто остановись и подумай.

Глаза...

Я поняла, почему не хочу смотреть ему в глаза. В них я вижу огонь. Пламя. То, которое пожирает меня и моего дракона в зале суда. Вижу приговор, который зачитывают вслух.

И тут я осознала. Осознала, что я разговариваю со своей смертью. Сидя на одном диване. И моя смерть завершила меня в одеяло.

Потому что у меня ужасно ревнивая смерть. Она ревнует меня к другим смертям.

Но смерть еще не знает, что она — смерть. И что она моя. И эта тайна заставляет сердце биться чаще.

Мне безумно хочется поцеловать свою смерть в сладкие губы. Словно сказать ей поцелуем, что не решаюсь сказать вслух. Признаться в том, в чем никогда бы не призналась.

— Я, наверное, пойду, — как можно бодрее сказала я. И даже выдавила улыбку. — Все хорошо. Мне уже намного лучше. Я обязательно над всем подумаю.

Я попыталась встать, но покачнулась, словно пьяная. Одеяло сползло на пол. И я попыталась через него переступить.

— Сядь, — послышался тихий голос моей смерти за спиной. — Ты думаешь, что бодреньким голосом и фальшивой улыбкой ты меня убедишь отпустить тебя? Ты никуда не пойдешь в таком состоянии. Поэтому. Села. На. Место.

Меня дернули обратно. А я не устояла на ногах и плюхнулась на диван. Раскусил. Обидно.

— И куда ты собралась, изволь спросить? — послышался голос рядом. Он был так близко, что внутри что-то зашевелилось. Его рука накручивала на палец прядь моих волос.

— Глупая фея собирается улететь в свою сказку? — послышался слегка насмешливый голос. — Ах ... и все?

Я его сейчас убью! Мне хотелось плакать от бессилия.

Моего подбородка, с которого еще недавно капали слезы, коснулись пальцы. Они плавно вели мою голову в свою сторону. Я не сопротивлялась. Только в тот момент, когда мой взгляд должен был коснуться его, я просто закрыла глаза.

А потом резко распахнула их! Не просто распахнула, а РАСПАХНУЛА!

Попробуй не распахни, когда чувствуешь прикосновение чужих губ к своим губам. «Не может быть! Я не верю!», — шептал мозг, обложившийся какими-то учебниками, расчетами. «Целуй! Целуй!», — рвалось сердце.

Моя смерть сжала меня в объятиях. Моя любимая смерть... Моя сладкая смерть... Как я жила без тебя?

Только моя смерть мог так целовать. Только от его губ останавливалось время. И переворачивалось

что-то внутри. В любой момент щелчок пальцев распылит меня на сверкающие осколки. Но этот момент еще не настал.

Мою руку осторожно закинули себе на плечо. Разве можно бояться сделать мне больно?

Он целовал так, словно это — последний поцелуй в моей жизни. Словно через мгновение по его приказу меня бросят на костер.

Мне было жарко от губ, скользящих по моим губам, от руки, лежащей на моей талии, от прикосновений согнутых пальцев к моей щеке.

Казалось, вокруг меня пламя. И оно разрастается с каждой секундой. И пожирает меня. Но мне не больно. Мне ... невыразимо прекрасно.

Я вспомнила Иона, который шарил по мне руками, словно мать, купающая ребенка. А потом имел привычку прямо посреди такого поцелуя интересоваться: «Ну как?». Как будто я должна прокашляться и сказать: «Ну, неплохо. Если бы здесь левее, тут правее, тут ниже, а тут выше, то вполне на тройку. Молодец, носи зачетку!».

Пусть даже это не любовь. Пусть даже это слабое утешение. Попытка вернуть меня к жизни. Желанная игрушка, которую дали плачущему ребенку.

Но пламя разрасталось. И я не могла думать ни о чем. Руки сплелись в замок на моей талии. А я понимала, что сейчас сама разлечусь на осколки.

В какой-то момент я действительно умерла. Разлетелась на осколки.

Просто перестала существовать на мгновение.

В эту же секунду я простонала, выдохнула поцелуй и обессиленно упала грудь, пропитанную сладким ядом парфюма. Я все еще задыхалась, собирая себя снова.

Замок рук на моей талии разомкнулся. Я не знала, что со мной. И меня изнутри выжигал дикий стыд. Хотелось зарыться куда-нибудь и сгинуть.

— Какая прелесть, — слышался странный голос в моих волосах. — Нет, я всего ожидал. Но не такого... Так, моя маленькая бессердечная фея, позволь встать...

Я почувствовала, как меня откладывают на диван и поднимают упавшее одеяло. Диван скрипнул.

Он взял мою кружку и налил чай. Я увидела мельком, как сверкнул в его руке маленький стилет. А потом снова исчез. Лишь на мгновение я увидела на нем след крови.

— Пей, — мне подсунули кружку. — До дна. Чтоб я видел.

— Ч-ч-что это? — прошептала я, глядя на кружку. — Опять зелье? Какие-то чары?

— Бери и пей, — слышался приказ. Я осторожно взяла кружку и понюхала. Пахло чаем. Еще раз недоверчиво сунув нос в кружку, я подняла глаза.

Осторожно, словно мне дали яд, я сделала глоток. Не могу понять, что это... Но привкус знакомый. Очень знакомый...

Я сделала еще глоток и почувствовала, что мне становится плохо. Кружка выпала из рук на ковер.

— Это яд... — прошептала я в ужасе. А если не яд, то... Снотворное! Чтобы обыскать мою комнату! Эта мысль прошибла меня ознобом слабости. И я рухнула в темноту.

Глава пятнадцатая. В которой я попадаю в неловкое положение и прощаюсь с Фуфлыжником

Я почувствовала, как меня ловко подхватывают и куда-то несут. Моя голова коснулась подушки. А сверху обрушилось одеяло.

— Спи, нервотреп, — послышался голос. Прохладная рука убрала с моего лица прядь волос.

Внутри что-то кричало, металось, запертое в оковах сна. «Только не комнату! Не надо!», — просила я. А потом провалилась в сон без снов.

— ... и вас это ничуть не смущает? — послышался знакомый голос. Он вывел меня из дремы. И заставил поежиться.

— ... у вас в Академии кто-то настойчиво пытается убить студентку, — снова прозвучал голос.

— Я ничего про это не слышал! Но если вы правы — это возмутительно! Думаю, что я для начала должен вам кое-что пояснить. Это не займет много времени! — послышался голос ректора.

При словах «это не займет много времени» я почувствовала ноющую боль, словно у меня разом заболели все зубы!

— Я лично несу ответственность за каждого студента! У меня, между прочим, процент смертности в Академии самый маленький из всех! По статистике министерства и в рейтинге Магических Академий, наша Академия Магии занимает почетное шестое место! Исключительно благодаря железной дисциплине и низким показателям несчастных случаев, — начал ректор.

— Из семи возможных, — уточнил Инквизитор. — Короче!

— ... и каждый год двери Академии открываются для новых абитуриентов. Которые с радостью поступают в ... нас. Они входят и выходят из нас... А потом снова входят... И это... — сбился ректор.

— Я вас услышал, — ответил знакомый голос. — На девочку покушались уже четыре раза. Первый раз с ифритом. Кто-то стер печать. Я расценил это как случайность. Или хулиганство. Но на заметку взял.

— Не может быть! — возмутился ректор. — Нужно немедленно разобраться! Я сейчас же соберу Академию, и мы будем выяснять!

— Второй раз в столовой. Она, правда, не пришла. И я обратил внимание на ее порцию. Так вот, еда была отравлена. Причем, яд не должен был оставить следов. Третий и четвертый раз в раздевалке. Ее зелье восстановления было подменено. Поэтому я и отстранил преподавателя. В его должностные обязанности входит проверка всех зелий, — донесся до меня голос.

— Да это возмутительно! — слышался голос ректора. — Я не допущу, чтобы кто-то отравил мою будущую невестку! Кстати, я вам говорил, что мой сын твердо решил жениться на ней? И скоро сделает ей предложение? Он уже кольцо купил. Точнее, купил я, а он выбрал.

В этот момент я дернулась, словно ошпаренная. Что? Замуж? Это же... Я не согласна!

— Факт остается фактом. Ее жизнь в опасности. А я не могу допустить, чтобы жизнь ценного свидетеля оказалась под угрозой. Тем более, что она лично сказала мне про то, что знает, у кого находится дракон. И мало того, — Инквизитор взял паузу. — Слышала, кто заказал его. Но пока что она боится за свою жизнь. И отказывается говорить.

— Да не может такого быть! В Академии железная дисциплина! — кричал ректор. — Никто из студентов не пойдет на такое!

— А кто вам сказал, что это был студент? — спросил насмешливый голос. — Вряд ли студент, с вашим уровнем образования, способен был бы на такое.

— Значит... значит это ... преподаватель, — ужаснулся ректор. — Но... У меня все кадры «перетрахнутые»! Я... срать не лягу, пока не убедюсь... ой, убежусь... Вы меня запутали! Не буду уверен, что все в порядке! Я немедленно собираю весь педсостав! И мы начинаем разбирательство! Не хватало мне еще покушений на студентку!

Кресло прошуршало по полу.

— Благодарю вас, ваше Сиятельство, за неоценимую помощь Академии. Не хватало нам тут драконов! И откуда же он взялся? Ума не приложу! У нас после нападения, между прочим, сорок учеников перевелось в другую Академию! На которую драконы не нападали! — жаловался ректор.

— И трое в процессе! Оформляем документы! Наша репутация и так безнадежно испорчена. А тут еще и покушение!

Я слышала, как грозно шуршит его мантия и как звенят ректорские регалии.

— На носу аккредитация всей Академии! А у нас студенты бегут! — жаловался ректор. — И я настоятельно прошу вас снять ограничение на выход из Академии. Отчисленные по собственному желанию студенты не могут покинуть ее! Хотя, уже не числятся!

— Я подумаю. Возможно сниму ее. Надобности в ней больше нет, — послышался ответ.

Дверь скрипнула. И отчетливо закрылась.

Я осторожно спустила ноги на пол. Меня еще качало. Но сон пошел на пользу. Он притупил все переживания. И сделал их подобием удивительного сна.

Меня даже разули. И туфли поставили рядом. Сквозь дырку в носке светился палец.

Сколько же я проспала? Как там мой малыш? Где здесь хоть одни часы?

В зеркале отражалось мятое чудовище в разгар сессии. Волосы всклокочены, все мятое и неизвестно где мой пиджак!

Я вышла из комнаты, одергивая юбку. Пойду, обеспечу себе уголовный срок!

— Вы меня использовали! — бросилась я на Инквизитора едва ли не с кулаками. — Ловить преступника на меня! Как на живца! Дескать, я знаю что-то важное! И ждать, когда настоящий преступник себя проявит! И попытается меня убить! Да кто вам такое позволил! Кто разрешил? Могли бы мне сразу сказать! Предупредить!

— Итого, — улыбнулся Инквизитор, ловя меня. — Неделя. Неделя понадобилась тебе, чтобы догадаться. После этого ты все еще хочешь работать в Инквизиции?

Я чувствовала, как ярость выливается слезами! Еще бы! Я столько пережила, столько перенервничала, а тут оказывается... И мне плевать на руки, которые лежат на моих плечах, пытаюсь успокоить.

— Да ни за что! — дрогнул мой голос. — Да ни за какие пряники! С вами работать? Да никогда! Раньше меня дракон сожрет, чем я соглашусь видеть вас каждый день!

Эта невозмутимость, эта улыбка с ямочкой на щеке, это движение бровей — все это казалось мне предательским. Та снисходительность, которая сквозила во взгляде, казалась мне высшей мерой бессердечия!

— Ну все? Выговорилась? — в голосе послышалась улыбка. — А как же любовь?

— Любовь? — ужаснулась я. Сердце сладко екнуло, вспоминая прикосновение губ и сладкое дыхание. — Вы ее недостойны!

— Неужели? — усмехнулся Инквизитор. Его глаза сощурились.

— Кстати, я уже на сколько уголовных дел наговорила? Ничего, сейчас еще добавлю! Это тоже самое, что подарить любовь... — я скрипела зубами, вспоминая что-нибудь отвратительное и бессердечное. На ум шел тот проклятый дракон, с которого все началось. О, как же я его ненавидела!

— Тому дракону, который напал на Академию! — выпалила я, прищурившись в чужие глаза.

От нахлынувших чувств я прокашлялась.

— Можно любить его сколько влезет! А в него влезет много! И ты, и другие студенты! Ему плевать на то, что напугал нас до полусмерти! Даже если бы всей Академией дружно полюбили его, ему было бы плевать! — сжала я кулаки.

Повисла тишина. Я пыталась собрать мысли в кучку.

— Знаете, — сглотнула я. — Если вы любили бы меня... Если бы я вам хоть чуть-чуть нравилась, то вы бы мной не рисковали!

Эти слова прозвучали, словно гром среди ясного неба. И только потом они показались такими правильными.

— Простите, — бросила я, снимая его руку со своего плеча. — Я не хочу играть в ваши игры! Играйте в них с кем хотите! Забудьте все, что я вам сказала.

— Я вот думаю, когда ты догадаешься... — заметил Инквизитор с улыбкой. Он пристально смотрел на меня.

— О чем?!! О том, что вы — бессердечный? Спасибо, уже догадалась, — выпалила я, идя в спальню. Где-то здесь лежал мой пиджак. А, вот и он!

Я взяла его со спинки стула и просунула в него руку. Дверь резко отворилась. Причем, без стука. Аккурат в тот момент, когда я выходила из чужой спальни, одеваясь на ходу.

— Вы просили занести вам все личные дела преподавате... , — у ректора с носа съехали очки. Он выронил какие-то бумаги из рук. И они рассыпались по полу.

Я обернулась назад, глядя на чужую разобранную кровать и сброшенную на пол подушку, посмотрела на себя в зеркало и поняла. Кажется, я сегодня меня бросил парень. Он пока еще не знает, но скоро узнает.

Абсолютно спокойно и решительно я отодвинула ректора и вышла в звенящий голосами коридор. С каждым шагом меня отпускало.

Я чувствовала, что наговорила лишнего. Если бы не случайно подслушанный разговор, то я бы ни за что не догадалась, что меня пытаются убить! И все благодаря ему... Хотя, он и не обязан!

Чтобы успокоиться, я встала возле одинокого окна. Позади меня сновали студенты и преподаватели. Судя по расписанию — последний урок.

Вцепившись руками в подоконник, я смотрела на голубое весеннее небо.

— Ну что ты, моя бессердечная фея? — послышался голос.

Окно растворилось, а я, словно, стояла в пустоте. Чьи-то руки обняли меня.

— Ты все специально подстроил, — выдохнула я едва слышно. — И встречу с ректором... Ты знал, что он зайдет через...

— Разумеется, — послышался голос. А я ощутила поцелуй там, где волосы переходят в шею. — Я же сказал тебе, что я — страшный человек. Я же предупреждал мою маленькую фею...

Я дернулась, а наваждение спало. Позади меня никого не было. Кроме потока студентов, спешащих на последний урок.

«Почему не здороваемся, Блэкмарш?», — послышался позади строгий голос мисс Винс. Она спешила, прижимая к себе кожаный блокнот.

— Последнего урока не будет! — слышался голос целителя. — Самостоятельно прочитать двадцать шестой параграф!

— Ура!!! — слышалось из аудитории. А следом топот счастливых ног. Урока не будет!

Я бросилась в свою башню, растворяясь в портале. Положив руку на дверь, чтобы снять заклинание, я остановилась. Три из четырех печатей были взломаны. Кто-то пытался открыть мою дверь! И сломал три из четырех замков!

Дрожащей рукой я открыла последний замок. И влетела в комнату, закрываясь на все возможные заклинания.

Комната превратилась в ад крошечный. Ни одной целой полки, ни одной целой вещи. Такое чувство, что у меня живет не один дракон, а целое стадо! Стадо маленьких любопытных драконов, решивших познать мир. И уничтожить его заодно!

Разбитая тарелка валялась посреди комнаты. Большая котлета исчезала под кроватью.

— Чав-чав! — послышалось из-под кровати.

— Вкус-сно тебе? Да? — заурчала я голодным желудком. С утра я ничего не ела. Поэтому чувствовала себя неважно. Не стоило отказываться от пирожных. Ой, не стоило.

Я подошла к зеркалу и почувствовала, что мне стыдно. Мне казалось, что через два часа на обгоревших руинах Академии ректор будет рапортовать что-то вроде: «Возгорание началось от ушей Ангелизы Дэй. И мы боролись с огнем целый час! Жертвы исчисляются сотнями!».

— Вот кто это сделал? — спросила я у виновника генеральной уборки. — У кого шило в чешуйчатой попе! Так, попу к досмотру!

Я отловила дракончика и стала проверять. Все в порядке. На меня обиженно «пуфнули!», вырвались и полезли обратно за котлетой.

— Что же нам с тобой делать? — прошептала я, присаживаясь на кровать. Со стены упала полка. — Кто-то пытался попасть в комнату во время уроков. Хорошо, что я сделала четыре заклинания! А не стандартные три. Вот как чувствовала!

На меня смотрели жалобные глаза Фуфлыжника, который вскарабкался вместе с котлетой на подушку. Еще бы! Одно дело есть жирную котлету на полу или в тарелке, а совсем другое на мягкой подушечке. Чтобы попе было мя-я-ягенько.

Дракончик пытался всем видом показать, что растерзает любого, кто войдет. Главное завалить, а там — затопчет.

Я рассеянно гладила его по голове. И соображала, как поступить.

Возле двери был целый ряд свеженьких мин. Некоторые из них шелестели фантиками. Готовился держать оборону! Даже трупы кукол выложил. Для устрашения.

— Малыш— малыш, — вздохнула я. — Что же нам делать?

За окном послышался шелест. Я подошла и распахнула окно. Медленно, словно сгорая в воздухе, таяла магическая защита.

— Сейчас или никогда, — прошептала я, чувствуя наконец-то настоящий свежий ветер. — Мне плевать, кто там хочет меня убить. Я даже всех преподавателей не знаю. И если так покрутить, то живой детеныш дракона может быть нужен кому угодно! От экспериментов до зелий!

Я положила Фуфлыжника на кровать, достала из сундука старый плащ и сумку.

— Пойдем, погуляем. Мама разрешит полетать, — прошептала я. Но мой голос дрогнул. Главное — не расплакаться. Так или иначе, дело принимает серьезный оборот. И Фуфлыжнику нельзя здесь оставаться. Может, настоящие мама с папой уже ищут его...

Малыш доедал свою котлету, отвернувшись от меня и грозно урча. Он придерживал ее лапой и ворчал. Если переводить с его языка, то это что-то вроде: «Получай рыцарь! Больше не будешь нападать на мою пещеру! Ом-ном-ном!».

— Пойдем, — прошептала я, видя, как малыш прячет остатки котлеты под подушку. И сыто отрыгивает дымком. — Потом доешь!

Это вылетело машинально! И я стиснула зубы, зная что никакого «потом» не будет.

Пока все преподаватели в сборе, у меня есть шанс вынести Фуфлыжника из Академии. И тем самым спасти ему жизнь. Рано или поздно до нас доберутся!

Я смешалась с группой боевых магов, направляющихся на самостоятельную практику за пределы учебных корпусов. Если что, скажу, что изучала зелья, и мне не хватило ингредиентов. Или решила попрактиковаться перед экзаменом.

Опустив голову и сливаясь плащами, я незаметно миновала наш парадный вход. Боевые маги свернули направо, а я бросилась налево. Через десять минут я была уже достаточно далеко.

— Фух! — привалилась я к отсыревшему дереву. Дальше лес становился мрачнее и гуще.

Осторожно вывалив из сумки Фуфлыжника, я достала из кармана котлету. Она осталась на столе, тем самым спаслась от растерзания.

— Смотри, что у меня есть! — наигранным голосом произнесла я, выкладывая ее на талый снег. — Послушай, малыш... Я...

Я помотала головой, чтобы отогнать подступающие слезы.

— Я не самый сильный маг... И я не смогу тебя защитить... Понимаешь? — прошептала я. Котлета была проигнорирована. А на меня смотрели желтые непонимающие глаза с иголочкой зрачка.

— Прости меня, малыш, — проглотила я ком в горле, глядя маленькие, недавно проклюнувшиеся рожки. — Мама не всеильна... Увы... Но мама очень-очень любит тебя. И будет скучать...

Мне страшно было отпускать его в лес. Но здесь безопасней, чем в Академии. Возможно, он будет звать настоящую маму. Та его услышит и прилетит.

Я не выдержала, схватила Фуфлыжника, обняла его и прижала к груди.

— Пуф! — послышалось удивленное возле уха.

— Знаю, малыш... Я поступаю неправильно. Но ... здесь нет правильного решения, и... — я захлебнулась слезами и посмотрела на небо. А вдруг над нами случайно пролетает мама?

— Я люблю тебя,— прошептала я, тяжело вздыхая. — Прощай. Так хоть у одного из нас есть шанс выжить. У тебя, малыш...

Я посадила дракона его возле котлетки. И резко развернулась, чтобы не передумать. Сделав несколько шагов, я услышала крик. Сначала я не поняла. А потом... Потом раздался детский голос: «Мама!!!».

— Что? — обернулась я.

Он назвал меня мамой! У меня даже сердце екнуло.

За мной бежал маленький дракончик. Отчаянно, спотыкаясь об ветки и коряги, он бежал в мою сторону на кривых когтистых лапках.

— Мама! — кричал он, открыв пасть. — Мама!!!

Я стояла, открыв рот. А малыш уже вцепился в мою ногу.

— Мама!!! — кричал он человеческим голосом. Я как стояла, так и присела в сугроб.

— Не уходи! — произнес малыш, забираясь вверх по ноге. — Мамочка, не надо!

Я рыдала так, как не рыдала никогда в жизни. Маленькие коготочки крепко держались за меня. А я обнимала, что есть силы. Мне до сих пор не верилось, что эта маленькая чешуйчатая задница умеет разговаривать!

— Ты умеешь говорить? — сквозь слезы спросила я, глядя на малыша. — Почему ты раньше молчал?!!

— Ты меня понимаешь! — послышался голосок, похожий на голосок трехлетнего ребенка. — Мама меня понимает!

Я не могла понять, что произошло. И с каких самых пор я понимаю дракона. Но больше всего меня смущало то, что они... разумные!

— Мама меня бросила, потому что я плохой? — послышался полный отчаяния голос.

— Как ты это делаешь? Почему я тебя понимаю? — удивилась я, пытаюсь поверить собственным глазам и ушам. Все эти рычания и «фуф!» становились словами, которые я понимала.

У драконов есть язык.

Мне казалось, что я сошла с ума. Такого не может быть! Я ни разу не читала, чтобы кому-нибудь удалось поговорить с драконом! У меня в голове не укладывалось.

— Моя мама, — послышался жадный детский голос. А меня обняли крепко-крепко. И я разрыдалась, как маленькая девочка.

— Маленький мой, — прошептала я, тиская малыша изо всех сил. — Ты понимаешь, что в Академии опасно? Что тебя хотят убить? И... и...

— Мама! — плакал голосок, от которого вздрагивало сердце.

Я втянула сопли и поняла. Бросить его одного в лесу я не могу. Пусть это был бы и призрачный шанс на спасение, но...

— Пойдем домой, — улыбнулась я, открывая сумку.

— Не хосю! — выдал гордый победитель носков и испепелитель тапочек.

— Придется! — я старалась проявить строгость. — И ты должен сидеть тихо!

— Не хосю! — заявил мне гордый ребенок. И демонстративно пыхнул в сторону сумки. Он хотел

ехать у меня на голове. Широко расставив крылья.

Минут десять я бегала за ним с сумкой. И уговаривала залезть в нее. В итоге я поймала его и засунула поглубже. За это меня попытались обеспечить первым боевое ранение.

— Сиди тихо, — прошептала я, направляясь в сторону Академии.

— У меня попа чешется! — бухтела сумка. — Я ножку отсидел! А еще у меня в носу колется! Я кушать хочу! Я пить хочу! Я хочу «а-а!».

И все это одновременно!

— Тише, — прошептала я, положив руку на сумку. — Не разговаривай!

— Хочу «а-а!» — настойчиво требовал голосок.

Я переживала, что кто-то услышит его. Но боевые маги, с которыми я возвращалась обратно, не обратили никакого внимания. Они обсуждали чью-то оторванную руку. Вот такие суровые у нас ребята!

— Всем пока! Преподу не говорите! — послышался голос обладателя оторванной руки. Он помахал своей рукой в руке и направился в целительскую.

— Мама я скоро «а-а!», — ныл дракон, намекая, что сумку придется стирать. Делать «а-а!» в сумку он отказывался.

Мама ускорила шаг. Мама спешила, пока сумка не обзавелась ценным ингредиентом. Два раза я наткнулась на студентов. Один раз разбила влюбленную парочку.

— Это плохая примета. Нам лучше расстаться, — послышался голос, когда я исчезала за поворотом.

Портал не работал. Вокруг него собралась целая толпа. Все были возмущены до нехороших слов. И проклинали бедолагу, который застрял в нем.

— Мама! — в голосе было страданий, сколько я не слышала никогда. — А-а!

Ну да, а то мама забыла! Разве тут забудешь? Мама снова свернула за угол и стала взбираться по лестнице.

— Не-не-не туда! — возмутилась я, видя, как лестница меняет направление и ведет меня в другую сторону. В зале Почета набилась экскурсия из любопытных первокурсников. Призрак, обитающий в зале Почета, рассказывал про Академию.

— Мама!!! А-а!!! — требовал дракончик, пока я прикидывала с какой стороны обойти наивную толпу.

— Академия славится вежливостью и ... — продолжал призрак. — Да, старшекурсник?

— С дороги! Брысь! — распахивала я непонятливых детишек. — Кыш, малышня! А? Да-да! Мы очень вежливые!

Взлетев по еще одной лестнице, я сбила сразу двоих второкурсниц. Я уже не шла, а бежала. Еще немного!

— МАМА!!! — послышался горестный крик.

Мама перешла на сверхскорости. И долетела до своей двери в два хищных прыжка.

— МАМА!!! — пищал дракончик. — ВСЕ!

— Что все? — удивилась я, наспех снимая заклинания. И обжигая руку об собственную защиту.

— Я перехотел, — обиженно пыхнул в сумке Фуфлыжник.

Я едва не стекла по двери вниз. Перехотел он! Хотелось плакать и ...

— Привет, — послышался голос за спиной. Я резко обернулась, глядя на Иона. «Кто там? Кто там?», — зашевелился Фуфлыжник. Я вовремя прижала сумку рукой и заправила ее за спину.

— А... Приветик! — изобразила я улыбку. Всем видом я намекала, что это означает еще и «покакашечки!».

— Решил заглянуть к тебе. Слышал, что тебе стало плохо на допросе, — послышался голос Иона. Он поджал губы. — Знаю, сам сидел на допросе. В Маккаленда он вообще папку швырнул.

— За что? — спросила я. Я попыталась представить, что могло разозлить Инквизитора до такой степени, что он нарушил главное правило! И этический кодекс следователя!

— Да он про тебя что-то наплел. Дескать, ты ... ну ты поняла, — смутился Ион. — Короче, перевстречалась со всеми в Академии. Ты знаешь шутки Маккаленда! У него все такие!

Меня прижали к себе, обнимая. Я сложила руки на груди Иона «воробышком» и не обняла.

— Ай! — внезапно послышался голос Иона. — Меня что-то укусило!

Он стоял и смотрел вниз. А потом стал отряхивать штанину на бедре.

— Эм... Мне пора! — занервничала я, видя, как прячется мордочка в сумке. Довольная. «Кусь!», — послышалось довольное из сумки. С чувством хорошо исполненного долга Фуфлыжник требовал продолжения. Я попыталась спрятать его рукой.

— Что у тебя в сумке? — спросил Ион, заглядывая мне за спину с высоты своего роста. — Оно шевелится!

— Совесть! — отмахнулась я, пытаюсь спрятать от него сумки. — Шевелится и кусается!

— Погоди! Это же... — красивые глаза Иона расширились. Он тревожно посмотрел на меня. Я бросила взгляд на дырку, откуда торчала драконья мордочка. — Это же... дракон!

Глава шестнадцатая. В которой у дракона появляется «папа»...

Минута тишины заставила меня перебрать сотни вариантов оправданий. От банального «тебе показалось» до «любимый, я сейчас все объясню!». Ни первый, ни последний, ни все остальные варианты меня не устроили.

Был вариант стирания памяти и оглушения. Но беда в том, что я могу переборщить. И неизвестно, сколько памяти я сотру. Ректор первым забудет тревогу. Память восстановят. И тогда всплывут воспоминания о драконе.

— Заходи! — толкнула я Иона в комнату.

Дверь закрылась так, словно я собралась насиловать некроманта! И мне не нужны свидетели этого действия. Потому, что я скромная и очень стеснительная девушка!

— Попробуй кому-то сказать, — прошипела я, прижав некроманта к двери. Для этого понадобилось встать на цыпочки. — Еще раз! Попробуй кому-нибудь сказать!

Я даже сощурилась для убедительности.

— Ты что? Думаешь, что я прямо сейчас побегу всем рассказывать? — отпрянул Ион, сдувая седую прядь волос.

— Клянись! — наседала я, осматриваясь по сторонам. — Клянись, что никому ничего не скажешь! Магическая клятва!

— Чем? — распахнул красивые глаза Ион.

— Работоспособностью того, что у тебя в штанах! — процедила я. В клятвы мужчин «мамой», «здоровьицем» и «жизнью» и прочими приятными вещами я не верила.

— То есть, ты мне не доверяешь, — обиделся Ион. Он заправил волосы за спину. — Хорошо, клянусь! Клянусь, что никому ничего не расскажу и не напишу!

— Отлично, — выдохнула я, вытряхивая из сумки Фуфлыжника.

— Откуда он у тебя? — спросил Ион, присаживаясь на кровать.

— Нашла. В лесу, — ответила я, глядя на то, как Фуфлыжник царапает мне ногу. — Во время практики. Так, кто на стол полез?

— Дракон — это круто! — заметил Ион, рассматривая Фуфлыжника. — Ты прикидываешь, за сколько его можно продать на черном рынке? За детеныша, живого, дают целое состояние!

— Что?!! — обернулась я. — Так, это — мой дракон! Мой! И продавать его я не стану!

— Денег хватило, чтобы осуществить нашу мечту о собственной группе! Отец сказал, что ни золотого не даст. И сказал, что уже договорился в министерстве, чтобы меня взяли в отдел по контролю за кладбищами, захоронениями и прочей... Ну на, кусай, — заметил Ион, играя с Фуфлыжником. — Ууу, зверюга!

— А посидеть в министерстве и заработать на мечту? — предложила я, снимая плащ и сворачивая его комом.

— Там платят копейки, — закатил глаза Ион, дразня разъяренного Фуфлыжника. — Мне придется работать лет десять, чтобы скопить эту сумму!

Они играли на моей кровати. Я оседлала стул. Сердце до сих пор гулко стучало. А я не могла привыкнуть к мысли, что в тайну пришлось посвятить еще кого-то.

— А-а! — потребовал Фуфлыжник. Я выдохнула и сняла его с груди Иона. Высадив малыша в коробочку — девственницу, я стала ждать результата.

— Умм.... — простонал Фуфлыжник, рассматривая обрывки бумаги. Не царское это дело гадить в коробочку! Ой, не царское.

— Хорошо! — сдалась я, высаживая его в центре комнаты на лист бумаги.

— Ыы, — мучился малыш. — Не-а!

Я сгребла все украшения разложила их вокруг. «Ыыы!», — выдал ребенок, грозно насупившись и расставив крылья.

Теперь я точно знаю. «Нападающий дракон» на первой странице учебника был ... хм... немного занят. И даже не думал ни на кого нападать! В этот ответственный момент он и не помышлял нападать.

— Не-а, — слышался выдох малыша. — Перехотелось!

Он повернул еще четыре круга в центре комнаты.

— На, — вздохнула я, доставая из шкафа самый красивый свитер. И дорожный! Но даже соблазнительный ценник, который я забыла снять, не прельстил «а-а!».

— Ты посмотри, сколько он стоит, — уговаривала я Фуфлыжника. И показывала ценник. — Я сама при виде цены обделалась! Ну... Ты как? Хорошо, меряем в котлетах. Это тысяча котлет! Тысяча!

— Прикольный, — улыбался Ион, глядя на мои уговоры. — Никогда не думал, что драконы такие забавные. А прикинь, вымахает, что дальше с ним делать? Хотя стой! Его можно использовать на концертах! Только представь! На последней песне вылетает дракон! И летает над зрителями! Зрители будут в шоке. Только его дрессировать надо! Первый дрессированный дракон! Это же круто!

— Да, а кто-то из зрителей пытается его убить! Зовут инквизицию! — возмутилась я, прибираясь в комнате. «Хоть бы он никому не проболтался! Хоть бы никому не сказал! Есть магия, которая может снимать клятву... Сильная магия... », — думала я, дрожащими руками собирая учебники в стопку.

— Морда... — улыбался Ион, глядя дракончика по рожкам. — Красавец! Ам! А если я тебя укушу? А? И не надо мне тут пыхтеть!

Я обернулась и нервно улыбнулась. Ион улыбался. Фуфлыжник прыгал у него на груди и пытался откусить ему нос.

— Что он ест? — спросил Ион, ловя дракончика рукой.

— Пока мои нервы, — ответила я, чувствуя, как расслабляюсь. Не все так страшно. Мне казалось, что будет страшнее.

— А в будущем? — спросил Ион, ловко отбиваясь от малыша подушкой. На черном бархате формы некроманта остались белые перья. Волосы спутались, а Ион прятался за подушкой.

— Тех, кто задает глупые вопросы, — ответила я, ловя чешучатую попу. Попа решила упасть с кровати и сломать хвост. Голова поняла, что затеяла предательская попа и всячески пыталась спастись.

— Попался! — рассмеялся Ион, ловя малыша. «Пуф!», — выдала игривая попа и...

— Ну тебя, — сморщился Ион, глядя на свои колени. — Так, иди к маме! Все! Достаточно!

Очарование спало. Мне в руки вручили дракона. Ион заклинанием убирал «а-а!».

— Попалась! — слышался голос, пока я мыла драконью попу. По крики: «Ма-а-а! Я большой!». Ион не понимал ни слова.

В этот момент я почувствовала, как меня обнимаю сзади.

— Ион, прекрати! — потребовала я, прижав Фуфлыжника. — Мы ждем до выпускного!

Я упала на кровать, спустив с рук дракона.

— Иди ко мне! — слышался голос Иона. А меня прижали к себе.

— Выходи за меня, — слышался голос. А перед моим носом появилась коробочка.

— Слушай, а более торжественной обстановки ты придумать не мог? — дернулась я, глядя на бархат коробочки.

— А когда? — спросил Ион. — На выпускном? Да там сразу шестеро будут делать предложение!

— Я... я... должна сказать тебе, — промямлила я, пытаюсь выбраться из чужих объятий. Сказать: «Послушай, я не люблю тебя!» человеку, от которого зависит твоя жизнь, я боялась.

— Это так неожиданно, — заметила я, глядя на сверкающие грани камня. — А можно подумать?

— Думай, — слышался голос Иона. А он прикоснулся губами к моим губам, поворачивая мое лицо к себе. — Я люблю тебя... Ангелиз, я люблю тебя...

Я вспоминала упоительную сладость другого поцелуя. И всем сердцем хотела верить в то, что когда-нибудь в моей жизни будет еще один такой же. Но не знала, как сказать об этом.

Что можно сказать парню, который целует тебя, даже не интересуясь твоими чувствами?

— Пуфти, — потребовала я, понимая невыносимость пытки сравнения.

Поцелуи стали сильнее. Через минуту он обхватил руками мое лицо, и его взгляд перестал быть дружелюбным. Теперь в нем появилась страсть и нетерпение. Если бы я могла, я закрыла бы глаза, но это было невозможно.

И тут краем глаза я увидела, как Фуфлыжник карабкается по кровати. В глазах его горел счастливый огонек. Огромные глазюки с черточкой зрачка жадненько смотрели на кольцо. А потом на нас. Мол, вы тут целуйтесь, целуйтесь!

— Ууууу! — возмущалась я, пытаюсь отстранить нетерпеливого «жениха». Фуфлыжник схватил коробочку, оставленную на кровати и уронил ее на пол.

— Уууу! — требовала я прекратить эту слюнявую пытку. Скосив глаза на нос, я уперлась руками в грудь Иона.

— Касивое! — послышался голосок. Бдзень! Кольцо покатилося по полу и... Фуфлыжник его взял в пасть. Он собирался отнести его к своим сокровищам. Как вдруг споткнулся и...

— Кхе! — выдал малыш, растеряно пытаюсь понять, где же колечко. Оно же только что было здесь? А куда оно могло деться? — Ик! Ик!

Ион отлип. Мне казалось, что Ион знает наизусть весь магический трактат о любви. Только в его экземпляре не хватает первых страниц. Где написано, как правильно целоваться и как соблазнять девушку.

— Все! — дернулась я, бросаясь к малышу. Красная коробочка валялась на полу. Фуфлыжник сосредоточенно икал.

— Выходи за меня, — поймал меня Ион.

— Ион, я не хочу пока замуж и... — виноватым голосом заметила я. — Замужество — это ответственность... Понимаешь... Я как представляю... Дети и все такое... Ты действительно этого хочешь?

— Ну да, — пожал плечами Ион. — Не понимаю, что с тобой? Ты что? Отказываешься?

— Я просто... — замялась я, видя, как Фуфлыжник лезет икать под кровать. — Я просто не готова. Вот и все.

Из Иона получился бы отличный отец. И какая-нибудь девушка будет с ним счастлива. Обязательно будет...

— Кхе! — выдал Фуфлыжник, вылезая из-под кровати. На полу лежали остатки котлеты, слюни и колечко.

— Соглашайся. Ты, я и ... ну так и быть! Дракон, — усмехнулся Ион. — Будем жить втроем. Интересно, а он трупам питается? Или как? Нет, надо я накопаю!

— Нет, Ион, — ответила я, осторожно поднимая кольцо вместе с остатками котлеты. И вкладывая его в коробочку. — Я так не могу. Я не хочу подвергать тебя риску. Понимаешь? Ты же пойдешь, как сообщник, если инквизиция...

От этого слова в груди начался пожар. Сладкое пламя пожирало сердце изнутри.

— ... эм... На чем я остановилась? А! Ну тебе, короче, тоже светит срок. Возможно, пожизненное. За то, что укрывал, — ответила я. — Так что я думаю, что дотерплю до конца экзаменов, потом сниму дом в горах. И ... Но ты сможешь меня навещать!

Ага, конечно! Ноги его не будет в моем доме!

— Ладно, не хочу тебя торопить, — улыбнулся Ион и поцеловал меня в лоб. Брррр!

— Я просто боюсь за тебя. В Академии инквизиция, — соврала я, глядя на то, как Фуфлыжник пытается сбросить со стола коробочку и пробует ее на зуб.

— Все, выдыхай! Он уехал! — радостно заметил Ион.

— Как уехал? — опешила я. — Когда?!!

— Пару часов назад, — пожал плечами Ион. — Там какого-то маньяка — чернокнижника повязали. В столице промышлял. Это я так. Краем уха слышал разговор с отцом. Сказал, что пару дней его не будет. Он либо сам вернется. Либо пришлет кого-то.

«Уехал... Уехал....», — стонало сердце. И разрывалось на части. Даже не попрощался. Я должна была радоваться, но мне хотелось плакать! Он просто взял и уехал! Еще бы... От обиды сдавило грудь. Просто какая-то студенточка... Ну влюбилась, ну и что? Польстила самолюбию!

— Ладно, наверное, отец тебя обыскался, — выдавила я улыбку. В зеркале я напонила морщинистую косточку персика. Ком невысказанного застрял в горле.

— Мы с ним разругались, — махнул рукой Ион. — Пусть ищет! Хотя...

Ион задумался и встал с кровати.

— Давай, до завтра, — меня поцеловали в губы коротким поцелуем. — И ты пока!

Он помахал Фуфлыжнику рукой. Но дракону было плевать. Он доедал принцессу. Из пасти у него торчало две стройные кукольные ноги и юбка.

— Пока, кому говорю! — рассмеялся Ион, приседая рядом с сосредоточенным малышом.

«Ах, отстаньте! Не видите, я занят!», — всем видом подчеркивал диктатор условий и истребитель тапочек.

— Эй! — Ион пощекотал Фуфлыжнику место, где попа переходит в хвостик.

— Фто! — послышался голос. Дракон обернулся. Слюнявая и жеваная принцесса вывалилась на пол.

— Пока! Не скучайте! — улыбнулся Ион, пытаясь отобрать принцессу. Но Фуфлыжник был настоящим мужчиной. И сражался за нее до конца.

Я закрыла дверь на все заклинания. Магические печати вспыхнули и тут же погасли. Привалившись плечом к двери, я сжала губы дрожащей ниточкой.

Мне казалось, что такого горя сердце просто не переживет. Я вспоминала каждое мгновение, невыносимо мучительное и прекрасное.

— Жаль, что это прошло, — глубоко вздохнула я. — Но ...какое счастье, что это было.

И я улыбнулась сквозь слезы. В жизни каждой студентки магической академии должна быть роковая любовь. Чтобы было о чем писать в женских туалетах послания кровью разбитого сердца.

— Жаль, что это прошло, — снова глубоко вздохнула я. — Но ...какое счастье, что это было.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я уселась с ногами на кровать и стала чинить меч. Мне просто нужно было занять чем-то мысли и руки, чтобы не думать о том, как они прикасались к ... О, дракон! Да прекратится это когда-нибудь?!!

— Но в моей жизни есть единственный мужчина, ради которого стоит жить дальше, — вытерла я слезы обиды на судьбу.

— Хрум-хрум! — отдавалась принцесса дракончику, широко раздвинув ноги и задрал кружевную юбку.

— Чав-чав! — ухаживал за принцессой юный пылкий и чешуйчатый кавалер. Его интересовала верхняя часть принцессы куда больше, чем нижняя. Хотя, в сказках, у драконов все наоборот.

Ухаживания завершились торжественным хрустом. Так из одной принцессы у Фуфлыжника оказались целых две! И он не знал, какую выбрать. Левая ему нравилась больше. Правая была мясистей на его взгляд.

— Ом-ном-ном, — соблазнял правую половину принцессы Фуфлыжник. На очереди был почти девственный принц.

Я взяла книгу со стола, пытаясь выяснить каком возрасте у малышей режутся зубки. «Все зависит от вида дракона!», — в один голос утверждали ученые. И я полезла смотреть виды.

На яркой страничке были нарисованы самые яркие и яростные представители драконьего племени. Раздел назывался: «Пощекотать нервишки». Я в ужасе листала список драконов, которые когда-то

хищно и радостно порхали над нашим миром.

И тут мне стало ужасно стыдно. Имя Фуфлыжник — не самое подходящее имя для дракона. Конечно, можно было добавить что-то пафосное. Вроде Фуфлыжник Смерть с Небес. Или Фуфлыжник Нагибатор Мира.

Воображение нарисовало огромного дракона. «Запомни мое имя, смертный!», — басом говорит дракон. — «Фуфлыжник Мамина Радость! И другим скажи!». «Ииии-ха-ха-ха!», — поддыхает от смеха чародей. И утирает слезы истеричного смеха.

Чувство неловкости захлестнуло меня. «На город налетел Фуфлыжник!», — прищуривались горожане в небо. И делали руки козырьком.

Нет! Нужно дать малышу хорошее драконье имя!

— Гердра Пламя Черных Год, — заметила я огромную жуткую серую тварь. И присмотрелась к Фуфлыжнику. Тот смотрел на меня взглядом: «Мама! Мы не такие!». А из пасти его торчала пакля волос принцессы.

— Ой, это девочка, — перелистнула страницу на Бриулдрогга Дрожащее Небо. «Этот! Как его летит! Бу... га-га... Короче, ну вы поняли!», — переглянулись все те же горожане. Где-то бежал бдительный очевидец: «Летит ... Бу-бу-були... Брил... Короче, кто-то летит» Прячьтесь, кто может!!!».

Выплюнув голову, маленький любитель принцесс решил поиграть с игрушечным замком. Он когда-то тоже стоял на полке. А теперь валялся на полу. Замок был большим. И Фуфлыжник принялся его штурмовать. Всей тушкой. Он неловко взлетал и шлепался на замок. Так было выяснено, что основной урон наносит попа. И лоб. Если идти на таран.

— Терренгард Ужас Севера, — перелистнула я страницу. И увидела что-то знакомое. Я посмотрела в окно и дернулась. На мгновение мне показалось, что комната лежит в руинах, я прижимаю к себе Фуфлыжника. А за окном нависает жуткая тень, крушащая все вокруг.

— Бррр, — поежилась я, вспомнив мелькнувший в разбитом окне хищный глаз. — Неужели его никто не прикончил?

Я захлопнула книгу и бросила ее на стол к мечу. Одеяло поползло на плечи, пока я искала себе норку среди порванных подушек. «Я больше никогда никого не полюблю. Обойдетесь!», — обиженно пробурчала я, обнимая саму себя.

Мне категорически не спалось. Я вертелась и так, и эдак.

— Ну вышла бы за него замуж, — убеждала себя я. Хотя это ни капельки не помогало. — Ну буду ему заклинанием носки стирать, по дому собирать. И готовить на скорое заклинание.

«Волшебную палочку пососешь!» — огрызалась я в полсне-полуяви. А кто-то очень похожий на Инквизитора гремел кастрюлями и облизывал чистую ложку. В надежде тронуть мое черствое женское сердце. Я даже била посуду. Кричала и топала ногами.

А потом сдалась. И поняла, что пронесу это чувство через всю свою жизнь. «И перед смертью выброшу его на помойку!», — поддакнул разум. «Люблю — умираю!», — ныло сердце, обещая разорваться еще десять минут назад.

Фуфлыжник Мамина Радость уже вытянул свитер из шкафа и устроил себе гнездо. Потом передумал и вытянул второй. «А здесь я буду какать!», — сообщил детеныш, укладываясь спать.

— Мама! — послышался голосок. На меня словно потолок обвалился!

Что? Где? Как?

Я резко открыла глаза, чтобы тут же закрыть их.

— Ма! — скакал по мне Фуфлыжник Мамина Радость. — Ма-а-а!!!

Я снова открыла глаза. У меня совесть еще спала. А у Фуфлыжника она и не просы...

Что это? Я насторожилась. В тишине комнаты послышался легкий треск. Я скрипнула кроватью и села, снимая с себя дракона. На двери тусклым светом вспыхнула печать. Послышался треск, и печать стала крошиться блестками. И осыпаться на пол сверкающей пылью.

Следом вспыхнула вторая, начиная трескаться точно так же... Я почти бесшумно опустила ногу на пол, прижала к груди Фуфлыжника и стащила со стола меч.

Под двери пробежали голубые волны света. Осталось две печати, которые удерживают тайну от непрошенных гостей.

Глава семнадцатая. В которой мы пытаемся сбежать...

— Инквизиция, — расширились мои глаза.

В этот момент я почувствовала себя внебрачной дочерью клевера и подковы, внучкой всех счастливых талисманов и в целом очень везучих личностей.

— Не думаю, что нужно оставлять ее в живых... — послышался тихий голос, когда я потянулась за стулом, в надежде спрятать дракона. — Несчастный случай...

Мне казалось, что у меня есть еще минут десять. Но предпоследняя печать осыпалась почти сразу. Подмигнув мне на прощание остаточной магией.

Фуфлыжник был уверен, что это к нему! К кому еще могли прийти в мою комнату? Ко мне? Да вы что! Только к нему!

Воинственная Мамина Радость был уверен. Пришли любимые котлетки! Только они пока еще не котлетки, но скоро мама скоро все исправит. Накрутит из них много вкусных котлет! Да! Вот такая у нас сильная и непобедимая мама! Которая знает, что будет дарить на драконью свадьбу. Мясорубку.

Мама так не думала. У мамы тряслись руки. И немного колени.

— Полезай, — шептала я, сидя на корточках в туалете. Как хорошо, что я не заделала этот лаз! Видимо, раньше это был «бельепровод». Ведущий в старую прачечную.

Фуфлыжник вцепился в руку и отказывался спускаться без мамы.

— Мама скоро придет, — врала я упрямому дракону. — Мама тебя не бросит...

— Мама, — возмущался малыш, намертво вцепившись в меня. Он жалобно заглядывал в глаза.

Обычно супермаги из книг говорят очень уверенно. У них не катятся градины горячих слез. И не текут реки соплей.

И я впервые увидела, как из янтарного глаза течет что-то похожее на слезу. Слеза упала драгоценным камнем на пол. Дзень!

— Не плачь, — гладила я молоденькие, едва проклюнувшиеся рожки. — Давай-давай... Шевели хвостиком... Вылезешь — прячься. Никому не показывайся... А потом выбирайся из Академии. Понял?

— Мама! — меня укусили, когда я попыталась затолкать малыша в спасительный лаз. — Без мамы не хочу!

— Милый, времени нет, — шептала я, яростно пытаюсь отцепить от себя малыша. — Мама потом догонит!

— Нет! — протестовал Фуфлыжник. Он прижался к руке и закрыл глаза. — Мама!

Дверь дрогнула. Я выдохнула. Фуфлыжник сам полез в сумку.

— Ладно, держись! — дернулась я, выходя из комнаты. Дверь покрылась магическим инеем, а потом осыпалась.

Сердце считало: «Три, два, один!». Занесенный меч дрожал в напряженных руках. Почему во время занятия нам никто не сказал, что руки будут дрожать? Почему никто не сказал, что язык будет заплетаться?

Дверь распахнулась. В комнату влетели люди в черных мантиях с капюшонах.

— И вам доброе утро! — закричала я, вбивая меч в центр комнаты. От меча пробежала волна силы. Она покачнула старинную башню.

— Ух! — прокатился по комнатушке жуткий гул силы.

Меня саму отмело к столу. Я едва не потеряла равновесие. Зато ударная волна вынесла их из комнаты. А кого-то поприбивала к стенам вместе со стулом и моими вещами.

Я бросилась в ванную, бросая малыша вместе с сумкой в тайный ход.

Сумка скатилась вниз с шелестом. Вот так мама обманула! Мамы тоже иногда обманывают!

— Это что еще за магия! — слышался мужской голос.

Сердце предательски екнуло. Нет, не его.

Все, теперь ни на жизнь, а на смерть. Руки дрожали, пока я вспоминала заклинания. Мысли путались. Мне было нереально страшно! Одно дело разбираться с гоблинами. И совсем другое с инквизицией!

Паника накатывала тошнотой. Пульс участился. Я пыталась дышать глубоко, готовясь принять героическую смерть. Правая рука нервно проводила по волосам, заправляя их назад. Левая намертво вцепилась в ночную рубашку. Несколько раз я ловила себя на этом неосознанном жесте.

— Мерзавец, — прошептала я, вспоминая Иона. Это явно он проговорился. — Подлец! И ты тоже! Как же я вас ненавижу! Обоих!

Внезапно внутри меня слышался хриплый голос: «Беги!». Страх липким потом пропитал ночную рубашку. «Беги! Беги! Беги!», — поддакивало сердце.

— Куда, — выдохнула я, перепугано глядя на ванную.

Мой взгляд упал на лаз, прикрытый иллюзией.

Шальная мысль: «А помещусь ли я в него?», — прошила меня надеждой. Я присела, пытаюсь втиснуться. Плечи входили с трудом. Я отчаянно задыхалась, пытаюсь найти такое положение рук, чтобы втиснуть плечи.

Лаз расширился внутри. И это радовало.

— Давай, трусишка! — шептала я, пытаюсь протянуть бедра. — Давай, беги! Тебе что говорил учитель по боевой магии? Сражайся! А ты у нас что? Все с тобой понятно!

Я вспомнила, что, на практикумах просто халтурила, избегая боя. Даже в тот день, когда нашла Фуфлыжника, я не сражалась. А просто трусливо бежала от гоблинов. Которых любой мало-мальски маг мог завалить в два счета. Так что мужества во мне ни на грош!

При мысли о том, что смерть мне дышит в попу, я вспотела и ...

— Ой! — икнула я, чувствуя, как скольжу вниз в темноту. — Мама... Ой... Ууууу!

Меня несло вниз, вперед руками. Страх, ужас, паника, чувство опасности туманили разум. Сердце вылетало из груди на каждом крутом повороте. Зубы стучали.

— Ааах! — вывалилась я после трамплинчика. Меня шлепнуло на грудь какого-то хлама.

— Ма! — слышался радостный голосок.

— Чего ты радуешься? Мама струсила. Мама у тебя инквизитор. И трус по совместительству! — мысленно укусила себя я. — С мамой каши не сварить. Если только ты гoblin — людоед.

— Ма!!! — в голосе было столько радости, что я бросилась к малышу. И обняла его. Сердце было уверено, что я больше никогда не увижу моего дракончика. Но обманулось. И было счастливо.

Я приходила в себя, успокаивая заклинанием жжение в счесанных руках, груди и ляжках.

— Так, — выдохнула я, хватая сумку. Внутри лежала пара зелий с практики. Те, что я не выбросила в лесу. — Что у нас есть? Не густо! Это восстановление... Отлично! Оставим на случай, когда совсем...

Я сидела на полу, быстро разбирая сумку.

— ... Удушайка, — прошептала я, дрожащими руками выкладывая зелья. — И что-то разбилось... Выбрасываем... Ой, фу!

— Я испугался, — признался Фуфлыжник, пока я воротила нос от сумки. Ой...

— Ничего, мама с тобой, — утешала его я, чистя заклинанием ветхую сумку. — Полезай... И не высовывайся!

Я перекинула сумку через плечо, как вдруг услышала далекие голоса.

— Шшшш! — подняла я палец вверх. Голоса доносились из тайного лаза. Видимо, действительно раньше студентов обстирывала Академия. И все грязные вещи скидывали сюда.

— Господин ректор, вы как? — спросил голос. — Не ушиблись?

— Найдите студентку! Быстро! Пускайте заклинание поиска! — послышался скрипучий ответ.

— Мы не разбудили студентов? — послышался голос.

— Нет, на ужин им дали зелье крепкого сна! Они проспят до утра.

Ректор. Это не инквизиция. А преподаватели... Ректор... Наш нудный и безобидный старикан. Тот, кто пожимал мне руку, вручая Академические Награды. Тот, кто постоянно повторял: «Я несу ответственность за жизнь каждого студента!». Это был ректор...

— Прости, — прошептала я, извиняясь перед самой красивой улыбкой на свете. — Обозналась! Ладно, чего расселись! Нас сейчас найдут!

Я вскочила на ноги, глядя на мусор.

— Так, а это хорошая вещь, — выдохнула, беря старый плащ с ядовито— розовыми пятнами. Плащ застегнулся на шее. — И еще вот это!

Из груды мусора, который случайно попадал сюда, или нарочно скидывался, я достала меч. Он был тяжелым и потертым. И тупым.

Осторожно скрипнув дверью, мы прошмыгнули в коридор. Коридор был пуст. Так, я где? Все! Поняла! Нам налево!

Портреты переглядывались, но молчали. Я бежала по ковровой дорожке в сторону лестницы. Мысль о том, что когда-то я шла по ней, не подозревая об опасности. Шутила и смеялась вместе с другими студентами, заставила закусить губу.

— Обстоятельства изменились, — выдохнула я, цепляясь свободной от меча рукой за перила.

Ступеньки мелькали под ногами. Я боялась оступиться, поэтому держалась за перила.

— Поздравляем, дорогая Ангелиза Дэй! — прошептала я на бегу. — Идея магического образования себя исчерпала. Ты только что закончила Академию. С отличием. Как ты и мечтала на первом курсе! Отличилась по полной!

Я ускоряла шаг. Если меня сейчас увидят, то надают по зачетке так, что мало не покажется!

— Ой!

Я, кажется, налетела на кого-то. И перепугалась ни на шутку. Меч едва не вылетел из рук.

— Ангелиза? — послышался голос из капюшона. Он указал на потертую сумку. Резким выпадом я направила зазубренный меч в черную дыру бесстыжего лица.

— Ион? — злобно выдохнула я, бросая в него заклинание. Ион увернулся, но капюшон слетел.

Ничего, сейчас я ему покажу, где импотенты лечатся! Сейчас я ему покажу, кем драконы какают! Сейчас он все увидит!

— Ангелиза! Прекрати! Я... — послышался голос Иона, пока я пыталась испепелить его на месте. Но промахивалась.

Заклинания проходили по касательной. Еще бы чуть-чуть и... Как на уроке.

А может, я просто боялась по нему попасть?

Каждый раз на уроке нам говорили: «Не вздумайте попасть в других! Будьте осторожны!». Страх попасть в человека, причинить ему увечье или смерть, был сильнее здравого смысла. «Это учеба, а не попытка убить, меч тебе в задний доспех! Ты что творишь, шерсть на яйцах дракона! Смотри, куда целишься, сопливая мантикора!», — слышался крик преподавателя по боевой магии.

Как бы я не пыталась себя побороть, ничего не получалось. Словно сейчас подойдет преподаватель, похлопает по плечу и скажет: «Меняйтесь!».

— Прекрати! — заорал Ион. Он бросился ко мне, схватил за руку и втащил под лестницу. — Тс!

Мне зажали рот рукой. Если бы не зажали, то Фуфлыжник долго спрашивал: «Мама, а что значит: «Жидкий стул грифона, размазанный по доспехам!».

По лестнице кто-то пробежал. Черный плащ мелькнул на пару секунд. Шаги удалились. Зато сердце

возмущенно колотилось.

— Кажись, пронесло, — выдохнул Ион. — Прости, я не знал, что в кольце ...отце спрятал заклинание слежения... Я узнал только ночью. Случайно услышал разговор отца. Он куда-то собирался. Я, решил тебя предупредить. Но понял, что не успею... Я знал, что ты выберешься. И решил искать тебя по Академии...

Я все еще не могла успокоиться. Но уже не радовала детские уши нехорошими словами. Почерпнутыми из разных, но очень авторитетных источников.

— Прости, — прошептал Ион, покаянно опустив голову. Мы спрятались в тени лестницы. И со стороны лестницы нас не было видно. — Я так рад, что ты жива...

Меня резко прижали к себе. Я даже пикнуть не успела.

— Это ... это я виноват, — прошептал Ион, глядя мне в глаза. — Помнишь, ты мне сказала. Недавно. Что-то вроде: «На что мы будем жить, когда закончим Академию?».

Я уже не помнила этого разговора. Потому что не предала ему значения.

— Ты тогда еще усмехнулась, что ректору придется брать еще одну Академию. И быть ректором по совместительству. Чтобы у нас был дом... А я тогда сказал, что мы очень богатая семья. И денег хватит. «Папиных!», — усмехнулась ты. И посмотрела на меня, словно... словно... я ничего в твоих глазах не стою! — Ион покачал головой.

Он сдул прядь волос с бледного лица. И опустил глаза.

— Если бы ты знала, как мне было больно это слышать, — вздохнул Ион. И сжал руки в новеньких перчатках на коленях. — И тогда...

На меня в упор смотрели красивые глаза некроманта.

— ... тогда я стал искать способ. Чтобы не зависеть от отца... — негромко произнес Ион. Прядь снова упала ему на лицо. Он заправил ее рукой, а потом собрал волосы в хвост заклинанием.

— Я знал, что мне нужны деньги, — глухо произнес Ион. — Много денег. И будучи студентом, их никак не заработаешь... Но я кое-что пронюхал. И вышел на черный рынок. Мне пообещали кучу денег за то, что я принесу дракона. Живого. Маленького. Он нужен был для какого-то черного ритуала. И дали примерную ориентировку.

— Ты сказал об этом Инквизитору? — ужаснулась я. Мой малыш нужен для черного ритуала. Ион нес его в Академию. А теперь его отец пытается убить меня!

— Нет, мне не давали зелье правды. Отец следил за этим. Он внес изменения в мою личную карточку, вписав, что у меня смертельная аллергия, — выдохнул Ион, с мольбой глядя на меня.

— То есть, ты нашел маленького дракона... — едва слышно прошептала я, все еще не веря своим ушам.

— Я нашел мать и ребенка. Я нашел у отца артефакт, которым убивали драконов. Его можно было использовать раз в сто лет. Поэтому дракона, напавшего на Академию, не уничтожили. Артефакт был разряжен. Но тогда он действительно сработал. И мать умерла, — сжал кулаки Ион.

Он смотрел на меня с такой надеждой, что я все пойму и прощу, что мне стало больно.

— Ты ее.... Того? — сощурилась я, глядя сумку. — Настоящую мать.

— Ради нас. Ради тебя. Если честно, я перепугался не на шутку. А новорожденный дракончик... превратился в яйцо. От испуга. Я подумал, что так даже лучше. Проще принести в Академию и передать заказчику. Но телепорт, который я ставил неподалеку от пещеры, дал сбой. И меня выбросило в лесу гоблинов, — голос Иона стал совсем тихим. — Вот так всегда. Вроде бы все просчитал, но нет! Где-то по любому лажа!

— Ты ... маму Фуфлыжника, — как заведенная шептала я. Зубы стучали. А малыш в сумке ворочался. Я просунула руку в сумку, нежно глядя шершавую чешую. Я нарочно не говорила слово: «убил!». Не хочу, чтобы малыш расстраивался.

— Мама, — потерлись об меня «бодучие» рожки, а кусучие зубки прикусили мой пальчик. — Мама...

— Гоблинов было слишком много. И мне пришлось бежать. Короче, я потерял сумку, — прошептал Ион. — Прикинь, убить дракона. И посеять сумку в лесу.

— П-п-прикидываю, — едва слышно ответила я.

— Отец был вне себя от ярости, когда узнал... Про рынок он не знал, про заказчика и ритуал не знал. Отец подарил мне сережку через неделю после договора, — Ион убрал прядь волос с уха. — Как чувствовал! Зато узнал про дракона!

Я смотрела на дырку от серьги.

— Тогда был страшный скандал. Отец метался по комнате: «Ты себе всю жизнь перечеркнул! Ты хоть понимаешь, что будет, если кто-то узнает!». И тогда он бросился к журналу практик. И объявил неделю практикумов по боевой магии.

«Дорогие студенты боевых отделений! Все группы боевых направлений, начиная с третьего курса, отправляются навстречу реальным испытаниям! В боевой обстановке!», — вспомнила я объявление ректора.

— Молись, чтобы яйцо нашли и уничтожили! Вместе с твоей сумкой! Я же тебя знаю! Где-то проколотся! Ты понимаешь, что будет, когда кто-то об этом узнает! Тебя посадят! За соучастие в черном ритуале! — передразнил Ион отца. — За нелегальную сделку! За попытку пронести дракона в Академию! Сядешь пожизненно! Сгниешь в магической тюрьме!

Я не знала, что сказать. Я могла предположить все что угодно, но не это.

— Он предупредил преподавателя по боевой магии, что сумку и яйцо нужно уничтожить. Студентам в инструкциях было четко сказано, что при нахождении чего-то подозрительного, сообщить преподавателю. Поэтому препод по боевой ушел на больничный, как только прибыл Инквизитор.

Ион сглотнул.

— Прошла неделя. Но сумку так и не нашли. А потом... потом дракон, — вздохнул Ион.

— И что теперь? — прошептала я.

— Теперь попробуем выбраться из Академии. Но для начала нужно уничтожить всю информацию о нас! — послышался голос Иона. — Иначе нас найдут по нашей крови. Помнишь, при поступлении мы сдавали каплю крови? Вот, вся эта кровь находится в хранилище. На случай пропажи студента.

— Так они уже там! — ужаснулась я, чувствуя, что меня уже обнаружили. Холодок пробежал по спине, словно из темноты на меня кто-то посмотрел.

— Вряд ли, — выдохнул Ион. — Это — крайняя мера! Они попытаются своими силами. Скорее всего, перекроют выходы...

Ион высунулся и осмотрелся.

— Пошли, я знаю, где это. Я видел, как отец однажды открывал дверь в хранилище. По памяти я попробую подобрать символы, — меня потянули за руку.

Я выдохнула. Не знаю, верить или нет, но про кровь я слышала. И не один раз! И про то, что кровь удерживает нас на территории Академии. А на практикумы нас как бы временно отвязывают. Но при этом следят за нашим местонахождением.

Мы мчались по коридорам. Я чувствовала свою руку в чужой руке. Видела, как развевается белобрый хвост Иона и его дорогой плащ.

— Сюда, — меня затащили за поворот. «Вот, сейчас предаст! Зачем я иду с ним?», — бились друг об друга в голове мысли. Но у меня не было выбора. Я не смогу покинуть пределы Академии, пока мне не позволят!

— Почти пришли, — на бегу предупредил Ион. Я ожидала увидеть засаду, но ее не было.

— Так, — прошептал Ион, ощупывая старинную дверь. Нам говорили, что это очередной хранилище всякого старья, представляющего историческую ценность.

— Погоди, — сглотнул Ион. Он положил руки на символы. И те стали шевелиться. Некоторые засветились.

Я нервно обернулась. Никого.

— Так, как он тогда делал? Сейчас вспомню! — выдыхал Ион, вертя символы. — Ага! Первые три вспомнил!

Я снова нервно обернулась. Никого. Мы одни.

— Четвертый, — вслух рассуждал Ион, растирая лицо перчаткой. — Пятый! Так, а потом он вел руку сюда... Значит, шестой символ где-то здесь. Среди этих... Попробуем вот этот. Нет! Значит, вон тот!

Мне чудилась погоня. Казалось, что в конце коридора из-за поворота вынырнут черные капюшоны.

— Готово, — шептал гордый Ион, открывая дверь.

Это и правда, было хранилище, доверху уставленное пузырьками. Стеллажи были разделены по курсам, факультетам. В каждой ячейке было написано имя, фамилия, курс и возраст. И стояло маленький флакон.

— Я тогда не поверил отцу, — послышался голо Иона, когда я искала среди сотен имен свое. — Он сказал, что ты ... Ты и Инквизитор... Ну ты поняла...

— Что? — обернулась я, — Ах, ты про это... Ну, рассказывай!

— Нет, серьезно! Не в обиду будет сказано, но... Кто он, а кто ты! Это тоже самое, что Министр приехал и влюбился в прыщавую первокурсницу! — продолжал Ион.

И как-то натужно рассмеялся.

— То есть, я — прыщавая первокурсница? — прищурилась я, найдя выпускников. Так, я где-то здесь!

— Да нет! Ты очень красивая... Короче. Он весь из себя такой важный, богатый и влиятельный, а ты... Ну ты пока никто... И все такое... К тому же он старый! Ты бы никогда на такого не согласилась! Я так и сказал отцу!

Я чуть не поперхнулась.

— Ладно, потом это обсудим. Я за своим. А ты пока ищи свое. Дверь я прикрыл. Если что, — послышался удаляющийся голос.

Я смотрела на ячейку со своим именем и фамилией. И видела ... пустоту. В соседних ячейках были флакончики. А в моей пусто!

— Только не это, — простонала я, паникуя. — Они его уже взяли!

— Нашел! — послышался голос Иона. — Иди сюда, родненькое!

— Ион, а моего нет, — прошептала я, как вдруг дверь распахнулась. На пороге стояли фигуры в черном.

— А вот и наши беглецы! — послышался голос ректора. Позади него стояли другие капюшоны. — Не это ищешь? Мне очень жаль. Но... После налета дракона у нас остро стоит вопрос закрытия Академии. Ты только представь, дорогая моя девочка, сколько студентов останутся без образования. Ведь всех студентов не переведешь в другие Академии.

— И сколько ректоров без денег, — ответила я. Ион подбежал ко мне и встал рядом.

— Ион, сынок, а ты что здесь забыл? — спросил ректор, снимая капюшон. — Отойди от нее. Немедленно.

— Нет, — твердо ответил Ион. Я была поражена. А еще мне было ужасно стыдно за свои слова про «папины деньги». Это я во всем виновата. Я заварила это зелье. А теперь расхлебываю! Представляю, как больно было Иону их слышать. Но я была уверена, что это шутка. Мы тогда посмеялись. И теперь...

— Ион, я стараюсь изо всех сил спасти тебя от тюрьмы! — послышался уставший голос отца. Он протянул руку к сыну.

— Себя от позора ты спасаешь, — дерзко ответил Ион, заслоняя меня собой. — А не меня от тюрьмы. Кто ж тебе ректорство даст после того, как узнают, что сын — преступник. Кто доверит своих детей, узнав, что вырастил преступника.

Отец стоял напротив сына. И смотрел на него с укором.

— Не трогать. Пока никого не трогаем, — кивнул ректор преподавателям. Те держали заклинания наготове. В их руках потрескивали смертоносные шары.

— Хватит, сын! Прекрати! Быстро подошел ко мне! — строго произнес ректор. И нахмурился. Седые

брови сошлись на переносице. — Ты головой своей когда будешь думать? Хочешь сгнить в тюрьме — оставайся с ней. Ты не знаешь, что такое магическая тюрьма! Я там однажды был, когда опознавали бывшего выпускника. Всех ректоров туда согнали. Это — ужасное место! Поверь!

Ион молчал. Но с места не сдвинулся.

— Ангелиза, девочка моя, гордость Академии, лучшая ученица... — голос ректора стал грустным. — Лучшая выпускница! Ты же могла просто подойти ко мне и на ушко шепнуть, что дракон у тебя. И мы бы его вместе уничтожили...

— А меня бы вы оставили в живых после такого. Давайте вы не будете лгать, — выдохнула я. — Вы пытались меня убить. Несколько раз.

— Это правда, отец? — дернулся Ион, стоя между нами.

— Ректорам не пристало лгать, — гордо ответил ректор. — Я спасал своего единственного сына! И доказать мою причастность к этому невозможно.

Мы стояли, а тишина висела натянутой струной моих нервов.

— Ион, я сдаюсь... Сдаюсь и точка... Ты своего добился... Согласен, я где-то пережал... Слишком надавил на тебя. Но сейчас я осознаю, что нужно было тебя услышать. Дать тебе возможность быть тем, кем ты хочешь быть... А не тем, кем все видят сына ректора!

«Отец!» — прошептал Ион.

Мальчик мой, я помню, как ты просил у меня деньги. На эту... группу, — послышался голос ректора. — Как раз перед тем, как ... оступиться... Ты умолял меня дать денег... Как там она называлась: «Какающий с утеса дракон» или «Живые мертвецы атакуют ваши уши»... Уже не помню...

Тишина стала почти осязаемой. И страшной.

— Я готов дать тебе денег, сколько нужно, — выдохнул отец. — Если ты сейчас же отойдешь от нее. Я выпишу чек, который ты сможешь обналичить в любом банке. Решать тебе...

Тишина начинала душить. Я слышала в ней свое дыхание.

— Ион? — прошептала я, глядя на высокую фигуру впереди. — Ион?

Глава восемнадцатая. В которой я торжественно прощалась с Академией

Ион покачнулся и прижал руку к лицу. Ректор спокойно стоял, булькая пузырьком с моей кровушкой.

— Зачем... Отец... Зачем ты ставишь такой выбор... — цедил Ион. Он с надеждой посмотрел на меня, словно у меня в руках энциклопедия правильных ответов на все случаи жизни. Он всматривался в меня, пытаясь найти ответ.

Но я молчала.

Я тоже смотрела ему в глаза и силилась прочесть ответ еще до того, как Ион его озвучит.

— Сынок, жизнь состоит из выборов. Каждая минута жизни — уже выбор, — мудрым голосом произнес ректор. — Не всегда выбор бывает легким. Как, например, какие носки надеть. Или какой чай заварить.

Я могла бы убить Иона прямо сейчас. Могла бы взять его в заложники. Отбросить заклинанием, в конце концов. Но рука с заклинанием дрожала и не поднималась.

— Иногда выбор бывает тяжелым и неприятным. Но стоит сделать его, как начинаешь осознавать его правильность. Мне тоже тяжело было сделать выбор между сыном и жизнью студентки. Ведь студенты — это главная ценность Академии. Мы в ответе за каждого студента! — продолжал ректор менторским тоном.

— Я... — Ион заслонил меня собой. — Я не позволю убить ее!

Я смотрела, словно зачарованная на красивые волосы и широкие плечи, на которых меня катали. В голове вертелась мысль, что я не могу убить его! Может, он и не любимый, но друг. Единственный друг, который у меня...

— Ну, значит, умрете вместе! — произнес ректор. — Это лучше, чем сын в тюрьме!

Внезапно Ион от испуга дернулся в сторону и потерял равновесие.

Магический шар пролетел над ним и ударил меня в грудь. Меня лихо отбросило на пять метров и ударило спиной о стеллаж.

Склянки стали падать и разбиваться. Шкаф покачнулся. И уронил еще партию кровавых зелий. Одно из них стукнуло меня по макушке. А заклинание оплело меня светящимися веревками.

Ректор, подобрав полы черной мантии, бежал к сыну.

— Ты не ушибся? — ректор бросился понимать Иона. — Мальчик мой, ты как? Сильно напугал? Ну что ты на меня так смотришь. Я тебя не первый день знаю, Ион. И прекрасно знаю, почему тебя освободили от занятий боевой магией...

Перед глазами все плыло. В ушах звенело. Я хватала воздух ртом, словно он вот-вот кончится. Меня взяли на прицел сразу десяток заклинаний.

Силуэт Иона расплывался. И двоился. Казалось, у него не две ноги в дорогих сапогах. А четыре. И все они хрустят осколками разбитых склянок. А рядом их подметает черная мантия ректора.

— Отец, я прошу тебя, — слышался голос Иона. Его фигура маячила перед мной, словно заслоняя. — Не убивай ее... Может, ты просто ее отчислишь и все? А дракона мы заберем? И уничтожим? Просто... Просто это неправильно и... Я знаю, отец, ты не убийца... Слушай, а может память ей потом сотрем и....

Договорить он не успел. Вдруг, откуда ни возмись, послышался грохот. Да такой, что пол подо мной задрожал. Все покачнулись на ногах. И переглянулись.

— Неужели снова? — прошептал голос преподавателя по боевой магии.

Еще один грохот пронесся по Академии. А стена пошла трещиной.

— Дракон, — прошептала мисс Винс, снимая капюшон. Она смотрела на потолок, по которому тоже бежала трещина. — Он здесь! Нужно спасти студентов! Нужно активировать новую защиту!

— Так даже лучше, — послышался задумчивый голос ректора. — Мы просто спешим ее смерть на дракона! Только нельзя торопиться. Иначе оставим улики! Нужно обставить все, как несчастный случай. Но так, чтобы инквизиция не нашла ни единой зацепки!

Рядом с моей ногой упал огромный камень. Я дернулась, выжигая заклинанием веревки. Но тут же на моей шее сомкнулся магический ошейник. Тяжелый, переливающийся всеми цветами радуги, он сдавил мне горло.

— Отлично! — заметил ректор, хваля преподавателя по магическим существам. — Гениально! Ошейник для магических существ, снижающие их магические способности! Теперь она точно никуда отсюда не денется. Дверь закроем.

— Отец, — бросился к отцу Ион. — Можно я останусь с ней?

— Конечно! И еще вы... Да-да. Проследите за преступницей, — почти на бегу крикнул ректор боевому магу. — В главный зал! Быстро! Нужно успеть активировать магическую защиту!

Все грохотало, ходило ходуном. Боевой маг ходил вдоль стеллажей, рассматривая пузырьки.

— Прости меня, — послышался голос Иона. Я пыталась снять ошейник, но он словно высасывал меня изнутри. И при каждой попытке его снять, больно сжимался.

— Прощу тебя, — Ион присел рядом, взяв мою руку в свою. — Не смотри на меня так... Я действительно испугался... И растерялся... В этом нет ничего плохого, ведь так?

— Конечно, — прошептала я, глядя ему в глаза. — В этом нет ничего плохого...

— Вот увидишь, — Ион нервничал. Он сжимал мою руку. — Все будет хорошо... Я поговорю с отцом... Он перестанет злиться... И... Ты же на меня не злишься?

— Нет, — покачала я головой. — Не злюсь. Я вытаскивала из себя осколки стекла. А ты боялся вида своей крови... Как я могла забыть...

— Я люблю тебя... — в голосе Иона стояли слезы. Он поцеловал меня в лоб. — Я попытаюсь убедить отца в том, чтобы он не убивал тебя. А просто стер память... Так же тоже можно?

— Можно, — прошептала я, глядя на его бледное лицо с дрожащими губами.

Его сухие губы прикоснулись к моим. По моей щеке скользнули пальцы Иона. Он осмотрелся.

— Знаешь, я ведь выбрал тебя, — в голос Иона слышалось отчаяние. — Не деньги, а тебя... Просто, я не ожидал, что так получится...

— Ничего страшного, — ответила я, делая глубокий вдох. Все вокруг перестало трястись, а лишь слегка пошатывалось.

— Включили защиту. Новую, — поднял голову Ион. Он улыбался, а по его щекам текли слезы. — Отец ее заказал сразу после первого нападения...

— Какой молодец, — вздохнула я, чувствуя себя словно одурманенной.

Эти ошейники предназначены для того, чтобы опасные магические твари вели себя примерно. И не бросались в толпу с криком: «Ммм! Вкусняшки!». А для этого нужно сломить их волю, подавить из мысли и желания.

— Все будет хорошо, я обещаю, — гладил меня Ион. — Я прямо сейчас, когда они вернуться, скажу им, что так нельзя! Нельзя тебя убивать! Это, по меньшей мере, жестоко! И бесчеловечно!

Послышался страшный рев. И скрежет когтей. Словно кто-то вырывал каменные глыбы. Часть стены обрушилась, обнажая кусок коридора. Я подняла глаза, видя огромную зияющую дыру рядом с закрытой дверью.

— Знаешь, — прошептал Ион. — Я... понимаю, что не вовремя... Но... Ты ведь меня любишь, не так ли...

— Конечно, — ответила я, пытаюсь сохранить в голове единственную мысль: «Зелье в сумке!». Он периодически терялась, но я упорно находила ее и возвращала на место. «Зелье в сумке! Зелье в сумке!», — твердила я про себя, пытаюсь пошевелиться. Моя рука поползла в сторону сумки.

— И я тебя очень сильно... люблю, — выдохнул он в мои губы. — Можно? Пока боевой маг не видит?

Зелье в сумке!

Рука Иона скользнула по моему колену.

Зелье в сумке!

А я тем временем пробралась в сумку. Зелье в сумке! Просто возьми зелье из сумки! Фуфлыжник схватил меня за руку и игриво укусил. Мама не играет! Маме нужно... А что маме нужно?

— Я просто очень хочу тебя, — вздохнул Ион, снова прижавшись губами к моему лбу. — Ты меня словно приворожила... Дала какой-то волшебный отвар... Или зелье... Я не могу перестать думать о тебе...

Зелье... А! Зелье в сумке!

Я схватила бутылку, чувствуя, как режу руку о стекло. А потом дотронулась до горлышка второй. Она или не она?

— Согласен, сегодня я поступил как трус. И не заслуживаю твоей любви... Но у каждого ведь есть право на ошибку? Я обещаю, что больше никогда не струшу! — сглотнул Ион, а я медленно доставала зелье. — Знаешь, а ведь в будущем ты можешь тоже допустить какую-нибудь ошибку. Я, например, прошу ее! Сразу же! И даже вспоминать о ней не буду!

«Ударь!», — билось в голове. Ион смотрел на меня, осторожно приспуская с моего плеча ночную рубашку. «Бей!», — командовала я себе, глядя на занесенную треснувшую колбу в «Удушайкой». Моя рука опустилась на голову Иона. Зелье разлетелось на мелкие осколки. А из нее потек едкий зеленый дым.

— А теперь беги! — прошептала я себе, набирая воздуха в грудь.

Едкое зелье растекалось по всему помещению.

— Кхе! — послышался кашель боевого мага. — Что ... кхе!

— Кхе! — слышался кашель Иона.

— Беги, дорогая, беги! — мысленно уговаривала я себя. Глаза слезились. Все терялось в едком тумане. — Беги!

Я добежала и споткнулась. Меня вынесло в коридор.

— Так, — я пыталась собраться с мыслями, но ошейник не позволял. Где-то давным-давно я что-то читала про него! Только где!

«Где же ты, моя маленькая фея...», — внезапно пронеслось в голове.

Феи. Я вспомнила колбу с феями. Ошейники... Колба... Точно! Феям не надевают ошейники. Потому что только они догадались, как его сломать. Каждый ошейник имеет заряд. И поглощает определенное количество магии. Феи используют самое слабое заклинание на ошейник, но постоянно. И ошейник быстро разряжается.

— Ыыыыы, — простонала я, положив руку на ошейник и пуская по пальцам самое слабенькое и безобидное заклинание. Меня трясло, ошейник дрожал в руке. Заклинание словно вытягивалось из моих пальцев.

— Поглощай! — шептала я, чувствуя, как проясняются мысли. — Поглощай.

— Ах! — покачнулась я. Ошейник все еще работал, но я снова могла думать. Пока что этого было достаточно!

Я мчалась по Академии. Огромные окна передо мной лопнули. В них показался взмывающий вверх хвост.

— Вот она! — послышались голоса, когда я прыгнула в портал. Пол обрушился, но портал успел сработать.

Меня выбросило в зале славы. В стене зияла огромная дыра, в которой было видно ночное небо и всполохи пламени. Жуткий рев разъяренного чудовища заставлял колени дрожать, а сердце бешено стучаться: «Выпустите меня!».

Я тормознула, видя, как огромная тень накрыла звезды. Огромный дракон нависал над Академией. От каждого его удара о почти невидимую защиту по всему куполу шло голубое мерцание.

— Все хорошо, мама пока справляется, — прошептала я, глядя сумку.

Фуфлыжник высунулся из сумки и ... замер от восхищения. В его глазах читалось: «Ма-а-ам! Я тоже так хочу!».

— Ага, шас! Размечтался! — запихивала я Фуфлыжника обратно. — Чтобы мама до смерти перепугалась! И переживала за тебя?

— Уууу! — Фуфлыжник просто млел от восхищения, пока я переводила дух. Ошейник все еще был на шее. Но он почти полностью разрядился.

— Я тебе дам, уууу! По попе! — я пыталась заправить его снова. Но он нашел дырку.

— Это твой папа? — спросила я, глядя на дракона, который прилетел очень вовремя.

— Нет, — ответил Фуфлыжник, пытаясь вылезти из сумки и повторить.

Я в ужасе смотрела на то, как огромный дракон разрывает защиту когтями и зубами. Голубые сверкающие ошметки заклинания летят во все стороны и растворяются в звездах. Он поливал чужую магию струей пламени. А защита, похожая на мыльный пузырь, рвалась под натиском его ярости.

Это было жутким и завораживающим зрелищем.

— Так, нам пора! — опомнилась я, растирая лицо руками.

Я попыталась вытряхнуть осколки второго зелья из сумки.

— Стоять! Куда пошел! — я втащила Мамину Радость обратно в сумку. Он мечтал присоединиться к общему хаосу и беспределу. — Ты еще маленький! Вот вымахаешь с башню, тогда и поговорим!

— Ну, мам! — ныл Фуфлыжник. И пытался высунуться в дырку.

— Мама сказала: «нет!», — воспитывала я, пытаясь заправить дракончика обратно. И прикрыть заклинанием «смотровую дырку».

Тоже мне, Фуфлыжник Разрушитель Маминой Нервной Системы! Я слышала свой голос. И видела себя бегущей по полю за летящей громадиной: «Шапочку кто надевать будет? Ты там осторожней, не поранься! И не ешь всякую гадость! Перед тем, как жрать людей, спрашивай у них справку!».

Так, вроде бы справилась. Теперь нужно вооружиться. Я подошла к витринам, глядя на памятные артефакты.

-Дзень! — лопнула витрина от удара локтя. Ничего себе! Ай, только гудит жутко! Так, что у нас тут есть?

— Вау! — прошептала я, вытаскивая красивый меч. — Так... эм... Принадлежал великому боевому магу .... бла-бла-бла... который закончил Академию... бла-бла-бла... Вот! Меч способен воспламениться при использовании заклинания огня! Класс!

Я грабила витрины, доставая великие артефакты.

— И вам спасибо! Если что ищите это в драконе! — выдыхала я, цепляя на шею невероятно крутой медальон, способный порождать грозные разряды. На пальце висело кольцо, которое способно заморозить всех вокруг.

— Все! Больше никакой пощады! Хватит! — выдохнула я своему отражению.

Напротив меня было старинное зеркало, которое принадлежало какой-то великой прорицательнице. Тоже удачно закончившей нашу Академию в затертом году. И даже предвидевшей свой золотой диплом!

— Она здесь! — пронзительно завопил призрак зала славы, о котором я совсем забыла. Я дернулась и побежала ко второму выходу. Раньше его не было. Но дракон еще тот архитектор!

— Эх! — перемахнула я через зияющую пропасть. И тут же вцепилась руками в огромную глыбу. Неужели я смогла?

Дракон прорвал защиту. Академия тряслась так, что на ногах устоять сложно. Целые лестничные пролеты падали вниз, с грохотом разбиваясь на огромные камни.

— Ой-е-ей! — остановилась я, размахивая руками, когда передо мной обрушился пол. — Значит, попробуем сюда! Давай, дружок! Круши тут все!

«Фея, ты где?», — слышался внутри странный голос. Видимо, я сильно стукнулась головой, раз мне голоса чудятся!

— Ииих! — перепрыгнула я через дыру в лестнице, взбираясь по ступеням.

— Вон она! — слышались голоса за спиной. В меня полетело заклинание. И я пригнулась, а потом спряталась за каменной глыбой. — Держите ее!

— Так, давай! — расчехляла я кольцо. — Заморозь!

Кольцо вспыхнуло ярким синим светом, а потом... Пыу! Появилась одна единственная снежинка. Она красиво упала мне на колени.

— Что? И все? — прищурилась я на «великий артефакт».

Я попыталась еще раз, видя, что кольцо заряжено. И снова из него вылетела одна снежинка.

— Кругом обман, — вздохнула я, сдирая кольцо и беря в руки медальон. Он пошел искрами. Рука затряслась. «Трепещите!», — произнес медальон и выдал струйку пламени размером с драконий чих Фуфлыжника.

— Отлич-ч-чно, — процедила я, срывая медальон. Оставался меч.

В меня полетело еще одно заклинание. Оно обожгло руку и заставило меня втянуть воздух сквозь зубы.

— У-у-у, — простонала я, перехватывая меч другой рукой. Впереди был огрызок лестницы, ведущей в уцелевшую башню. Справа и слева была пропасть.

Я влетела в башню, пытаюсь закрыть дверь на заклинания.

— Раз, два, — отсчитывала я, держа меч над полом. Дверь распахнулась. — Три!

Послышался звон стали. Меч просто рассыпался, словно был игрушечным. «Изготовлено из суперпрочной стали, закаленной в пламени дракона», — прочитала я мельком на осколке.

— Понятно, — с досадой сплюнула я волосы, поднимаясь все выше и выше. В руке горело заклинание, сумка с Фуфлыжником была заправлена за спину. А позади меня виднелась огромная дыра.

Первое заклинание полетело в ректора. Он мгновенно выставил щит. А меня сбило с ног ударной волной чужой силы. Заклинание прибивало меня к полу, но я пыталась встать.

Десятки заклинаний обрушились на меня, а мой маленький щит отбил только половину.

— Ай, — простонала я, понимая, что не могу встать.

— Ну что ж, — произнес ректор, отряхивая руки и мантию. — Ученики в безопасности. Теперь осталось разобраться с нашей непослушной девочкой. Как вам не стыдно. Такая хорошая девочка... А так себя ведет!

Сердце стучало, а я чувствовала, что у меня нет выбора.

— Дракона мы, пожалуй, не будем убивать. Мы оставим его в Академии. В качестве подопытного пособия, — вздохнул ректор. — И займемся разработками хорошей антидраконьей защиты. Потому что это никуда не годится!

— А если Инквизиция, господин ректор? — спросил Ластик, кашляя от пыли.

— Мы спрячем столь ценный экземпляр так, что никакая Инквизиция его не найдет... Так что, будь добра, Ангелиза. Отдай нам дракона, — ректор протянул мне руку. — И тогда мы оставим тебя в живых. Конечно же, при условии, что ты ничего не скажешь никому? Договорились? Мы просто сотрем тебе память...

Ага, знаю я ваше «сотрем память»!

— Дайте мне время подумать, — выдохнула я, глядя на ректора. — Вы сами учили, что важные решения нужно принимать, только хорошо подумав.

— Вот! Все-таки гордость Академии! По ней видно! — с гордостью произнес ректор. Он гордился тем, что хоть кто-то слушал его заунывную речь. — Но не сейчас, моя девочка. Сейчас решение нужно принимать быстро!

Он кивнул, словно подбадривая студентов с трибуны.

— Да, господин ректор, — кивнула я, делая глубокий вдох. — Я ... я просто попрощаюсь. Можно? И

сразу отдам его вам... Но только прощаюсь...

— Ну ладно. Что уж тут. Только из-за уважения к вашим прошлым заслугам, — кивнул ректор. — А мы пока обсудим, где лучше спрятать дракона. С учетом того, что он будет расти!

Он развернулся в сторону коллег. Кто-то из преподавателей поснимал капюшоны. Кто-то нет.

— И держите девочку на прицеле... — махнул рукой ректор в мою сторону. — Итак, коллеги, ваши предложения? Мне кажется, что лучшим местом будут подземелья. Подрезать ему крылья. Крылья, в принципе, не нужны... А вы как считаете, коллеги?

— Малыш, — прошептала я, доставая Фуфлыжника и прижимая к груди. Он вцепился в меня, а я потерлась об него щекой. Не отдам его! Никому не отдам!

На здоровой руке я подползала к дыре. И даже заглянула вниз. Внизу были шпили башен, окутанные ночным туманом. Высоко, очень высоко... Жутко высоко... Но я надеюсь, что он справится... Он же у меня — молодец!

Я видела, как он летал по комнате! Уже уверенно!

— Маленький мой, ты помнишь, как летать? Помнишь? Да? Крылышками машешь и летишь? — шептала я, глядя в чудесные янтарные глаза. — Как вон тот большой дракон!

— А мама полетит со мной? — спросил Фуфлыжник. И доверчиво посмотрел мне в глаза.

Я погладила его здоровой рукой и улыбнулась. Если все удастся, то ректор тоже полетает с нами! Попробую утащить его за собой.

— Конечно, — в горле стоял комок слез. Я глянула вниз и тут же зажмурилась. — Мама полетит вместе с тобой. Представляешь, как здорово? Ты и я... Летим...

— А почему мама плачет? — спросил Фуфлыжник. И недоверчиво прищурился. Он ничего не понимал. И его смущали мои слезы.

— Да так, — выдохнула я, чувствуя, как трясутся губы. — Просто мама давно не летала и плохо помнит, как правильно махать ... эм... крыльями. Но ты же помнишь, да? Покажешь маме? Вот полетим, а ты покажешь...

Мой голос осип. А по щекам потекли дорожки слез.

— Только учти... Показывать нужно хорошо, — я прижала малыша к себе, целуя его в молодые рожки. — Вот прям хорошо-хорошо!

Может, действительно попробовать обнять его? И собой смягчить удар?

— Я полечу! Летю-летю! — гордо выдал Фуфлыжник. Он не знал, что я вовсе не дракон. И что у меня нет крыльев. Он был уверен, что раз он умеет летать, то я тоже...

— Знаешь, — прошептала я, снова целуя его, но уже в коптящий нос. — Мама давно не летала... Поэтому очень устанет и может сразу лечь спать... Мама будет лежать и спать. Ты ее не буди... А сразу прячься. Мама проснется...

Мой голос дрогнул. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. У меня в ушах звенит, словно кто-то ломится мне в голову. А может это от страха. Я ведь до ужаса боюсь высоты!

— Мама проснется, и будет тебя искать, — продолжила я срывающимся голосом. — Помнишь, мама хорошо ищет. Поэтому прячься так, чтобы мама не нашла! Главное, не буди маму. А сразу прячься...

По идее, он не должен разбиться. Чешуя дракона очень прочная. Испугаться — испугается, а вот разбиться нет...

Я видела свое тело, лежащее на земле. Видела маленького дракончика, который поддевает мордой мою руку: «Мамочка, проснись!».

— Все будет хорошо, мой маленький, — сморщилась я, целуя его. — Все будет хорошо. Мама любит тебя. Повтори: «Мама меня любит. Мама всегда будет со мной!».

— Мама меня любит. Мама всегда будет со мной, — повторил малыш, нежно кусая за палец.

— Помни об этом, — прошептала я, баюкая малыша. — Мы встретимся с тобой на небесах... Мама всегда в небе. Она будет выглядывать из-за облачков, и смотреть, как ты летаешь... И следить,

чтобы ты хорошо себя вел! Помни, мама за тобой наблюдает!

— Мама будет летать со мной! — обрадовался Фуфлыжник. Мне бы его радость.

— Да, всегда, — разрыдалась я, чувствуя, как звон в ушах усиливается.

«Ты где?» — донесся до меня голос. Он рождался где-то внутри меня. Я потрясла головой и скрипнула зубами. Голос врывался в мое сознание с дикой болью. А я не могла понять, что это такое! Меня кто-то ищет?

— Я люблю маму, — произнес счастливый малыш, приготовившись летать.

Жизнь прожить нужно так, чтобы не было стыдно за людей, которым я улыбнусь напоследок.

Я вспоминала прикосновение чужих губ, одеяло на плечах и чужое сердце, к биению которого прислушивалась. Все-таки, это был прощальный поцелуй. О, как я об этом жалею... Я бы целовала его каждый день... Каждую минуту... Мне кажется, что я прижалась бы сейчас к нему. А ведь мы так и не попрощались... Надеюсь, он будет меня помнить... И сожжет тут всех дотла!

Я видела красивую свадьбу, себя, висящей белой соплей на чужой шее и лоящей каждый поцелуй... Счастливая, красивая, любимая и любящая... Зубы стучали, но я улыбалась сквозь слезы.

— Ну что ж, — произнес ректор, кивнув преподавателям. — Время вышло. Увы, оно быстротечно. И нельзя терять его на всякий глупости. Я всегда говорил студентам, что правильное планирование дня позволит добиться невероятных результатов в учебе!

Я через силу встала, почти не чувствуя ног. Фуфлыжник прижался ко мне.

— Давай сю... — начал ректор и расширил глаза. Протянутая в мою сторону рука затряслась.

Порыв ветра бросил меня на пол. Я свернулась клубочком, прижимая к себе Фуфлыжника и закрывая его руками.

— Фууууууууу! — слышалось надо мной.

Меня обожгло жаром. Крыша башни с грохотом слетела. Камни застучали об меня и об пол. Ай-ай-ай!

Я подняла голову, видя, как ректор исчезает в пасти дракона. О, боги!

— Помогите! — орали преподаватели, прячась по углам. Кто-то пытался сбежать по лестнице. Я дернулась, понимая, что тоже нужно бежать! Но встать я не могла.

Глава девятнадцатая. В которой мне стыдно за говнодышащего дракона!

Порывы ветра, порождаемые взмахом огромных крыльев, прижимали к полу. И не давали встать. Они сбивали с ног тех, кто еще на них стоял.

Вместо старых досок крыши башни, которой уже давным-давно никто не пользовался, было видно звездное небо. И бледная луна. Ставшая невольным свидетелем.

Я не знала, она всегда была такой бледной. Или только сейчас, увидев, что случилось с Академией. Луна хотела спрятаться за облаками, чтобы не видеть разрушенных башен, горящих обломков и огнедышащую смерть, которая летает сюда, как на работу.

Дракон крушил башню, оставляя одно лишь основание. Глыбы камней сыпались вниз. Стены крошились под его лапами и вываливались вниз. На меня летела огромная глыба, которую дракон молниеносно схватил и отбросил в сторону окровавленной пасти.

Взмах исполинских крыльев пригвоздил меня к земле. Страх и ужас парализовал намертво. И только маленькое сердечко, которое билось в моих руках под чешуйчатой броней, имело значение. И больше ничего.

А сердечко боялось. Оно было напугано не меньше моего.

Хищный взгляд жутких глаз скользнул по мне. И я приготовилась. Приготовилась к страшному. К огромной пасти, к жутким зубам и пламени.

Прямо на меня с неба опускалась разъяренная смерть. Она закрыла собой все. Побледневшую луну, яркие звезды и облака, скользящие Удар хвоста разнес остатки стены.

Огромная драконья лапа сгребла меня вместе с Фуфлыжником. Последнее, что я помню, это, как башня с грохотом рушится вниз, поднимая столб пыли. Холодный ветер не давал дышать. Одной рукой я прижимала к себе Фуфлыжника. И больше всего на свете боялась выронить мое сокровище...

— Ура-а-а! Мы летим с мамой! — слышался голос Фуфлыжника. — Мы летим с мамой....

Ветер застилал глаза слезами. А в них тонули полыхающие руины Академии... Это было последнее, что я видела. И это было похоже скорее на сон, чем на явь...

Я открыла мутные глаза, когда меня положили на холодные плиты. Вокруг меня что-то обернули. А я перебирала окровавленными пальцами каждую маленькую чешуйку моего сокровища.

— С дороги! — слышались голоса. Кто-то ногой выбил дверь. Меня куда-то несли на руках. Мелькали красивые потолки, золотые вензеля и блики яркого света магических светильников.

— Стол освободить! Живо! — слышался яростный хрип. Кто-то бегал по комнате. Я слышала топот. Что-то зазвенело, словно со стола сметались на пол все столовые приборы.

Меня положили на стол. Я видела только яркий светлячок перед глазами и слышала хруст рвущейся ткани. С меня сдирали одежду.

— Неее.... — простонала я, прижав к груди Фуфлыжника. Но его вырвали у меня из рук. — Неее...

Руки проходились по моему телу, касались ожогов и вдруг застыли. Они держали в руках ошейник.

Ошейник хрустнул в чужих пальцах и рассыпался.

Яркий свет бил в глаза, и они медленно закрывались от невыносимости и рези.

— Вам нужна помощь? — слышался вдалеке взволнованный голос. И тут же осекся. — Ох, мамочки... Ох, ничего себе... Бедная девочка! Это кто ж так ее... Там в коридоре целая кровавая дорожка... Целители ждут вашего приказа.

— Так какого они там стоят! Сюда! Всех! — слышался резкий ответ.

И дверь тут же захлопнулась. С оглушительным грохотом.

Я сощурилась на свет, как вдруг его что-то заслонило. Лицо приобретало очертания, а я шевельнула пальцами. На меня смотрели любимые глаза. Но даже они расплывались пятнами...

— Терпи, моя маленькая фея... — слышался хриловатый шепот. Дрожащая рука убрала прядь волос с моего лица. — Будет очень больно...

Я сделала вдох, чувствуя обволакивающий аромат сладкого яда, идущей от теплой руки, которая гладила меня по щеке. Я прижималась к ней, как могла. Она такая теплая, а мне так холодно, что зуб на зуб не попадает... Мне безумно хочется забраться целиком в эту ладошку. И наконец-то согреться...

Нет, нет, только руку не убирайте... Я умоляю... Пусть она греет мою щеку, а то мне так холодно... Мне так хорошо и так спокойно, когда она рядом... Только пусть не исчезает...

— Я... потерплю... — прошептала я, едва слыша свой голос. — Только руку не убирайте...

А потом сделала вздох и выдохнула: «Пожалуйста».

— Так, Ваше Сиятельство... — слышался топот. — Да на ней места живого нет...

В этот момент я испугалась, что рука исчезнет. Но она не исчезла... Она все еще гладила и согревала мою щеку.

Я помню боль, которую цедила сквозь зубы на вдохе. Помню слезы, которые катились градом. И стиснутые зубы, поймавшие стон почти у самых губ.

— Пусть выпьет... Очень мощное зелье! Оно может повредить ее кратковременную память. Но иначе девочка не выдержит... — мне разжали зубы и что-то влили в рот.

— Я согласен, — выдохнул знакомый голос.

— Но воспоминания будут возвращаться. Постепенно, не сразу, — хлопотал кто-то чем-то звеня.

Я закрыла глаза и увидела себя со стороны... Я лежала на столе в роскошной комнате, похожей на столовую. На полу валялись разбитые тарелки, бокалы, подсвечники... Золотая скатерть съехала на одну сторону. Вокруг меня столпилась целая толпа в белом. Я пыталась их рассмотреть, но они сливались в сплошное сияние.

Очнулась я внезапно. Просто открыла глаза и все. Я лежала в огромной комнате, на огромной кровати и мне что-то кололо спину.

Я засунула руку и нащупала золотой браслет. Рядом лежало золотое кольцо. Оно упиралось в попу. Вперемешку с красивым постельным бельем на кровати валялись золотые украшения.

— Пу-у-у-уф! — выдохнула я, глядя на свои руки и пошевелив пальцами.

Все события смазались, напоминая дурной сон. Так, меня зовут Ангелиза Дей. Это я помню. Я — студентка выпускного курса Академии Магии. Это я тоже помню...

Я пыталась сложить воспоминания, как мозаику. Но в ней не хватало каких-то важных деталей. Например, как я здесь очутилась? И где я?

— Где я? — шепотом спросила я, рассматривая комнату и вжимая голову в плечи. На потолке было нарисовано небо... Яркое, голубое со слепящим солнцем. Я даже на секунду зажмурилась. А потом поняла, что солнце не настоящее.

В комнате витал знакомый запах... Я принялась, а потом поползла к соседней подушке... И стала нюхать ее, как ищейка.

Когда я оторвалась от подушки, с моих глаз можно срисовывать блюдца. События не укладывались в голову. Я помню ректора, помню, как дракон его сожрал, помню, какие -то обрывки про башню... И дракона, который бросился на меня. Но я не помню инквизицию. Инквизиция отбила меня от дракона? Или не было никакого дракона? И меня просто вырубил в башне. Но вовремя подоспевшая Инквизиция забрала меня и ... и....

— Фуфлыжник! — дернулась я, не видя свежих кучек и не чувствуя привычного запаха гари... — Фуфлы...

Я попыталась встать с кровати. А потом поняла, что на мне нет одежды. Стыдливо опустив глаза под одеяло, я натянула его почти шею.

— Где мой дракон! — перепугалась я. Завернувшись в одеяло, как капуста, я встала с кровати. И посмотрела в зеркало. Из огромного кокона торчали две босые ноги.

— Где мой дракон!!! — паниковала я, доползая до двери. Дверь была закрыта. Я дернула ее изо всех сил, но она не поддавалась.

— Так, — выдохнула я, осматривая комнату. — Меня заперли! Не может быть! Эй, выпустите меня!

Я требую государственного защитника! Я требую, чтобы мне озвучили мои права!

Я бросилась к окну, распахивая его.

— Ой! — дернулась я обратно, видя под ним туманную пропасть. Место, где я находилась, стояло высоко в горах. Из окна были видны снежные шапки горных вершин. Закат окрасил их в розовый. А свежий морозный воздух защипал в носу.

— Без паники, — успокаивала я себя, делая шаг назад.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, я присела в кресло. По полу дуло, поэтому я забралась в кресло с ногами.

— Итак, меня спасла Инквизиция. Они вылечили меня, чтобы предъявить обвинение. Или выяснить все детали, — рассуждала я. — Как в примере про известного преступника. Которого вылечили, чтобы осудить и испепелить.

Дверь открылась. Я настороженно посмотрела на ручку, которая мягко опустилась.

— Очнулась? — послышался знакомый голос. Инквизитор вошел в комнату так, словно за ним следовал шлейф обожателей. — Это хорошо.

Он сдержанно улыбался.

— Где дракон! — дернулась я. — Где мой дракон?!!

— Какой именно? — спросил Инквизитор, улыбнувшись так, что у меня сердце сладко замерло. — Про какого именно дракона ты спрашиваешь, позволь узнать?

Он продолжал улыбаться, а я невольно млела от той самой восхитительной черточки на его щеке.

— Про Фуфлыжника, — выдохнула я, глядя на то, как сверкает драгоценность на жезле — трости.

— Фуфлыжник? — спросил Инквизитор, подняв брови. — Я просто интересуюсь. Обалдевать я буду чуть позже. И тогда я задам вопрос, какой дракон был назван этим... именем...

— Фуфлыжник Мамина Радость... — удивленно ответила я, пряча босые ноги под одеялом.

Я любовалась его профилем, ловя себя на мысли, что забыла про все на свете.

— Одну минутку, — вежливо заметил Инквизитор. Он на секунду замер на месте. Его брови полезли вверх. — Все, спасибо за ожидание... Я уже достаточно побыл в шоке.

Он подошел к дивану и присел на него.

— Дракон у меня в кабинете. Занимается примерно тем же, что и в твоей комнате, — заметил Инквизитор, улыбаясь. Он что-то выжидал. А я нервничала.

— А большого ты как назвала? — загадочным голосом спросил Инквизитор.

Я поморщилась и обрывками вспомнила огромного дракона, который крушил башни.

— К сожалению, я не успела дать ему имя, — ответила я, понимая, что беседа напоминает допрос.

— Наше знакомство с ним было мимолетным. Но его можно назвать Фуфел... Они слегка похожи...

Инквизитор снова улынулся и опустил глаза на свои руки, лежащие поверх огромного бриллианта.

— Присядь рядом, — послышался мягкий голос. И тяжелый выдох.

— Я все очень плохо помню... — призналась я.

— Ничего, сейчас будем вспоминать....

Рука Инквизитора гостеприимно легла на роскошный диван. Я смотрела, как он поглаживает скрипучую кожу. Я подняла глаза на лицо. Сердце сладко растеклось в груди, как растекался по комнате запах его духов.

— А мне ничего не будет? — спросила я, вспоминая уголовный магический кодекс.

— Это смотря, как повернется наша беседа, — медленно произнес Инквизитор. Он смотрел на меня, словно зачаровывая.

Я встала и присела на диван.

— Ближе, — слышался голос. Я скользнула попой по дивану и приблизилась к белоснежному камзолу настолько, что сердце заколотилось, как сумасшедшее.

— Итак, расследование нападения дракона, — слышался голос. И снова на его красивых губах появилась улыбка. — Завершилось. Бедная выпускница Ангелиза Дей погибла в пасти дракона... Ты знала ее?

— Вряд ли, — удивилась я, вспоминая, звук рушащейся башни. — Я... я...

Неужели мне ничего не будет? Он закрывает дело и... чтобы спасти меня, меня признают погибшей! Даже не верится! Это после стольких переживаний!

— Умничка, — похвалили меня, придвигаясь еще чуточку ближе. А мне казалось, что ближе уже некуда. — Откуда ты могла ее знать? Вы учились в разных Академиях. Тем более, что у вас с ней даже разные специальности. Ты закончила Академию год назад. По специальности «Уход за магическими существами».

— А если меня узнают? — спросила я, понимая, что Ангелизы больше нет. — Если будут искать однокурсников?

— Кто? — слышался снисходительный голос.

— Кто? — слышался голос. Я видела, как он закусил губу. — Вернемся к руинам Академии. Есть жертвы среди преподавательского состава. Несколько человек скончалось уже после, в лазарете. Но ни один студент не пострадал. Кроме бедняжки Ангелизы, бросившейся на защиту отвратительного, старого... и ужасно невкусного ректора...

Я вспомнила драконий рев: «Маленькая глухая фея! Я тебе голову оторву!», который пробивался сквозь свистящий ветер.

Меня прошило насквозь. Я с ужасом боялась поднять глаза.

— К тому же костлявого... — медленно с омерзением продолжал голос. — Лучше бы глотал не жуя! Это ж надо было его разжевать! До сих пор коробит.

Я застыла на месте. И боялась шелохнуться.

— Я жду вопросы, — слышался довольный голос.

— Я, наверное, сейчас спрошу самую большую глупость.... Но ... Вы... Вы... дракон? — прошептала я, делая глубокий вдох, чтобы успокоиться. — А ... Фуфлыжник ваш...

— Он по факту мне очень дальний родственник. Единственный кровный. Я говорил его матери Гердре, что она досидится в своих горах. Я объяснял ей и ее мужу, что никто не будет приносить ей жертвы в обмен на то, что она не сжигает ближайшие поселения. Но они были слишком упрямы. Конечно же! Лучше забиться в сырую нору и перебиваться случайными путниками, чем жить в красивом дворце, иметь целый штат и каждое утро пить кофе, — слышался голос. А я не верила... Все еще не могла поверить...

— Все драконы умеют превращаться в людей? — спросила я, вспоминая Фуфлыжника.

— Да. Но пользуются этим единицы. Есть очень принципиальные и упрямые драконы, — слышался ответ. — Драконы, моя маленькая любопытная фея, твари, которые выживают при любых обстоятельствах. Когда популяция сокращается, мы спокойно можем принять облик человека. И тогда нам идеально подходят люди. А вы и заметить не успеете, как мы отвоюем небо...

К моей руке осторожно скользнула его рука. Мои глаза расширились, а сердце забилося, когда моя маленькая вспотевшая ладошка оказалась в большой руке со смертоносным кольцом.

Мою руку осторожно погладили большим пальцем.

— Мне сложно в это поверить... Вы сожрали ректора... Разнесли Академию... — мой голос дрогнул. Новость заставляла меня дышать через раз.

— Дважды, — рассмеялся Инквизитор. — Не надо умалять моих заслуг. Мне просто нужен был веский предлог, чтобы попасть в Академию. Мне просто очень не хотелось, чтобы маленький дракон попал в плохие руки. И люди узнали то, что знать им не положено.

— То, что драконы разговаривают? — спросила я, приводя себя в чувство.

— Ах, да! Я совсем забыл. Я же разговариваю с самым большим знатоком драконов, — рядом слышался смех. — Как там было на семнадцатой странице этого монументального научного

труда? «Говнедышащие драконы обитают в пещерах. Самцы драконов любят влажные пещеры...». Я каждый день перечитываю и наслаждаюсь. Так что очень приятно, «говнедышащий дракон»...

Мою руку шутливо пожали.

— Собственной персоной. И немножечко глава Инквизиции, — в любимом голосе слышалось умиление. — «Говнедышащий дракон, который обитает в пещере. И накладывает себе кучу, а потом долго любит ее...».

— Кучу золота. Я пропустила слово «золото», — смутилась я.

— Ты проголодалась, моя маленькая абсолютно бессердечная фея? — послышался голос, когда я прятала глаза. — А заодно ты мне расскажешь про самых древних «соплезубых» тигров, на которых охотились «доисторические», «говнедышащие драконы».

Мммм... Мне так стыдно. Сейчас сквозь землю провалюсь! Я вспомнила, как у меня слипались глаза, а я бездумно передирала все из умных книг.

— Я вот тут сижу и думаю. Чего мне в жизни не хватает? Вроде бы все есть. Сокровища, дворец. Но нет! — меня обнимали, зарывшись в мои волосы. — Судя по твоей научной работе, мне срочно нужна лиственница. Даже не девственница, привязанная к лиственнице. Нет. Просто лиственница. Но обязательно молодая. Юная лиственница! Что-то вроде: «погрызи и успокойся!».

— Хватит! — сопела я, вспоминая душераздирающую зевоту и «вялоскребущее» перо.

— Я, как научный руководитель, очень интересуюсь... Там была фраза, которая зацепила меня. «они обе дают коровой...». Я бы хотел узнать, как это «давать коровой». Боюсь отпускать на волю свою фантазию... Она может и не вернуться.

— Прекратите придираться! Я всю ночь писала эту работу! — возмутилась я, негодуя.

— Где мозоль на пальчике? Дай я ее поцелую за такие перлы, — послышался смех.

— Не надо, — обиделась я. Есть мне совсем не хотелось. Пока что. Но я еще подумаю. А вот от чая бы не отказалась...

— Хорошо, сейчас принесут, — шепнули мне. — На чем мы остановились...

— А инквизиция знает? — спросила я, нахохлившись воробьем. — Что... вы — дракон? О, боги, я до сих пор не могу в это поверить...

— Все в курсе, — задумался Инквизитор. — Кроме одного вампира и оборотня, разумеется. Они у нас новенькие.

— Так вот почему мало кого берут в Инквизицию! — возмутилась я.

— А ты очень хочешь, я вижу? — участливо спросил Инквизитор.

— Да, — гордо ответила я. Почему он не целует? Или мы так и будем сидеть на этом диване? Нет, ну мог бы и ... Ну я не знаю... Я уже ему щеку второй раз подставляю. А он никак!

— И что ты там будешь делать? — судя по голосу меня, загоняли в ловушку.

— Как что? Бороться со всякими тварями! — ответила я, скорее из принципа. Сердцу уже было все равно, кто он. Оно умоляло, изнывало и требовало повторить тот незабываемый поцелуй.

— Представляешь, у тебя есть два дракона! Не один, а целых два! Тебе невероятно повезло. Считаю, что ты работаешь дома, — вежливо ответили мне.

Нам принесли чай. И сообщили, что малыш умаялся и спит в своей комнате.

Я с удивлением смотрела на «мою» кружечку. Это было так умиротворяюще...

— Передай, пожалуйста, — послышался вкрадчивый голос. Я увидела сахар и протянула сахарницу. «Нда... Такому мужчине сложно «передать»!», — пронеслось в голове.

И тут я заметила, как осторожно и сосредоточенно он берет свою кружку.

— Не думала, что драконы так любят кружки, — заметила я, глядя на свой чай.

— Знаешь, сколько чашек я сломал в руках, пока учился контролировать силу, — прозвучал тяжелых вздох. — А то ломать руки во время рукопожатия не очень вежливо. Может, поэтому я иногда боюсь к тебе прикоснуться. Мне кажется, что ты и есть та хрупкая фарфоровая чашечка, которую я боюсь

сломать в руках...

Повисла тишина. Я думала над его словами. И теперь все становилось на свои места... Вот почему он так осторожен.

— Поставь чашку, пожалуйста, — послышался голос. — Я хочу осмотреть твои шрамы.

Моя пустая чашка звякнула о столик. Рука плавно потянула одеяло с моего плеча. Прикосновение пальцев заставляло меня замирать и ловить себя на полувдохе. А когда к глядящим спину пальцам присоединились губы, я застыла.

Размеренное глубокое дыхание коснулось моей шеи, и я поняла, что если к этому продолжится, я сойду с ума.

— Маленькая глупая фея двадцати трех неполных лет, — в застывшем на плече поцелуе слышалась улыбка.

Я чувствовала, как у меня дрожат колени.

— Я.... Я уже слышала эти слова, — дернулась я. — Я их слышала! Вы... Вы видели мое ...эм... желание?

Внезапно я снова увидела ту самую сцену. У меня перехватило дыхание. Только на этот раз у сцены было продолжение. Сладкие губы что-то шептали про наслаждение, пожирая меня поцелуями и обжигая мое тело дыханием... Мои ладони вдавливали в простынь...

Через мгновение я очнулась.

— А всего-то стоило подменить твоё желание, чтобы я убрался из Академии, на противоположное. И дожждаться, когда ифрит вылезет с явным непониманием, почему желание как бы исполняется. А власти над жертвой нет, — вздохнул голос. — Ну что ж, наверное, ты немного устала...

Меня стали заворачивать обратно в одеяло. Ну! Так нечестно! На его губах была улыбка. Меня несли на кровать, а когда моя голова коснулась подушки, я поняла, насколько хитры и опасны драконы.

— У меня есть маленькая просьба, — послышался шепот.

Гибкий язык ложился на припухшую от поцелуя губу, лаская ее нежными прикосновениями. На моей груди разложилось золотое ожерелье с огромными рубинами. А на руках звенели золотые браслеты.

Я не помню, когда уснула. Но помню, что проснулась, когда было уже светло. Солнце слепило глаза и заставляло щуриться. Ожерелье съехало на бок. В волосах запуталась золотая цепочка.

На кресле лежало красивое платье, а рядом стояли туфли. Я оделась, слегка причесалась и осторожно толкнула дверь. Коридор был просто огромным. Я шла по нему, рассматривая золотые вензеля и потолок, на котором снова собрались нарисованные облака.

— А ну вернись обратно! — послышался голос. Я остановилась и увидела приоткрытую дверь. — Я тебе дам: «Пуф!».

Я превратилась в бесшумное привидение, осторожно приоткрывая двери и заглядывая в комнату.

— Смотри, это тебе не на четырех лапах бегать. В человеческой форме нет хвоста. Поэтому держи равновесие, — командовал знакомый голос. — Можешь пока размахивать руками. Давай, вставай потихоньку. Эти тонкие подпорки люди называют ноги. И некоторые умудряются на них бегать! У мамы тоже есть ноги. Красивые ноги...

— Мама! — послышался голос. А ко мне, спотыкаясь, бежал мальчик лет четырех. Светленький и такой... Ну такой... Просто слов нет! У меня сердце замирало, а я боялась, что он вот-вот упадет.

Меня обняли маленькие детские ручки. И я расплакалась. Вот ты какой у меня, оказывается! Вот она Мамина Радость... Вот он мой маленький Пожиратель Маминой Нервной Системы!

— Мама сказала, когда мама полетает, ее не будили! И папа так сказал! И я не будил! — лепетал детский голос.

Я обнимала ребенка, боясь, что он упадет.

— Я пробежал! Я пробежал! Мама видела? — послышался счастливый голос. И тут же стал слегка обиженным. — А котлету мне никто не дал! Фуф!

Эпилог

Я проснулась, видя пещеру из одеял. Внушительная такая пещера. Прямо всем пещерам пещера. Из пещеры кое-где торчали золотые украшения. Целая россыпь. Я когда-нибудь привыкну к тому, что просыпаюсь, а попу колет какая-нибудь золотая безделушка?

Если честно, я редко сплю в пещере. Только в том случае, если меня туда утаскивают. Обычно там слишком жарко. Во всех смыслах.

— Выходите, уважаемое чудовище... — прошептала я со смехом, заглядывая в темноту. — Выходите на бой честный...

— Ммм, — проскрипело «чудовище», ворочаясь в своей пещере. И вход в пещеру закрылся.

— Проснитесь, чудище окаянное, — шутливо заметила я, снова заглядывая под мягкие своды. — Рыцарь прискакал через всю кровать, чтобы напомнить одному старому и вредному дракону, что он проспип допрос.

— Уф-ф-ф-ф, — слышался тоскливый вздох.

— Сейчас крестьяне девственников приведут, — развлекалась я, умиляясь этой драконьей привычке.

— Правильно, — зевнула пещера. — Пусть понижают планку морали...

— Сейчас все сокровища разграблю, — прыснула я, снова с умилением глядя на пещеру.

Я решила давить на самое святое — драконью жадность. Драконы по природе своей жадные. Но стоит начать красиво раздеваться, жадность резко заканчивается. И начинаются приливы невиданной щедрости.

— Вылезай и сразись со мной! — пафосно посопела я в открывшуюся пещерку. — Злой, жестокий и самый красивый дракон на свете...

Обычно те, кто уже пробовал будить спящего дракона, плохо кончали. Но это явно не мой случай.

— Да ты что? — слышался польщенный и уже почти проснувшийся голос. — Продолжай...

— О, могущественный, о прекрасный, о величественный, Терренгард Ужас Севера! Да будут неисчислимы твои сокровища! Да не оскудеют твои золотые запасы! — с улыбкой продолжала я, зевая. — Десять утра. А допрос в двенадцать... Кстати, а это что? Новое?

Я подняла красивое ожерелье и приложила его к груди. Ммм, а мне идет! А что тут у нас еще есть? О! Да тут в пещере целая...

Ой! Мамочки! Злой дракон пытается утащить меня в свою пещеру! Спасите! Помогите!

Я почувствовала, как оказалась в пещере. И пала в неравном бою с драконом... Низко пала...

— Мое золото, — зарылись в мои волосы и решили досыпать, обнимая добычу.

Бессовестная принцесса, оплела ногами дракона и уткнулась в его плечо. Допрос мы проспали.

Драконы по природе очень ленивы. Поэтому умеют делать все хорошо с первого раза.

Кстати, про рыцарей и драконов.

Один прекрасный рыцарь по имени Ион все-таки осуществил свою мечту. И сколотил свою группу, которую назвал что-то вроде: «Сломанная об голову зомби лопата».

Денег, оставленных в наследство, хватило на красивый старт. Они даже успели выпустить два альбома. И все было бы ничего, если бы на одном их концертов бас-гитарист не бросился в толпу.

Казалось бы, чего тут такого! Многие известные музыканты бросались в толпу фанатов. Правда, не с целью кого-то сожрать. Воцарилась паника и давка. Появились пострадавшие. И все деньги, оставленные в наследство, ушли на погашение штрафов и на лечение выживших.

Нынче прекрасный рыцарь сидит в Министерстве на скромной должности «Дежурный упокоитель». И принимает заявки от населения «на упокой» особо буйных обитателей муниципальных захоронений. Работа — не бей лежачего. А бей стоячего. И желательно прицельно. Лопатой.

Магическая Академия, в которой я училась, была восстановлена. И теперь там новый ректор и новый педсостав. Их герб украшает дракон. И по легенде, которую они рассказывают наивным

первокурсникам, дракон был зверски побежден и растащен на ингредиенты.

— Ой, да неужели! — удивился мой дракон. И судя по глазам, затаил обиду.

А недавно я вошла в кабинет и увидела посетителей — пожилую пару. Наверное, я бы не обратила на них внимания, если бы не странная прическа бабушки. Когда она поправила прическу, я увидела след от ожога в половину лица.

— Мы по поводу внука. Он в этом году заканчивает Академию. И очень хочет в Инквизицию. Хочет пойти по стопам деда!

Я деликатно вышла за дверь, чтобы не мешать. Потом спокойно зашла в комнату и... запищала. «Уииии!», — задышалась я. — «Они существуют! И поженились!». Я была счастлива, что прыгала. Единственная сказка, которую рассказывали девочкам — инквизиторшам, сидела в соседней комнате. Живая и настоящая. У меня даже руки тряслись от волнения.

— Он себя вполне контролирует! — послышалось за стенкой. — И уже умеет оборачиваться по своему желанию, а не только на полнолуние!

Они такие милые и легендарные... Я чуть не расплакалась от счастья.

— Так, не паникуй! Главное — не паникуй! Просто подойти и скажи: «Приглашаю вас на чай!», — тряслись мои руки. — Просто подойди и пригласи на чай!

Я, краснея и бледнея дождалась, когда они выйдут и выпалила что-то вроде: «Прглашвасчай!».

— На чай? — обрадовалась пара. — Ну разумеется!

Так что они придут через неделю.

А еще я занимаюсь мелкими делами. У меня даже есть свой кабинет. Где рядом стоят папочки. Два дела я уже распутала. И четыре — запутала окончательно.

— Моя жена — хозяйшюка. Умеет готовить документы, шить сроки и вязать преступников, — похвалили меня. И поделились еще парочкой дел.

Абсолютно счастливая, я утащила их в свой кабинет. И теперь один маленький дракон учится читать по протоколам. И сражается деревянным мечом со стулом. Пока что стул побеждает. Но это ненадолго.

— Она почти раскололась, — на стол мне шлепнулась папка. На ней размашисто было написано: «Дело о котлетах». Я вздохнула и поняла. Мы бессильны.

Ребенок требует не просто котлеты! А именно ТЕ котлеты! Именно ТЕ! И никакие другие! В папке лежали показания бывшей поварахи из столовой, которая устала менять место жительства и выходить замуж для смены фамилии. И рецепт, подробности нарушения которого мы сейчас выясняем!

***

— Представь себе чувство, когда летишь в закат... Солнце слепит, а земля рубиновая, — накатил на нас очередной приступ ностальгии. — Или можешь часами лежать и смотреть на звезды. А сам лапой зажимаешь половинку коня.

— А как же рыцарь? — спросила я.

— В пропасть! Я его еще из доспехов не выковыривал! Заняться мне нечем! — фыркнули мне в ответ. — Это если совсем голодно было, то можно помучится. Я один раз половину стада сожрал. Еле до пещеры долетел... Думал, что все... Но нет! Прошли времена...

— Может хватит постоянно смотреть на небо грустными глазами? — спросила я, кутаясь в меховую накидку. — Или вы думаете, я не вижу?

Мы стояли на балконе и смотрели на звезды.

— Куда хочу, туда и смотрю, — слышится вздох. — Пойдем обратно.

Дожили! Я уговариваю дракона полетать! Может, кому-то попался хороший дракон, а вот мне попался вредный, капризный и упрямый.

— Мы одни в этих горах. Здесь уже все в курсе, что вы — дракон... Ну... — осторожно подталкивала я его. — Чего стесняемся? Нет, лучше мы пострадаем, повздыхаем и так далее...

— А если кто-то увидит? — на меня посмотрели внимательные глаза. — И придет сюда? Я обычно стараюсь это делать крайне редко.

— Знаешь, у нормальных людей при виде летающего над горами дракона в голове одна мысль: «Хорошо, хорошо, что далеко!» и «Хоть вы ветер не в мою сторону!».

Порывы ветра трепали мою накидку. «Давай, давай!», — мысленно шептала я.

— Не знаю, — капризничал дракон. — Хотя...

Мне в руки отдали трость — жезл. Плащ слетел с плеч и упал на каменные плиты. Я смотрела на широкую спину. А через мгновение от балкона оттолкнулась тварь размером с башню.

— Я тоже! — слышался голосок. — Я тоже!

— Фуфл.... Ой! Элберт! — я отловила подростка дракона уже на перилах. На вид ему было десять. — А ну быстро обратно!

Да! Я могу быть строгой мамой!

— Мам... Ну пожалуйста! — слышался детский голос.

— Несите все! — крикнула я приоткрытую дверь.

— Стой ровно, — сопела я, завязывая меховую шапку на голове ребенка. — Там холодно! Уши простудишь! Передайте еще один свитер!

Служанка подала свитер.

— Руки вверх, мой маленький! — я натягивала свитер и утрямбовывала его в теплое пальто.

— Мама, мне не холодно, — слышался жалобный голос. Папа сделал над нами круг и взмыл вверх. С одним разобралась! Сейчас второй...

— Шарф где? — спросила я у служанки. — И варежки захватите!

— Ой, одну минутку! — улыбалась служанка. Он бросилась в комнату.

Теплый шарф был замотан вокруг утепленного ребенка. Конечно, я могла бы и магией, но магия на драконов не действует!

— Так, — прокашлялась я, любясь летящим папой. — Шапку не снимать! Я кому сказала! Мама все видит! И снег с горных вершин не есть! Что? Папе можно. Папа уже взрослый!

В небо взмыл еще один дракон. Только маленький. Всевидящее мамино око внимательно следила за ним.

А потом я прищурилась к горной вершине, на которую Элберт приземлился и обратился в человека, валяясь в снегу.

Ой!

Папа сделал такой финт, что чуть не снес половину дворца. Резвится. Соскучился.

— Вкус-сно тебе? — усмехнулась я, когда папа сожрал целый сугроб. Эх...

Не надо забывать, что первые шестьсот лет в жизни драконов — самые тяжелые. То глупая принцесса просит не есть ее. То какие — то странные люди чешут тебя копытами. Ты просишь пониже и левее, а они в панике разбегаются.

Я не умею летать. У меня нет крыльев. Но я умею летать вместе с ними. Просто никто этого не видит. А все потому, что я умею летать сердцем.

Так, а кто шапку снял! Нет, вроде не снял... А нет! Снял!

Конец!